

*Записки
блокадницы*

Галина Точилова

Галина Точилова

Записки блокадницы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70283173

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта книга – не просто семейная летопись. Подкупающе искренний рассказ женщины, пережившей блокаду, эвакуацию и послевоенную разруху, рисует честную картину жизни всей страны. География повествования охватывает Ленинград, Псковщину, Молотовскую – ныне Пермскую – область, Подмосковье, окрестности Калининграда. Память автора сохранила множество частных историй и характерных деталей, позволяющих читателю ощутить дух сурового времени и рисующих портреты людей, которые в любых условиях сохраняли мужество, жизнелюбие и оптимизм.

Содержание

1. О предках	6
1.1. Из истории семьи	6
1.2. Из истории рода	12
1.3. Родня отца	17
2. Из детства, 1926–1941	19
2.1. Апапаня	19
2.2. Воскресный день	21
2.3. Праздники	26
2.4. Дачи довоенные	28
2.5. На Псковщине	48
2.6. Школьные годы	52
3. О блокаде	67
3.1. Стихи	67
3.2. Проза	78
4. Эвакуация	113
4.1. Мы в эвакуации (стихи)	113
4.2. В Молотовской области	120
4.3. Павловский Посад, 1943–1945	128
4.3.1. Наше житье	128
4.3.2. Истории времен Павловского Посада	143
5. Ленинград, 1945–1948	147
5.1. Возвращение	147
5.2. Праздники	152

5.3. Моменты 1947 года	156
5.4. Университет	160
6. По гарнизонам	175
6.1. На Косе, 1948–1950	175
6.2. Храброво, 1950–1951	208
6.3. Чкаловск, 1951–1954	215
6.4. Нивенск, 1954–1960	221
6.4.1. Андрюша	221
6.4.2. Валюша	223
6.4.3. Шпионы	227
6.4.4. Пянкин	228
6.4.5. Летняя страда	230
6.4.6. Кабачок	232
6.4.7. Обливание	233
6.4.8. Замполит	235
6.4.9. Первое апреля	238
6.4.10. Маски	240
6.4.11. Кто первый	242
6.4.12. Операция «Дрова»	244
6.5. Балтийск, 1960–1961	246
6.5.1. События	246
6.5.2. Рутинa	247
7. Карташевская, 1962–1967	254
7.1. Поросенок	254
7.2. Сказ о рыси	257
8. Рощино	261

Галина Точилова

Записки блокадницы

1. О предках

1.1. Из истории семьи

Давным-давно, после Октябрьской революции 1917 года началась эта история.

В одной питерской типографии работали три товарища – Василий, Андрей и Михаил. А в одном доме на улице Красноармейской жили три подруги – Зина, Лена и Катя. Были трудные времена, которые и свели всех их вместе.

Зина решила семечками торговать, Катя – их доставать, а Елена – жарить. И вот работа закипела, доход делили на троих. Парни раз купили, и им понравились и семечки, и продавец. И вот это обстоятельство и познакомило наших героев. Лена с Катей решили посмотреть, как Зина торгует, и подбодрить ее. А в это время все трое друзей пришли семечки купить. Василий берет один стакан на всех, а остальные стоят в сторонке и смотрят. Вот Елена, видя это, и говорит:

– Ну, что, хлебальники раскрыв, стойте? Семечки вкусные – налетай! Зинка, по стакану всем насыпай. Чего жмо-

титесь, деревня?

Вот на таких тонах и состоялось знакомство. Василий на Елену глаз положил, а она – на Михаила. Но судьба все решила по-своему. Зина Ваську быстро к своим рукам прибрала – поженились. Андрей за Ляльку (она же Елена) зацепился, а Мишка с Катериной остался. Через два года вторая пара поженилась – Елена с Андреем.

А Катька Мишку с носом оставила. Где-то нашла молодого красавца юнкера, который, оставив ей на память доченьку, быстро сбежал. Потом у Кати еще несколько мужиков было, а с последним – Яшиным – она переехала в Москву. Так их мужская тройца распалась, и остались в дружбе пять человек. И жили в одном дворе, у всех родилось по дочке, и те тоже дружили.

Вот это краткий обзор событий, предварявших те, о которых я хочу рассказать. Это предисловие.

Каждое Рождество собирали сначала мальчишник, а потом – девичник. Вот как это было. В мальчишнике участвовали два Андрея, Василий и Михаил. В другие праздники – только два Андрея. Добавившийся второй Андрей – муж моей тети Ани. На двоих Андреи выпивали маленькую, а на четверых – поллитровку. Потом они пели, плясали, на струнных играли. В Рождество перед иконами тетя Аня зажигала две лампадки. Начинали Андреи пение. Во-первых:

Помолимся, помолимся небесному творцу.

Мы к рюмочке приложимся, затем и к огурцу.

Во-вторых:

Стаканчики граненые
Упали со стола,
Упали и разбились,
Разбита жизнь моя.

В-третьих:

Выйдем вечерочком
Повидать дружочков,
Выпьем по одной,
Выпьем по второй —
Сразу жизнь покажется иной.

На столе была закуска: сало с хлебом, огурцы соленые и килька в банке, которую ели прямо с головой и кишками. Василий был портной и очень дорогой, шил лучше всех, но любил прибедняться. И он пел свою коронную:

Гоп со смыком – это буду я,
В работе я – портняжка,
Все время не слезаю с верстака
И, засунув руки в брюки, задаю вопрос —
Почему нет водки на Луне?

Все вместе пели:

По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей,
Выпьем и закусим, потом еще налей.

Михаил пел:

Из-под дуба, из-под дуба
Со свиньей встречаться буду,
Пятачок к пяточку,
На жопе закорючка.

Крестный Андрей:

Как за речкою, да за Дунайкою
Живет Сашенька, да с балалайкою.

И затем раскатистый громкий свист, как у Соловья-разбойника. Сразу же в дверях появлялась тетя Аня со словами:

– Ты что, совсем обалдел?

В ответ два Андрея пели из Есенина:

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я – привет тебе, привет.

В ответ тетя Аня говорила:

– Тьфу на вас,

– и скрывалась за дверью.

Затем папа Андрей играл на мандолине, и все пели есенинские песни. Потом под балалайку – некрасовские. Напевшись, все расходились. Зина являлась за Василием и уводила его. Михаил уходил к Катерине или оставался у нас.

Мы с младшим братом Олегом были зрителями и тихонько сидели на диване, каждый с миногой в руке. И с аппетитом поедали ее! Михаил уже к этому времени работал в магазине на Фонтанке – рыбном поплавке. И, приходя к нам, всегда приносил большой сверток с миногами.

Когда все расходились, на стол водружался кипящий самовар, и начиналось женское чаепитие с пирогами и колотым сахаром вприкуску. Пироги мама Лена пекла очень вкусные – с капустой, с визигой или с саго, ватрушки с творогом или брусникой. С брусникой – это если с блохой-поганкой (о ней позже) не были в ссоре, поскольку та давала моченую бруснику с корицей и гвоздикой. Мама Лена и ей пекла ватрушку.

На девичнике было скучно, одни пересуды. Вот такие пироги бывали в те времена. В СССР жили и не тужили. У ребят детство тогда было хорошее. Новый год встречали все

родные вместе, с детьми. Он считался детским праздником.
Ну, вот и все!

1.2. Из истории рода

В рязанском селе Заполье жил конюх Кузьмин по прозвищу дедка Тяж. По самым приблизительным прикидкам его год рождения был около 1830 года, в пушкинское время. От его прозвища и пошла фамилия.

– Чьи это сыновья? Чьи девки?

– Тяжовы.

Сыновей Тяжовых звали Трофим и Кузьма.

Трофим женился на городской белошвейке и увез ее к себе в деревню. Надорвавшись от тяжелой и непривычной крестьянской работы, его жена рано умерла. От первого брака у Трофима было три дочери – Фекла, Анисья, Елена (прожила 92 года – рекорд рода) – и сын Василий, младший. Старшая Фекла, 1870 года рождения, подалась в Петербург к своей тетке и устроилась в услужение. Овдовев, Трофим женился во второй раз. Мачеха не любила детей от первого брака, особенно доставалось младшему Васе. За малейшую провинность мачеха надевала ему на шею хомут и на целый день сажала в погреб. Девкам тоже доставалось. Поэтому Фекла, называвшая себя Фаней, по очереди перетасила их в Петербург.

Там Анисья вышла замуж за кучера, которого господа, отправившись за границу, прихватили с собой. Вернулись из Европы не в Петербург, а в Москву. Так Анисья стала моск-

вичкой. Своим сестрам она привезла из поездки европейские обновы. Потом кучер Иван переквалифицировался в мельника, жили в Кудиново. У Анисьи имелось несчетное количество кур, которые были в полудиком состоянии и неслись где вздумается. Своей частенько гостившей у нее племяннице Елене она говорила:

– Ленка, пойди собери яйца.

И та их выискивала в траве и других укромных местах. Найденное выкладывала вокруг огромного самовара. И когда он закипал, яйца успевали свариться. У Анисьи было четыре дочери – Лиза, Мария, Валентина, Нина – и сын Саша.

Василий стал сапожником, ну и начал выпивать, как тому положено. А обувь шил замечательно. Так Фанина барыня заказывала только ему. Получит Вася плату за работу, оденется щеголем. А спустя некоторое время все с себя пропьет и является к сестре оборвышем. Барыня жалела его и через Фаню передавала старую барскую одежду.

– Зачем это? – говорила Фаня. – Все равно пропьет.

– Ну что ты, Фаня, такой замечательный сапожник и хороший человек.

Позднее он женился на Варваре, которая была то ли баптисткой, то ли адвентисткой, и резко бросил пить. И даже стал проповедником. Но здоровье было подорвано, и он умер в самом начале 1930-х годов (вероятно, в 1932-м), оставив жену и пятерых детей – Тимофея (1921), Евгения (1923), Надежду (1925), Веру (1927) и Валентина (1929). Варвара и На-

дежда умерли в блокаду, а Валентин – по дороге в эвакуацию.

Елена Трофимовна, 1875 года рождения, вышла замуж за вдовца, у которого были дочери Лиза и Валентина. Своих детей у нее не родилось. У Валентины была дочь Тамара, у Лизы – два сына, которые умерли в блокаду, и дочь Райка приблизительно 1929 года рождения. Валентина работала кондуктором, замуж не вышла, а дочь Тамару родила от красавца-инженера, работавшего также в автопарке. Тамарка получилась очень красивой, с шикарными рыжими волосами. Валентина, призвав свидетелей, добилась алиментов с инженера. Тамара, узнав историю своего рождения, была шокирована, и у нее с матерью установились натянутые отношения.

А теперь центральная ветвь. Фаня вышла замуж за дворника Иллариона Зубова, по слухам, побочного сына графа Зубова. У них родились три дочери – Анна (1895), Мария (1900), Елена (1904) – и сын Коля, умерший шестнадцати лет от воспаления легких. Похоронили его на Богословском кладбище. Сестра Лена сунула в могилу ветку березы, которая приросла. Много позже береза расколола раковину, и могила была утрачена. Кажется, тетка-белошвейка Фани также похоронена где-то на Богословском кладбище. Удивительно, что сестры были разные и по внешности, и по характеру.

Насчет графства Зубова. У Марии был крестный, которого ее мать Фаня почему-то терпеть не могла – и очень сердилась, когда тот приходил. Как-то Мария взяла свою малень-

кую племянницу Галину в гости к своему крестному. Тот был очень зажиточным, поскольку работал швейцаром в гостинице «Астория», где получал хорошие чаевые. Там у него в гостях и зашел разговор о Зубове. Крестный высказался в том плане, что если бы Илларион не был бы таким гордецом и согласился со своим отцом, то жил бы припеваючи. Когда они ушли домой, тетка по дороге приказала своей племяннице Галине:

– Забудь все то, о чем здесь говорили.

Именно поэтому Галя это и запомнила (помните – «Забывать Герострата!»?). Вероятно, Елена Илларионовна что-то рассказала о своем отце внуку Леше, поскольку, когда во время перестройки пошла мода на титулы, у того были какие-то поползновения в этом плане.

Из трех сестер дети были только у Елены, а Анна и Мария остались бездетными. Жили сестры в одной коммунальной квартире на 11-й Красноармейской, это произошло не сразу, а в результате обмена. У каждой имелась своя комната с высокими потолками. Были в квартире и другие жильцы.

Анна Илларионовна вышла замуж за балтийского моряка Скакунова Андрея Мартемьяновича, который был лично знаком с легендарным Дыбенко. Это помогло ему во время Кронштадтского мятежа, в котором он не участвовал, но служил на линкоре «Марат». Родом Андрей Скакунов 1899 года рождения был из Сибири. Рослый и физически крепкий. Он стал крестным для многих детишек. Работал в обой-

ме руководителей невысокого звена – начальник стройки, руководитель подсобного хозяйства и прочее. Во время войны был призван в армию, но на хозяйственные работы. Человек творческий: придумал автоматизированную линию для обжига кирпичей. Примазавшиеся «соавторы» получили за нее Ленинскую премию, а его забыли.

Анна, жена его, была красивее своих сестер. От прежних хозяев им досталась мебель: монументальный резной дубовый буфет, под стать ему стол, над ним абажур, который поднимался и опускался, самоварный столик, красивые дубовые стулья с плетеными спинками, входившая в гарнитур тумбочка у кровати.

Мария Илларионовна вышла замуж за Алексея Михайлова, личного водителя директора пивоваренного завода «Красная Бавария», с которым рассталась. Потом у нее был Кузнецов, запомнившийся тем, что жарил себе и ел тухлые куриные яйца. Мария работала телефонисткой на заводском коммутаторе завода «Ленжет», поэтому во время блокады ей не разрешили эвакуироваться. Говорят, что, оставшись в блокадном городе вдвоем со своей мамой, она повредила рассудком – ругала Сталина. Ее нашли повешенной. Сама она это сделала или ей помогли, история об этом умалчивает. Похоронена на Богословском кладбище.

1.3. Родня отца

У моего отца в Ленинграде до войны жили младшая сестра Вера, старший брат Миша и младший Митя.

Миша жил на Московском проспекте, 20, был женат и имел четырех детей: старшая Тоня, младшая Люда, между ними два брата, имена которых не помню. У дяди Миши до войны мы с папой были два раза. Моя мама почему-то с родней отца не контактировала, и к нам в гости никто из папиных родных не приходил (наша интеллигенция с ярославской деревенщиной не зналась). Имя дядькиной жены не помню. Дядя Миша с моим папой были похожи, ростом приблизительно одинаковые, только дядя Миша более худой. После войны я встретила на Сенном рынке мою одноклассницу Ленку Минину, которая зазвала меня к себе в гости, и оказалось, что она жила на одной лестничной площадке с дядей Мишей. Ленка позвонила своим соседям, и выяснилось, что дяди Миши там уже нет, а те, кто жил, ничего о нем не знали. Я и раньше звонила в эту квартиру, но мне не открыли, а вот Ленку впустили, соседка ведь.

Митя жил у Пяти углов, он и его сестра Варвара были похожи. Дядя Митя – невысокого роста, кривоногий, рыжеватый. У него мы с папой были в гостях лишь один раз. У дяди Мити имелся граммофон – редкость в то время. Кажется, он был не женат. Жил в комнате в коммунальной квартире.

Вера обитала в той же квартире, что и дядя Митя, но в своей комнате. Была ли она замужем, не знаю, но растила дочку приблизительно моего возраста.

В Ленинграде жили тетки отца: Поля и Вера.

Тетя Поля жила на 12-й Красноармейской, дом 6 (наискосок от нашего дома, напротив был восьмой). Тетя Поля находилась в услужении у семьи и имела в квартире свою комнату. В гостях у тети Поли мы ни разу не были, а вот по каким-то делам я к ней забегала, и тоже по какой-то надобности (не в гости) она заходила к нам. Тетя была небольшого роста, худенькая, волосы темные.

Тетя Вера больше походила на Митю: круглое лицо, рыжеватые волосы. Где она жила – не знаю, может быть, она в Ленинград только приезжала к тете Поле.

О родителях отца (моих деде и бабке по отцовской линии) никогда речи не заводили. Были ли они живы – не знаю. После войны я никого из родни отца не встречала и ничего о них не слыхала.

2. Из детства, 1926–1941

2.1. Апапаня

Помню себя лет с пяти, когда мы жили в коммуналке. Наша соседка Александра Павловна работала в академии медсестрой, была внушительных размеров и очень смешливая. Она была связана гражданским браком с Борисом Петровичем. Когда я была совсем маленькой, не могла выговорить ее имя-отчество и звала ее Апапаня, и все в квартире ее только так и величали.

Она при мне со своим Борисом Петровичем обращалась фривольно, а я ей в этом подражала, чем от нее похвалу заслуживала, чему она рада была – от души хохотала и этим меня поощряла. Тетя Аня с ней ругалась, считая, что она ребенка к неуважению к старшим приучает.

Апапаня меня каждый день приглашала стихи читать, концерт им устраивать. Я читала громко, с выражением и хотела, чтобы мне по окончании все хлопали. Помню моменты в стихах, которые особо нравились Апапане и Борису Петровичу. Стих заканчивался так: «Я поправлюсь совсем, когда сытно поем». А я утверждаю:

– Ситного – булки.

Борис Петрович дважды возражает:

– Не «булки», а «сытно».

– Нет, – упорствую я. – Какой же ты дурачок, Бориска, все же.

И все заканчивается гомерическим хохотом одобрения Апапани. Появляется тетя Аня и за руку уводит меня. В другой раз Борис Петрович мне не хлопает, и я его вопрошаю:

– А ты, чумичка, почему не хлопаешь?

И сцена с хохотом и тетей Аней повторяется.

Еще один коммунальный эпизод: иду я по коридору на кухню, и из дверей Буйко вываливается бабушка, падает и разбивается. Она больная, полупарализованная, а ее Маха выталкивает в уборную. Я грозно топаю ногой и строго говорю:

– Не смей бросать бабушку, блоха-поганка!

Ее так все за глаза звали. Она тут догадалась об этом и вечером моим родителям закатила скандал, так как была самая скандальная баба в нашей квартире. Это помню очень хорошо до сих пор и сейчас уже оценку этому даю.

2.2. Воскресный день

Один день не простой, а воскресный. Мы всегда проводили его с папой, и начинался он так. Я и папа раньше всех поднимались и в магазин отправлялись – запасали на весь день особый, отличный от общепита провиант.

В магазине закупали все по списку: десяток яиц; килограмм колбасы, и только «собачья радость», которая у нас в доме обычно не употреблялась; горчичный ситный к чаю; масло «Вологодское»; десяток пирожных в ассортименте; конфеты шоколадные «Руслан», самые лучшие, «Лакмэ» и «Сливочные тянучки». И обязательно рыба с палкой, которая просовывалась в пасть, а к ней крепилась веревочка, которой рыба оплеталась, чтобы она не распалась. Рыба была копченая, вкуснотища необыкновенная, либо лещ, либо судак, либо сазан. «Лакмэ» и «Сливочные тянучки» покупались в пику «дворянскому» воспитанию тети Ани, поскольку «Лакмэ» безобразно тянулись, и мы их, балуясь, растягивали на полстола, а «Сливочные тянучки» приходилось отдирать от зубов пальцами. Тетю Аню это жестоко коробило.

Придя домой, завтрак готовили сами. Доставалась из загашника, известного только мне, самая огромная сковорода, и жарилась очень вкусная яичница. Один килограмм колбасы заливали десятком яиц. И эта скворчащая яичница на сковороде выставлялась прямо на стол. И за него, безо вся-

ких возражений, собиралась вся домашняя команда, и завтракали нашим угощением. И никто не осмеливался роптать, все по команде начинали уплетать так, что за ушами пищало. Нас было пять человек, как раз по два яйца на брата. Пили чай с горчичным ситным, у которого вкус был особый, отменный. Говорят, что он выпекался с добавлением ячменной муки.

Этот завтрак повторялся каждое воскресенье, хотя были попытки бунта со стороны мамы и бабушки. Бабушка говорила:

– Я это не ем, а только картошку с капустой.

На это папа возражал:

– Вот поэтому у рязанцев косопузых брюхо на сторону газами свернуло.

Мама же жирного не ела, боясь растолстеть и пытаясь соблюдать диету. На это папа шутил:

– Мы женщин полных любим, а не еле-еле душа в теле.

А мы, дети, всеядные были – и папин завтрак с удовольствием ели, и от бабушкиной капусты не отказывались. И брюхо у нас от нее на сторону не сворачивало. А потом перед обедом ели рыбу с таким аппетитом, что я всегда удивлялась, почему палка оставалась, а не съедалась тоже.

До обеда ходили гулять, весной или осенью в какой-нибудь садик или по улицам папа нас водил. Как говорил, с городом нас знакомил: рожденный в нем должен знать его историю наизусть. Сначала сам рассказывал, а потом мы ответ

держали, как на экзамене. Зимой на катке на коньках катались, потом после обеда творчеством занимались.

А иногда день продолжался так. Мама нам давала задание: разобрать этажерку и вытереть пыль. Все это под руководством папы, а сама уходила на кухню – готовить обед. Уборка начиналась с самодеятельности: мы с Олегом читали стихи, плясали, разыгрывали сценки. Папа играл на мандолине или балалайке, а иногда на расческе с бумагой.

Начиналась пляска – матросский танец «Яблочко» с картинками:

1. Вытягивали якорь.
2. Ставили паруса.
3. Впередсмотрящие глядели в бинокль.
4. Управляли: «Право руля!», «Лево руля!».
5. Гребли веслами и т. д.

Дальше шла сценка про Ерему и Фому, и пели, кто-то за Ерему, а другой за Фому.

Вот приехали два братца из деревни в Ленинград.
Вот Ерема купил лодку, а Фома купил челнок.

Припев:

Тула, Тула перевернула,
Тула – родина моя.

У Еремы лодка с дыркой, у Фомы челнок без дна.

Припев.

Вот Ерема стал тонуть, Фому за ногу тянуть.

Припев.

Вот Фома пошел на дно, а Ерема там давно.

Припев.

В перерывах бегали на кухню – раздобыть втихаря что-нибудь на троих, когда блины, когда котлеты. Потом плясали лезгинку с пением.

Черкес молодой
На коне катался,
Кинжал золотой
На боку болтался.

Припев:

Ойся, да ойся,
Ты меня не бойся,
Я тебя не трону,
Ты не беспокойся.

Черкес молодой, чернобровый.
У черкеса кинжал новый,

В грудь вопьется,
По кинжалу кровь польется.

Припев.

Ну, вот. Мама уже приготовила и обед и ужин, а у нас еще конь не валялся. Хором отвечали:

– Пыль никуда не денется, полежит до следующего раза.

Вечером с таким же концертом собирали папу в театр или кино. Он играл, а мы под музыку натягивали на него рубаху, пристегивали запонками к ней воротничок и манжеты, повязывали галстук, искали его носки и баретки. Мама его, а не он ее, водила в кино или театр. Так что с горем пополам собрали на выход, и готов. И когда двери за ними закрывались, бабушка их вслед крестила, и сама крестилась, и, облегченно вздохнув, говорила, не зло, а с любовью:

– Вот ведь трепач ярославский!

Мы начинали реквизит убирать, порядок наводить и на завтра в школу портфели собирать. Я еще гладила одежду. Это я описала один воскресный день, а они были разнообразными. Так мы жили и папу с мамой очень любили.

2.3. Праздники

Сейчас я ночью плохо сплю —
В воспоминаниях живу.
Былое как бы вновь переживаю
И детство и юность вспоминаю.

Не знаю кто как, а я как-то бездумно жила —
Что день грядущий преподносил,
То и принимала и счастлива была.
Жила, жила, не тратя дум и сил.

Но это было так давно, в другом веке,
В другом тысячелетии, в другой стране,
Где больше было доброты в человеке,
И все прекрасным казалось мне.

Вот сейчас в праздничные дни,
Которые вспоминают одни старики,
Хочу о прошлом рассказать,
Как приходилось праздники справлять.

Я в ноябре и мае на демонстрацию ходила
С мамой вместе, в ее рабочем коллективе.
Цель была – до площади дойти
И по ней мимо трибун пройти.
Лозунги и транспаранты пронести,

Нашим правителям прокричать «ура»,
А на транспарантах была хвала.

Пока колонны по улицам шли,
В их рядах всегда веселье было —
Пели и плясали, и музыка играла.
И на автомашинах рядышком еду везли,
Чем-то вкусным угощали.

Площадь пройдя, колонны по двум путям направлялись
—

Одни на Халтурина, на Марсово поле выходили,
Другие по Мойке на Конюшенную, а там
По городу толпа растекалась,
А мы всегда на Мойке, дом восемь, оставались.

Там дядя Яша холостяком проживал
И очень дружелюбно всех у себя принимал,
Там вся родня двух ветвей встречалась,
Которая даже между собой не общалась.

До вечера там праздник гуляли,
Вечером на фейерверк на Мойку выходили,
Там всегда народу много было,
С каждым залпом «ура» кричали,
Свою радость выражали.

2.4. Дачи довоенные

1927 год, Стрельна.

Из жизни в Стрельне помню лишь один эпизод по рассказам взрослых. Мне тогда было восемь месяцев. Гуляя как-то, я начала требовать:

– Лени, лени!

– Что это она хочет?

– Да она хочет сесть на оленя, – пояснила Ольга Редькина, которая была лет на семь-восемь старше меня. – Я сажала ее.

Когда взрослые увидели этого оленя, то ужаснулись. Мало того, что он был высоким для ребенка возраста Оли, он еще и помещался на каменном постаменте. Поэтому удивительно, как она меня не уронила. А где же были взрослые, когда Оля сажала меня?!

* * *

1928 год, Мартышкино.

О том, что мы провели здесь лето, я узнала в 1939 году, когда мы приехали сюда, чтобы арендовать дачу. Родители хотели снять ее в том же доме, что и раньше. Но место уже оказалось занято, и мы поехали в Новый Петергоф. Мне было жаль, что не удалось остаться в Мартышкино, поскольку там, открыв калитку, сразу выходишь на берег Финского за-

лива.

* * *

1929–1931 годы, Красные Струги.

На даче в Красных Стругах мы жили три сезона. Сначала снимали у базарной площади, а потом у Надежды Савельевны. На базарной площади по воскресеньям устраивались ярмарки, на которые крестьяне из соседних деревень привозили на продажу свои продукты: молоко, сметану, творог, яйца, телятину, свинину, кур, кроликов, а также овощи. Все свежайшее, натуральное и вкусное. Мы перепробовали все, поскольку цены были доступные и можно было торговаться.

Особенно яро и занудно торговалась одна еврейка, снимавшая дачу по соседству. Обычно она торговала и покупала кур. Однажды она так достала продавца, что он схватил курицу одной рукой за обе лапы и стукнул ею еврейку по голове. Крику было!

У Надежды Савельевны жили две дочери – Ольга и Соня, уже взрослые. У меня был друг Алик, мой ровесник, который говорил:

– Я буду тебя защищать.

Но на деле это мне приходилось защищать его от местных мальчишек. Кажется, он приходился племянником Соне, которая его привозила на дачу. С местными мальчишками я дралась успешно, раздавая им подзатыльники и зуботычины.

Иногда доставалось от меня и Алику, на помощь которому тогда приходила Соня.

Поскольку Красные Струги были далеко от Ленинграда, то родители на выходные не приезжали. Свой отпуск здесь проводил папа, а потом его сменяла мама. Во время пере­сменки, когда родителей не было, я жила в комнате у Сони. Продукты из города не завозили, а покупали на неделю на рынке. Хранили их в леднике, который был практически у каждого дома. Озер там было много, поэтому хозяева за­готавливали на них лед, загружали в ледник и застилали соло­мой. Лед сохранялся все лето.

В жаркую погоду мы купались в озере. Папа оборудовал для нас свое место, которое никто не занимал. Песок был мелкий и мягкий. Окружал озеро молодой сосняк. Папа ловил рыбу, а по крутым склонам у озера росло множество бе­лых грибов. Мы с папой собирали их в большую бельевую корзину с двумя ручками. Набирали целую корзину, и толь­ко одни отборные белые.

* * *

1932 год, Поповка.

Мы снимали помещение на втором этаже. Грудной бра­тишка Алик так осточертел своим плачем и криком, что у меня возникло сильное желание выкинуть его в окошко. К тому же, когда мама уходила в магазин или еще куда-нибудь,

мне приходилось сидеть с ним вместо того, чтобы гулять.

* * *

1933 год, Девяткино.

Папа устроился в Девяткино на работу, и поэтому мы провели лето там. В Девяткино была ненормальная женщина с очень маленькой головой, очень злая. Раз она почему-то погналась за нами, ребятами, и, спасаясь от нее, мы спрыгнули в песчаный карьер. А вылезти не смогли, поскольку стенки у ямы были высокие и крутые. Там мы и просидели до вечера, когда обеспокоенные нашим долгим отсутствием родители нашли и вытащили нас.

* * *

1934 год, Елизаветино.

На даче я жила с бабушкой Фаней, братом Аликом и няней Зоей. А через несколько домов от нас снимала дачу моя крестная Александра Павловна Редькина с дочерью и внуком Аликом. С ними мы общались каждый день.

В бывшей барской усадьбе разместилась опытно-селекционная станция Института растениеводства – место очень притягательное для детворы. Туда лазили за горохом, очень крупным и вкусным. Ели и горошины, и стручок. А когда

полезли за яблоками, появился сторож с ружьем. Удирая, я спрыгнула с забора, но неудачно – зацепилась платьем и повисла. Платье было новое и крепкое, я задергалась и отцепилась, разорвав его. Платье мне очень нравилось, как было жалко его! Говорили, что на станцию приезжал сам Мичурин, поэтому яблоки там росли мичуринские.

Когда мы играли в прятки «Двенадцать палочек», я решила схитрить и пробраться по канаве, заросшей сверху крапивой. Чтобы попасть на дно канавы и не обжечься, я на голое тело завернулась в простыню и прыгнула через крапиву. Но на мою беду простыня зацепилась за забор, и я проломилась через крапиву практически голая. Увидев волдыри-ожоги, моя бабушка перепугалась, решив, что я подцепила какую-то заразу. Я успокоила ее, однако сама была не рада. Еще раз волдыри у меня, а также и у моей няни Зои появились после того, как нас покусали пчелы. Пострадали мы невинно, ни за что, просто проходили вблизи пасеки. Когда напали пчелы, то стали отбиваться, а напрасно – вышло еще хуже.

Александра Павловна решила покрестить внука Алика. Для этого пригласили батюшку к себе домой. Все приготовили для крещения – в ванночку налили воды, священник положил туда большой серебряный крест, вылил целую бутылку святой воды. Крестной была я, а крестным, заочно, муж тети Ани, Скакунов Андрей Мартемьянович по прозвищу Кока. Перед тем как окунать младенца в воду, крестная, то есть я,

должна была обнести крестника на руках вокруг купели три раза под пение псалмов. А Алик успел в это время схватить меня за нос, а попа дернуть за бороду. После ритуала крещения отметили это событие за столом, обмыв черносмородиновой наливкой. И ведь и мне наливали! Тоже мне взрослые. Домой я возвращалась, держась за заборы, чтобы не упасть в канаву. Но дошла благополучно, представ в таком виде перед бабой Фаней. Та, конечно, высказалась в связи с этим в адрес Александры Павловны.

В выходной обычно собирались все члены нашего «колхоза». Приезжала тетя Аня с крестным Кокой, мама. Как-то раз устроили пикник на опушке леса. Моя крестная захватила много продуктов – выпечку, копченый окорок и прочее. Заводили патефон, веселились. Но внезапно набежала туча, единственная на небе, и пошел дождь. А когда мы удирали через луг, посыпал и град – крупный, с вишню. Сняв с себя одежду, укрыли ею Алика, я пряталась под простыней, но она не спасала и было больно.

Среди мальчишек я была своей и заводилой. Мы любили играть в «Попа-загонялу». Расстояние до станции составляло порядка трех километров, и мы могли загнать «попа» больше чем до половины этой дистанции. А потом бежали наперегонки назад кто с битами, кто с «попом». И нередко я прибегала первой, хотя и была упитанной. Также играли в городки, иногда вместе со взрослыми. Городки мне сделал папа.

Где-то на половине дистанции до станции находился цех по изготовлению бижутерии. Возле него стоял ящик, куда складывали брак. Я там себе набрала много разного и осенью дарила друзьям в Ленинграде.

Запомнилась одна бабка, жившая по соседству. Ей было больше ста лет, а она еще работала в колхозе, всегда была веселая, энергичная, совсем не похожая на древнюю старуху.

Говорили, что в тех местах был особый микроклимат. А леса отличались уникальными растениями. В них росли в большом количестве ночные фиалки, обладающие очень сильным и приятным запахом. Как и от черемухи, от большого букета ночных фиалок, поставленного в комнате, можно было «угореть». Мне посчастливилось найти орхидею «Венерин сапожок» желто-фиолетовой расцветки. Говорили, что этот цветок рос только там и нигде больше в Ленинградской области не встречался. В елизаветинских лесах я впервые увидела насекомоядную росянку.

* * *

1935–1936 годы, Мариенбург.

В Мариенбург мы попали следующим образом: Мартеньяныч вводил в строй завод Рошалья, не знаю, что он должен был выпускать, поэтому там находилась и тетя Аня, к которой мы приехали. Она жила вместе с хозяевами – Тарасовыми, хозяйку звали Наталья Даниловна. У них было двое

детей много старше меня, Вася и Валя. Дом находился на берегу речушки, уходящей к заводу и летом пересыхавшей. На другом ее берегу располагался гатчинский аэродром. С соседскими ребятами я лазила на аэродром под проволоку, чтобы посмотреть поближе взлет самолетов. В доме стояла какая-то старинная допотопная мебель, а их умывальник я воспринимала как Мойдодыра.

Тот год запомнился двумя событиями. Хозяйская дочка Валя ухитрилась проглотить чайную ложку. И Кока на заводской машине в сопровождении Натальи Даниловны возил ее в ленинградскую больницу. Говорили, что врачи извлекли ложку с помощью магнита, но как – не представляю. И сейчас, когда давлюсь таблетками, поражаюсь проглоченной чайной ложке. Другой случай уже был со мной. Я шла по улице мимо стада гусей, миновала их, а гусак догнал меня и выщипнул сзади кусок из моей лодыжки. Так метка-шрам осталась у меня на всю жизнь. После этого мимо гусей я ходила с хворостиной.

Говорили, что наш хозяин во время войны при немцах стал старостой. Странно, ведь после войны его не трогали как предателя. И, кроме того, Вася воевал офицером в Красной армии, и Валя также была на фронте во время войны.

На следующий год мы сняли дом на Центральной улице у Дюковых, Анатолия и Любы. Одну комнату заняли мы, а вторую – крестная. Хозяева ушли жить в пристройку со стороны двора, а кухня была общей. Дом стоял на перекрестке,

и к нему со стороны площади примыкал дом родного брата Анатолия – Николая, жена которого Полина была двоюродной сестрой Любы. Остальные углы площади занимали пекарня, продуктовый магазин и сельпо, где торговали хозяйками.

Возле дома Николая постоянно стояла тележка с мороженым. Продавщица имела приспособу, в которую закладывался вафельный кружок с выдавленным на нем именем. На вафлю наносилось мороженое, закрываемое сверху вторым вафельным кружком, готовый брикетик выталкивался из приспособы. Маленький брикетик стоил 20 копеек, а большой – 40.

У «наших» Дюковых было двое сыновей – мой ровесник Валька и старший Анатолий. Мы с Валькой несколько раз приносили из лесу ежей. Но те обдирали обои, и тетя Люба заставила унести их обратно. У Николая же были две девочки – старшая Гуля и моя ровесница Вера, с которой мы стали подругами. Вера обычно ходила со мной на вокзал встречать моих родителей, приезжавших к нам на выходные.

Однажды, придя на вокзал, мы увидели на крыльце цыганенка Петьку. Он просунул голову между прутьями, а вытащить ее не получалось. Мы попытались раздвинуть стойки перил, чтобы освободить его голову, но куда там! Тогда побежали в дом напротив и попросили ножовку. Мужик, давший нам ее, вышел следом, чтобы посмотреть, что же мы собрались пилить. Увидел Петьку и сказал:

– Ага, цыганенок попался в капкан.

В благодарность за то, что мы его освободили, Петька сводил нас под платформу, где можно было найти деньги. Пассажиры второпях роняли монеты, которые проваливались вниз через щели платформы. Наиболее урожайным было место под кассой. Раз нашли даже бумажный рубль, непонятно только, как он ухитрился провалиться. Почти все найденное мы отдавали Петьке, оставляя себе на мороженое, с которым у нас в то лето проблем не возникало. И не имелось нужды выпрашивать у взрослых. Петька был приблизительно нашего возраста, но маленький и худенький, с рукой, поврежденной дверью электрички.

В Большой Гатчинский дворец мы с Верой ходили пешком. Во дворце находились детский сад и ясли, где работала мать Верки. Длинные дворцовые коридоры, в которых гулко отдавались шаги, навевали какое-то тревожное чувство.

Вдоль железной дороги со стороны Гатчины тянулась засаженная молодыми деревьями аллея, упиравшаяся в здание вокзала. В то лето выпал удивительно крупный град, жестоко обрубивший все сучья у деревьев на этой аллее. Остались лишь сиротливо стоявшие стволы.

За грибами ходили в смешанный лес, местные называли его «Ремиз», перед которым была поставлена изгородь. Нас больше интересовали губчатые грибы, а дядя Толя носил оттуда корзины белых груздей, он брал только их. Тетя Люба солила их в деревянном бочонке.

Дядя Толя ходил рыбачить на речку за железной дорогой. Нас с Верой он брать с собой не любил, поскольку мы лезли купаться и распугивали ему рыбу. Мы давали ему обещание, что в воду не полезем. Но купальник я надевала всегда. А раз есть купальник и речка, то как удержаться и не полезть в воду?!

* * *

1937 год, Зеленодольск.

В то лето Кока руководил стройкой Бумкомбината на Волге, и меня в сопровождении тети Ани отправили к нему. Точнее, стройка велась на берегу реки Волошка, короткого притока Волги. Волошка была довольно широкой, но мы с девчонками переплывали ее запросто. По ней для стройки сплавляли бревна, среди которых однажды запуталась огромная белуга. Такая огромная, что рабочие ее еле вытащили, оглушив каким-то плавучим молотом. А вот стерлядь ловили регулярно и, конечно, обеспечивали ею начальство – моего Коку, так что поели мы ее вволю. Такая вкусная рыба! На Волошке мы с ребятами развлекались тем, что прыгали с обрыва и по песку скатывались к воде.

А купаться мы обычно ходили на озеро, забывая при этом о времени. Крестный послал за мной свою овчарку Ллойда. Пес бегал по берегу и лаем вызывал меня домой, но я отмахнулась от него. Тогда Ллойд схватил мою одежду и утащил

ее. Это сейчас девчонки появляются в общественном месте едва одетые, и ничего. А тогда это было неприлично. И пришлось мне со слезами на глазах идти по поселку в одном купальнике. Кока уверял, что это не он научил так пса действовать, а Ллойд проявил инициативу.

Жили мы на втором верхнем этаже, занимали комнату с балконом. Квартира была коммунальная, из трех комнат. В одной жил холостяк Николай, а в другой – молодая семья с маленьким ребенком, кухня была общая. Балкон мы делили с соседями по другому подъезду. На балконе я посадила цветочки в консервных банках, а соседский Иська, мой ровесник, сбросил их вниз. За это я его хорошенько отлупила. Он плакал и пожаловался своей матери. Марья Григорьевна упрекала меня:

– Галя, как же так?

– А что?! Мало того, что он не уважает чужой труд, мой труд, но он мог еще тяжелыми банками угодить кому-нибудь в голову.

Последний аргумент, впрочем, был левым, поскольку попасть кому-нибудь в голову надо было еще постараться. Иська пытался свалить все на Ллойда, говоря, что это пес сбросил банки, но я отрезала:

– Он не такой дурак.

Спали мы под пологом, так как комаров была туча.

Ллойд на балконе ждал хозяина с работы, положив лапы на перила. Издалека могло показаться, что это стоит чело-

век. Когда Кока вступал на проложенные вдоль домов деревянные мостки, пес разражался радостным визгом.

Однажды мы отправились на Волгу. Купаться с нашего крутого берега было неудобно, поэтому Кока нанял лодку, и мы переправились на другой пологий берег. Пока мы купались, Ллойд направился к стаду коров и своим лаем довел их до того, что все стадо во главе с быком погналось за ним, а он, естественно, бросился удирать к своим хозяевам. Кока, увидав такое, скомандовал, чтобы все быстро садились в лодку, и, когда Ллойд также запрыгнул в нее, начал спешно выгребать на глубину. Так стадо, продолжая погоню, зашло в реку, и только глубина остановила его.

А когда мы купались с Тамарой Ухановой, моей ровесницей и подругой, то нас было не вытащить из воды. К тому же мы нацелились переплыть фарватер. И тогда Кока нарочно, чтобы испугать нас, крикнул:

– Смотрите, вон белуга!

Вид и размеры той пойманной белуги настолько впечатлили нас, что мы с Томкой как ошпаренные бросились на берег.

Когда мы во второй раз отправились на Волгу, то ловили рыбу, варили на костре уху. Но картину испортил наш сосед Николай – он чуть не утонул. Когда он начал тонуть, мы с Томкой сначала подумали, что он дурачится. Но, поняв, что дело серьезное, крикнули Коку. Тот незамедлительно бросился в воду и вытащил Николая. Он был синюшного цвета, его рва-

ло водой, а потом еще долго трясло.

Тетя Аня ухитрилась подцепить малярию, долго лечилась хиной. Поэтому мне пришлось обеспечивать еду. Каждый день у нас было одно и то же – гоголь-моголь из желтков куриных яиц и салат со сметаной из зеленого лука и свежих огурцов, за которыми я ходила в буфет Дома для приезжих. Поначалу мне приходилось упрашивать, чтобы мне там продали огурцы, но потом, когда узнали, кто я, стали готовить требуемое заранее. Наш рацион дополняла буханка свежего белого хлеба, и, надо сказать, ели мы с удовольствием и нам такая пища не надоедала. На ужин я жарила картошку с луком, заливая ее оставшимися от гоголь-моголя белками. А также варила для Ллойда овсянку с костями. Тетя Аня с кровати давала указания.

Когда играли в прятки, я придумала трюк: войти в наш двухэтажный дом в одну дверь, пробежать по чердаку, спуститься и выйти в другую, соседнюю дверь. И вот на чердаке я неожиданно уткнулась носом во что-то мягкое и холодное. Приглядевшись в полумраке, я обнаружила какие-то висящие мешки. Это были летучие мыши. Признаться, встреча с таким природным явлением не доставила мне никакого удовольствия. Летучих мышей я увидела в первый раз в моей жизни.

Приближалось Первое сентября, надо было возвращаться и идти в школу, но тетя Аня решила остаться. Хорошо, что Марье Григорьевне надо было в Ленинград. Я отправилась с

ней, ехали через Москву с ночевкой на даче в Подмоскowie у каких-то ее родственников или знакомых. Дача находилась в сосновом мелколесье, где я набрала маслят.

– Зачем ты их принесла, кто их будет чистить?

– Я.

Почищенные мной маслята пошли в дело.

* * *

В 1938 году лето провели на Псковщине.

* * *

1939 год, Новый Петергоф.

Там с нами попеременно в отпуске жили мама и папа, а когда они отсутствовали, то нас с моим братишкой Алькой опекала жившая на той же даче крестная. Чтобы мне было веселее, крестная взяла с собой девочку немного младше меня, Томусю Следкову, свою соседку по городской квартире. Ее и ее брата обижала мачеха, а крестная их жалела. Томуся оказалась лунатиком и пугала всех своими ночными вылазками.

Раз у меня разболелся зуб, и хозяйка посоветовала крестной сорвать созревший мак, заварить коробочку без зерен и напоить меня этим отваром. Крестная последовала этому

совету, а затем раскаялась и перепугалась, потому что с этого отвара я спала как убитая более суток. На упреки крестной хозяйка отвечала:

– Подумаешь, она просто спит, поспит и проснется.

Там на даче я в первый раз столкнулась с шаровой молнией. Во время грозы мы с кошкой увидели катящийся по дорожке светящийся шарик и наперегонки бросились схватить его. Кошка на свою беду и на мое счастье оказалась проворнее меня и первой схватила этот шар, который с треском лопнул, и кошка превратилась в обугленный комок. Как мне было жаль погибшей кошки, как я плакала над ней!

Хозяйский сын, кажется, Федька, был старше меня года на два. Когда ему на глаза попался большой зонтик, он придумал, что с ним можно прыгать, как с парашютом. Придумал он, а прыгнула с чердака я. После моего прыжка зонт восстановлению не подлежал – его вывернуло, а спицы сломались. Я же приземлилась довольно удачно, лишь слегка отбила ноги. Попало же за этот прыжок от матери только ему.

– Несправедливо, ведь прыгала она, а наказываешь меня.

– А затея твоя. Вот и получи.

Крестная была женщиной высокой, крупной, жизнерадостной, своей полноты не стеснялась. До того, как ее не убили слова одного встречного мальчишки:

– Вот это тетка! И какой же гроб ей нужен.

Эти глупые слова почему-то очень сильно задели и расстроили крестную.

Часто по выходным мы с родителями ходили смотреть петергофские фонтаны. Эти прогулки были очень заманчивыми для детей, поскольку в Петергофе гуляющим предлагались самые разнообразные угощения. В первую очередь – мороженое и лимонад. Кроме того, продавались козинаки: с семечками, маковыми зернами и со всевозможными орехами; ириски: «Кис-кис», «Золотой ключик», «Сливочные тянучки» и другие; сладости из слоистой карамели. Из тонких светлых трубочек слоистой карамели формировались разные подкрашенные фигурки: плитки, улитки, треугольники, кольца. Лотки, на которых выставлялись лакомства, были и переносными с ремнем на шею, и стеклянными на подставках. Продавались с тележек с установленными на них алюминиевыми бидонами и пирожки, сваренные в кипящем масле, как горячие, так и холодные.

Мы уходили гулять на целый день и возвращались на дачу вечером. Родители брали с собой еду, перекусить устраивались за выставленными летними столиками. Сохранилась фотография, сделанная во время одного из таких походов профессиональным фотографом.

* * *

1940 год, Мариенбург.

После четырехлетнего перерыва мы вновь решили провести лето в Мариенбурге, уже в третий раз. Дачу сняли у тети

Клавы на окраинной улице, кажется, она называлась Лесная. У тети Клавы было двое сыновей – мой ровесник Женька и десятиклассник Леша. Как-то раз, когда Лешка спал, мы с Женькой разрисовали его. Он проснулся и собрался уходить, но мать остановила его вопросом:

– Ты куда?

– К друзьям.

– Ты в зеркало себя видел?

– Видел, и не раз.

– Ну, тогда иди.

Тем не менее в зеркало он посмотрел и начал кричать:

– Где они? Вот я им покажу!

Но мы предусмотрительно успели смыться.

В это лето выпал крупный град. Когда он кончился, крестная закричала:

– Собирайте скорее градины, если хотите, чтобы я сделала мороженое!

Конечно, мы с энтузиазмом откликнулись на это предложение. А вообще-то лед для мороженого добывался из колодца у соседей, где он все лето сохранялся на дне. Лед разбивали багром на длиннющей ручке, а затем вычерпывали ведром. Нам домашнее сливочное мороженое нравилось гораздо больше покупного.

На другой стороне нашей улицы находился стадион с футбольным полем, на котором играла взрослая молодежь. Я футболом не интересовалась и за их играми не наблюдала.

Рядом со стадионом стояла пожарная каланча, в которой внизу работал небольшой цех по изготовлению заколок. А возле двери стоял ящик с браком, я из него набрала заколок, которые дарила осенью в школе подругам.

Наша дружба с Верой Дюковой не возобновилась, хотя мы виделись несколько раз. Чаще я видела ее старшую сестру Гулю, которая хороводила с хозяйским сыном Лешкой. А больше я водилась с Женькой, затевая с ним разные игры и шалости или ведя разговоры на скамеечке перед домом.

Ходила в «Ремиз» за грибами и с отцом, и с Женькой. А вот ежей больше не таскала. По просьбе бабы Фани или крестной одна ходила за черникой. Брала с собой стакан и очень быстро его набирала. Баба Фаня варила черничный кисель, который ели с рисовой кашей.

На пересечении нашей улицы с Центральной стояла дача одного светила, к которому зимой на консультацию ездил Кока, взяв меня с собой. Вероятно, доктор и посоветовал снять дачу у Клавы. Пока они с Кокой разговаривали, двадцатилетний сын доктора, по указанию отца, пошел меня фотографировать. Яркое солнце резало глаза, и Фимка ругал меня, что я их закрываю или щурюсь. А на тех карточках, где глаза мои открыты, на них слезы. Фимка провел целую фотосессию: на финских санях, в сугробе, под яблоней и в других местах.

* * *

1941 год, Вырица.

Там на даче мы провели лето, предшествующее блокаде.

2.5. На Псковщине

Дело было на Псковщине. За всю Россию я вам не скажу, а на моей малой родине во все времена на лето дети на отдых за город уезжали, кто в лагерь, а кто-то – на дачу. И еще опыт такой был – шефство какой-нибудь завод над колхозом брал. Друг другу чем могли помогали: завод какие-нибудь детали поставлял или рабочих на уборку в помощь отправлял. А колхоз рабочих продуктами своими снабжал.

И вот один год мы на Псковщине отдыхали. Председатель колхоза Павел маму к себе на лето в гости пригласил. Итак, мы едем в Чихачево, я и братишка с двумя бабушками. Везем с собой кой-какие продукты, плюс местные овощи и фрукты – с шиком лето можно прожить. Наши припасы включали соленых снетков, печенье и сушки, колбасу жареную – свиным салом залитая, она долго могла храниться. Все это хорошая еда.

Хозяйка Дуня приветливо нас встретила, у себя в доме разместила, продукты в погреб под замок отправила, чем нас очень удивила. Этим упредила, чтобы Павел всех снетков на закуску не вытащил.

Я с Павлом сразу подружилась, на работу каждый день сопровождала, поездки по району на лошадях обожала. По этой деревне я Россию изучала и познавала. Район был огромный, хозяйство крепкое, поля большие, растили на них

зерно и овощи. Яблоневые сады широкой полосой на три километра тянулись, и урожай всегда был отменный.

В этом саду пасека размещалась, местные всегда с медом были. Зерно на свою мельницу молоть возили. Колхозники-псковитяне были приветливые и трудолюбивые, но немного взбалмошные и всегда подшофе. Два языка использовали – русский и матерный, все от мала до велика на втором говорили. Вот там мы лето жили, очень счастливы были, считали, что нам повезло. Увидели настоящие русские деревни и села.

Утро рано начиналось, мне Павлом задание давалось – у Дуни снетков на закуску раздобыть, лучку зеленого в огороде нарвать и в правление прибыть. Для Павла снетки под запретом были, ну а мне же сколько хочешь брать разрешалось. Работники правления картошку варили, стопарьки опрокидывали и закуску уплетали. Свежая картошечка, лучок с огорода, душистое маслице со своего оборота, плюс воздух деревенский – ешь, и захватывает от удовольствия дух.

Сегодня едем пасеку проверять, я задание получила такое – в огороде огурцов набрать, трехлитровый бидон взять и в условное место вовремя прибежать. Там тарантас запрягали лошадьми и, как порядочные, важно ехали. А на пасеке нас радостно встречали, Павла водкой, а меня квасом угощали, огурцы свежие с медом радостно трескали, а потом их всю обратную дорогу сильно рвало.

И домой являлись просто никакие! Павла метлой встре-

чали, а с меня честное пионерское брали, что с ним больше ни шагу и дружба врозь. До утра это слово держалось, ну а утро вечера всегда мудренее, и все забывалось.

Ура! Едем на мельницу, я навожу марафет – надеваю платье, красивое, новое, материал маркизет. В тарантас запрягли кобылу, а вожжей под рукой не оказалось. Ну ничего, до другой конюшни рукой подать, доедем. Сели и с горки покатили. Лошадь резко к конюшне свернула и тарантас опрокинула. Я в луже после дождя очутилась, колесо по животу прокатилось. Встала еле живая, Павел сразу протрезвел. Платье в навозной канаве постирал и меня домой отправить хотел, но не на ту напал. Еду, и все! Покатили с ветерком, возвратимся вечерком, и никто не увидит и не узнает.

Приехали, а на мельнице работа кипит, и вдруг радостный крик – председатель приехал, объявляем перерыв. Сели, выпили, закусили и переночевать тут решили. Я с детьми сразу подружилась, на речном перекате под камнями рыбу ловила. Тут же ночевали. Утром просыпаюсь, а Павел уехал и меня позабыл. Дома подзатыльник получил, на другой день за мной явился и удивился, что я до сих пор на мельнице пребываю, давно ведь дома надо быть, а я этого будто не знаю.

Еще помню – когда в речушке лен мочили, мы острой рыбой били. Она поверху плыла, ото льна задыхалась. Моя задача была рыбу с остроги снимать. Вот щуку большую поймали, она зубастая, а я этого не знала, неудачно ее сняла и чуть палец не потеряла. Она меня укусила – еле кровь оста-

новили. Вот такая рыбалка была!

Еще на болоте ягоду гонобобель собирали, я там ее вдоволь наелась, голова разболелась, и рвота была. Местные эту ягоду пьяницей называли, на свой аршин мерили. Тогда еще не знали, что не в ягоде дело. Там рядом багульник растет и в это время цветет, опьяняющий эффект дает.

В августе мама в отпуск приехала. В яблоневоm саду в шалаше все спали. В общем, отдохнули очень хорошо, довольны были. Мы с Олегом второй язык изучили. Я на нем не изъяснялась, а Олег часто отпускал словечко-другое, но со временем понял, что надо эти знания при себе держать.

P. S. Это все происходило до войны, мне было 12 лет, а когда беда пришла, немцы те места захватили, сады вырубili, пасеку и мельницу разорили. Сейчас уже не знаю, кто там и что там. Сельхоз у нас в забвении, в общем, одна печаль. Вот уже семь десятков лет прошло, и вспомнилось, как хорошо тогда жилось.

2.6. Школьные годы

Школа наша находилась на Лермонтовском проспекте между 11-й и 12-й Красноармейскими. Она и сейчас там. Я училась хорошо, а особенно по математике, которую преподавал наш классный руководитель Григорий Наумович Лейбман. Меня, как правило, выбирали старостой класса или же председателем отряда. Приходилось организовывать пионерские сборы или классные собрания, а также другие мероприятия.

Моя подружка Соня Явец жила на Лермонтовском проспекте в одном доме с Тамарой Макаровой. Мы ходили на остановку встречать Тамару Макарову с работы и провожали ее до дома. Она нас расспрашивала об учебе и сама что-то говорила. Что именно не помню, но шли мы не молча. Отца Сони звали Давид, окружающие недолюбливали его за привычку над всеми подшучивать. Нас с Сонькой он тоже подкалывал, но мы ему отвечали тем же. Мать Соньки звали Рахиль Семеновна, она работала кассиршей в магазине. После войны мы с Соней несколько раз встречались. Она вышла замуж и стала Филимоновой.

Еще я дружила с одноклассницей Эрной Минкиной. Ее старшая сестра Роза и их отец были очень красивыми. Мать ее Ольгу Григорьевну все уважали за доброту. Она была полной. Когда готовила фаршированную щуку, приглашала ме-

ня в гости.

Кажется, в шестом классе вместе с нами учился второгодник Азаров по кличке дед Азар. На самом деле он был старше меня на три года. Мы над ним подшучивали. Например, заманивали перед звонком подалее от класса и командовали: «Замри». И этот дубина послушно замирал, опаздывая на урок, поскольку за невыполнение команды «Замри» полагалось три щелчка линейкой по лбу.

Кроме него второгодниками были Плаксин, Клавка Веремей и Ольга Кузьмина.

Запомнился похожий на Буратино одноклассник Матюшенко. Ручки тоненькие, ножки тоненькие, и сам тоненький. Отличился он с поэмой Лермонтова «Мцыри». После слов: «И мы, сплетясь, как пара змей, обнявшись крепче двух друзей» – на вопрос учителя: «Кто – мы?» – он ответил:

– Я и Барсик.

Класс ответил дружным смехом.

Физику у нас вел Абрам Федорович Годин, которого мы звали «Гадин». Мы с Ленкой Мининой высматривали его на лестнице. Так он вприпрыжку обгонял нас и запирал классную дверь на швабру, не пуская нас на урок.

– Вы должны ждать меня в классе, а не болтаться на лестнице.

Ленка в отместку приносила стремянку и в окошко над дверью строила рожи, смеша одноклассников и срывая урок. Или же в замочную скважину говорила:

– Абраша, курочки хочешь?

Когда же он выскакивал за нами в коридор, мы убегали в женский туалет и рассаживались по горшкам. Так он врывался туда, стаскивал нас с горшков и тащил в класс, чтобы поставить в угол.

Из-за этих выходов у нас с ним сложились напряженные отношения. Я училась хорошо, а по физике была лишь четверка. И еще он спорил с Григорием Наумычем, чтобы снизить нам оценки по поведению.

Когда же мы закончили шестой класс, то в библиотеке нам сделали общую фотографию. Когда все приготовились, мы с Ленкой сказали:

– Подождите, мы сейчас пригласим и Абрама Федоровича.

Григорий Наумыч возразил:

– Не ходите напрасно, он не придет.

– Ну, это мы еще посмотрим.

И пошли за ним. По дороге решили не спорить и не грубить, обращаться деликатно. Пришли в учительскую, где сидел Абрам Федорович. Сначала он отказался наотрез.

– У вас есть свой классный руководитель, вот с ним и фотографируйтесь.

Но мы повели такие речи:

– Абрам Федорович, у нас в школе только два учителя-мужчины. И весь класс хочет, чтобы на нашей фотографии они были. Мы же только представители, выражающие

желание всех ребят. Просим не отказывать нам.

И уговорили. Чтобы он не передумал и не увильнул, мы с Ленкой взяли его с двух сторон под руки и таким образом привели в библиотеку. Увидев это, одноклассники вместе с Григорием Наумычем грохнули от смеха. Абрам Федорович было дернулся, но мы держали крепко. Так и вышли на фотографии с ним в обнимку. Григорий Наумыч смеялся, когда получили фотографии.

Нередко весело проходили уроки немецкого языка. Немка была строга к форме одежды и не допускала в класс даже тех, кто приходил с голыми руками. А тут, как нарочно, немецкий поставили после физкультуры. И, конечно, ученики являлись не в лучшем виде, ссылаясь на то, что не было времени одеться как следует. Бывало, что заявлялись с одеждой под мышкой. Такие нарушители на потеху остальным немедленно выставлялись из класса. А однажды кто-то принес и распылил рогоз, «парашютики» которого летали по помещению, забиваясь в нос и вызывая чихание. Немка велела открыть окна для проветривания, но получилось еще хуже – ворвавшийся ветер поднял с пола и уже упавшие «парашютики». Вот такие были «хенде хох»!

По русскому языку на смену Ксении Романовне (кстати, ставшей позднее депутатом) пришла новая учительница, которая навела порядок. Выяснив, что у некоторых учеников низкий уровень знаний, она, чтобы подтянуть их, организовала дополнительные занятия, пригласив возрастную пре-

подавательницу. Та обладала грубоватыми манерами и мужским голосом, но дело свое знала хорошо. От нее, кстати, пошло выражение «тьма египетская в баночке». А главное, она знала складные «запоминалки» правил. Например, личные местоимения «я – ты, мы – вы, он – она, оно – они» или же «некто – нечто, некий – некоторый, кто-то – что-то, какой-то – чей-то, кто-либо – что-либо, несколько», которые запомнились на всю жизнь.

Физкультура проходила довольно гладко. После общей разминки отработывали упражнения на шведской стенке или же на гимнастических снарядах, например, на брусьях. Формой на уроках физкультуры были трусы и майка у ребят и шаровары и майка – у девчат. Правда, зимой утеплялись. А вот со спортивной обувью дела обстояли неважно, поэтому обувались кто во что горазд. У меня были белые с синей окантовкой туфельки на резиновой подошве. Белую часть я натирала зубным порошком.

Так же гладко и организованно проходили уроки математики, которые давал наш классный руководитель Григорий Наумович, всегда прямой и собранный. Позднее мы узнали, что у него был искусственный глаз. Григория Наумовича мы любили, некоторые даже обожали, за доброжелательность, спокойное ровное поведение и внимание к ученикам.

На большой перемене играли в «ручеек». Стоя по два в ряд, создавали коридор, по которому пробирался водящий, он выбирал себе пару, а оставшийся без нее становился во-

дящим. Дед Азар, с трудом пролезая в коридор, старался выбрать меня, что мне совсем не улыбалось. Поэтому я хитрила – Азару всучала руку моего партнера, а сама становилась водящей.

Когда наступила весна и стало тепло, мы с нетерпением ждали большую перемену, чтобы сгонять в лапту. Мне папа выстрогал хорошую гладенькую биту. Кто-то приносил резиновый мячик. И игра кипела. Конечно, за полчаса наиграться не успевали, и поэтому на уроке, следующим за большой переменной, было шумно.

У нас в классе учились два тихих, скромных, физически слабо развитых мальчика – Саша Александров и Витя Коньков. Более сильные ребята, бывало, их обижали, а я за них заступалась.

В школьные годы я ходила во Дворец пионеров, где занималась в кружках: математическом и художественной гимнастики, которая сильно отличалась от современной. Тогда в основном мы строили пирамиды или же делали «картинки».

Школьный культработник доставал билеты в кино, цирк, театр и другие места. Чаще всего были походы в кинотеатр «Москва». Шли парами в сопровождении классного руководителя, которому иногда помогали культработник или же пионервожатая. Сначала, но недолго классной руководительницей у нас была математичка Варвара Николаевна, худая, кажется, больная и довольно неулыбчивая (кстати, учительницу моего младшего братишки Олега также звали

Варвара, но Степановна, такая невысокая «кубышка».) Потом нашу Варвару сменил математик Григорий Наумович. Несколько раз мы ходили в цирк и театр на Моховой улице, а также на аттракционы в Народный дом.

Я и раньше бывала с родителями на аттракционах, так что какое-то представление о них имела, поэтому на «Колесе смеха» я села ближе к центру и уцепилась, по возможности, за пол. Это была утопленная в помост карусель, которая раскручивалась, и сидящих с краю центробежной силой сносило с колеса, на потеху зрителям. Летели кто как, вверх тормашками. Среди «пострадавших» оказались и одна учительница, и пионервожатая, я же, благодаря принятым мерам, на колесе усидела. Была еще вышка, с которой съезжали вниз по спиральной гладкой поверхности, съезжали на коврике. Причем сделано было так, что в конце с коврика выкидывало на ноги. Был и мостик-ловушка: если кто-нибудь ступал на него, поднимался ветер, порывом которого юбки женщин задирало чуть ли не на голову. Естественно, среди зрителей преобладали мужчины. Но самое большое впечатление производили «Американские горы». Там постоянно стоял крик и женский визг, сердце замирало и дух захватывало от такого крутого спуска.

В цирке детям, естественно, больше всего нравились клоуны и дрессированные хищники. В цирк с родителями я ходила довольно часто. Как появлялась новая программа, папа обязательно вел меня на нее. Раз выступали лилипуты, и

один из них, видимо, подсадной, сел рядом со мной. Тетя Муся сзади прошептала мне:

– Смотри, какой жених подсел к тебе.

А мне почему-то стало неприятно от такого соседства. Еще я не могла смотреть на воздушных гимнастов – было очень страшно за них.

Вообще-то в то время, благодаря маме, я была заядлой театралкой. Им на работе выделяли билеты в театр, а желающих было немного. Вот я и пользовалась случаем. Ходила в Большой и Малый оперные театры, Музкомедии и, кажется, имени Комиссаржевской. Компанию мне, как правило, составляла подружка со двора Лерка. Я предпочитала Малый оперный Большому – почти такой же по интерьеру, но более уютный. Каких мы только опер не послушали и балетов не посмотрели!

Мы учились на третьем этаже, а малыши на втором. Как-то я спустилась к ним, чтобы узнать, как там Алька. Варвара Степановна отозвалась о нем:

– Хороший мальчик, старательный, способный, послушный.

– Пожалуйста, если что, говорите мне.

– Обязательно, тем более у тебя не у Кондрашки.

Было как-то, я предупредила Альку, чтобы он вел себя хорошо, а то у меня не у Кондрашки, за столом не перднешь. Видимо, Алька рассказал об этом разговоре Варваре Степановне.

Зимой я любила кататься на коньках. Моими первыми коньками были «снегурки», которые привинчивались к валенкам. Каталась и по утрамбованному снегу во дворе, и с тетей Аней в Измайловском садике, где для детей заливали пятак. Там кататься можно было только днем, а за порядком смотрел сторож. Когда я выросла, мне купили «бегаша», но на них у меня не получалось кататься, и тогда мне купили «хоккейки». У моих родителей тоже были коньки, и мы по выходным ходили в Юсуповский сад, билет в который вечером стоил 20 копеек. Правда, утром и днем по будням детей пускали кататься бесплатно. В Юсуповском саду были раздевалки, каток освещался, играла музыка. Мне покупали эскимо за 45 копеек.

По вечерам мы с отцом ходили гулять. А в десять вечера на прогулку выдвигались военные. Ходили они строем по кругу: 10-я Красноармейская – Измайловский – 11-я Красноармейская – Якобштадтский переулок – 10-я Красноармейская. Ходили с песней, с запевалой. Папа говорил, что после такой прогулки солдаты хорошо спят, поэтому и нам надо гулять.

В 1938 году мама поехала на партконференцию в Москву. И вдруг от нее пришла телеграмма, что ей предлагают перейти на работу в столице. Спрашивала – а как мы? На семейном совете все мы: папа, я, Алька и бабушка – высказались против, о чем оповестили маму. Так что тогда, наверное, к счастью, наш переезд в столицу не состоялся.

Помню новогоднее откармливание гусей. Обычно покупали пару. Руководила этим тетя Аня. Бабушка варила овес, в который добавляла булку и какой-то витамин, по указанию тети Ани. Кормить гусей поручили мне, а те неблагодарные все время стремились ущипнуть меня. Так что наши отношения не сложились, впрочем, с другими они вели себя так же. Поэтому я отправлялась за помощью к сыну дворника Ваське.

– Вась, помоги мне покормить гусей.

– Отстань, не пойду.

– Васенька, ну пожалуйста.

– Сказал, не пойду.

Тут вступала его мать:

– Сходи, помоги.

– Да, сейчас Васенька, а раньше Васенок-поросенок. Не пойду.

Действительно, во дворе ему кричали дразнилку:

Васенок – поросенок,

Упал в говно спросонок.

– А я тебе такого не кричала.

– Ну так твои подружки кричали.

– Но не я.

Тут опять вступала его мать:

– Хватит, сходи и помоги девочке.

Ворча, Васька шел со мной. Во дворе я получала по затылку. Но с кормежкой гусей он справлялся хорошо.

Как-то летом мы ехали в автобусе. Мама села ближе к кабине водителя, а мы с папой несколько сзади. Было душно, и мама сняла кофту, совершенно забыв, что под ней не блузка, а манишка. Мы с папой, увидев это, давились от смеха, за что нам потом и досталось.

– Вот нахалы, вместо того, чтобы сказать, они, видите ли, потихоньку смеялись.

По дороге из школы мы проходили мимо пекарни на 12-й Красноармейской. Цеха «Красного пекаря» находились на 12-й, 11-й, 10-й. Сухие тортики готовили, кажется, на 10-й Красноармейской, а на 12-й выпекали городские булки. Из окошка, находящегося на уровне тротуара, шел одуряющий запах свежей выпечки. Проемы были заделаны сеткой, но край отгибался. И иногда мы получали еще горячую булку.

А с Богом отношения у меня как-то не сложились. Началось с того, что я услышала: «Причащается раба Божия». Какая еще раба, я не раба! Но в церковь я за бабушкой ходила. Она была против:

– Никуда ты не пойдешь. Я тебя с собой не возьму.

– Ну вот еще. Я и сама пойду.

Ходила, как и бабушка, в Троицкий собор на Фонтанке, обычно с подружками. Перед тем, как войти в храм, мы прятали в портфели пионерские галстуки. Целью наших походов было посмотреть на физиономии молящихся прихожан.

А еще мне всегда казалось, что богобоязненные верующие должны являть собой образец любви к ближним. На деле было не так. Самыми злобными и нетерпимыми были старушки-богомолки. Их злобное шипение помню и сейчас. Мои визиты в собор продолжались до тех пор, пока во время отпевания «покойник» не сел в гробу. Он, оказывается, заснул летаргическим сном, от которого при отпевании и очнулся. Где-то года через два он умер действительно. Я же от страха бежала без оглядки, бросив свой портфель. И больше в собор ни ногой. Тетя Аня, сходяв на место происшествия, мой портфель нашла и мне вернула. Никто в святом месте на него не покусился. А перед войной в собор, по неизвестной мне причине, перестала ходить и моя бабушка. Как отрезало.

С Троицким собором было связано еще одно происшествие. Я, наклонив голову, прятала в портфель галстук. И услышала, как какой-то мужчина предложил моим подружкам что-то взять в руки. Не поднимая головы и не отрываясь от своего занятия, я скомандовала:

– У чужих ничего не брать.

Мужик исчез, а мне подружки рассказали, что он, распахнув пальто, показал им свое хозяйство и предложил потрогать его руками. Секса у нас не было, а извращенцы встречались.

В ЦПКиО нас с Алькой возил папа. Изредка к нам присоединялась и мама. Ездили на двух трамваях с пересадкой. Поначалу проходили через боковой вход, который был плат-

ным, в то время как центральный был бесплатным. Поэтому мы в основном им и пользовались. Гуляли в «цыпочке» Масленицу, угощались блинами, отмечали другие праздники. Водили хороводы, в которых участвовали и мы, играл оркестр, угощались вкуснейшими пончиками с сахарной пудрой. Запомнились также жареные пирожки с капустой, повидлом и мясом, точнее, с ливером. Последние я любила больше всего. Продавали их с тележки с коробом, имевшим три отделения. Не знаю, имелось ли там устройство для подогрева, но пирожки были всегда горячими. А вот на каток в ЦПКиО мы ездили всего несколько раз.

Во второй половине 1930-х и до самой своей смерти отец работал кладовщиком на «Красной Баварии». Туда его сманил Михайлов, муж тети Муси, служивший водителем у директора по фамилии Куль – он и главный пивовар были немцами. Должность кладовщика, сами понимаете, могла кого-то подвигнуть к комбинациям, но не отца. Директор ценил отца за честность и добросовестность, поэтому к празднику выписывал продуктовые наборы. Помню один такой: бочонок пива, ящик бутылочного, два ящика лимонада, сахарный песок, рис, мука, приблизительно 5 килограммовчищенных апельсинов и лимонов, мальц-экстракт – вкусная патока из солода. В бочонок, который помещался между ножек перевернутой табуретки, вставлялся краник.

Мама умела замешивать потрясающее тесто, поэтому выпечка получалась просто объедение. Пекла пироги с капу-

стой, с морковью (я такие не любила) и ватрушки. Мне, и не только мне, больше всего нравились пироги с капустой. Тетя Дуся Веселова оберегала мамины пироги от сослуживицы Марии Петровны. Худенькая Мария могла съесть поразительно много. Поэтому тетя Дуся предупреждала маму:

– Лена, убери пироги, а то придет Машка и все сожрет.

А Алька видел угрозу со стороны своей крестной. Увидев ее с семьей в окно, идущих в гости, он кричал:

– Прячьте пироги, Редькины идут!

Дети обычно болеют, и от детской поликлиники нас вела Ида Соломоновна Коценельсин, врач старой закалки. Действовала она по принципу семейного врача – приходила сама, без вызова. Даже когда мы и не болели, являлась просто узнать о нашем здоровье. Лечила нас простыми средствами. Помню сочетание грудного эликсира и нашатырно-анисовых капель, был какой-то «полигорик», при простуде по ее назначению заваривали смесь четырех компонентов – шалфея, календулы, ромашки и эвкалипта. Таким отваром позже я лечила и своих детей и внучку. Бабушка делала жженный сахар, почему-то обязательно на березовой лучине. Его растворяли в воде и пили. При простуде бабушка заставляла дышать горячим паром над свежесваренной картошкой. Еще пили, с подачи Иды Соломоновны, боржомом с горячим молоком, тошнотворное пойло. И обязательно рыбий жир, который я терпеть не могла.

Как-то раз мне купили замечательный костюмчик – коф-

точку с юбочкой бледно-зеленого цвета. И тут Ида с рыбьим жиром. Я зажала нос и выпила. И меня стало тошнить прямо на кофточку. Так мне ее было жалко! Как ее только ни стирали, но она все равно пахла рыбьим жиром и меня тошнило.

Алька заболел скарлатиной, а я нет, хотя хлебала морс из его кружки.

При простуде Ида Соломоновна советовала – надо просто вылежаться. Родители покупали гранат, чтобы было чем заняться – ковыряй себе по зернышку.

3. О блокаде

3.1. Стихи

Я вырываю сейчас куски из памяти своей,
Они хранились шесть десятков лет,
Куски событий тех ужасных дней,
Что в жизни мне оставили неизгладимый след.
И вот, погожий летний день – войны начало,
На даче в Вырице нам хорошо жилось,
Родителей на поезд провожала и на перроне я узнала,
Что что-то страшное вдруг началось.
Как гром небесный нам на голову свалилась
Такая ужасающая весть,
У всех на лицах сразу отразились
Печаль и мужество, и вероломным – месть.
Сначала мы остались на даче,
Не знали, как всем лучше поступить,
Быть в городе иль как-нибудь иначе
Хотя бы детям жизни сохранить.
А в это время, мимо нас, над головами,
Железная армада, вся в крестах,
На город мой свой смертоносный груз кидала,
И рушились дома, и гибли люди, и возникал невольный
страх.

Кругом все дачники уехали,
И мы остались, будто в пустоте,
На берегу на Оредеже смотрели,
Как аэродром бомбили вдалеке.
Когда последним паровозом и вагоном
Приехали обратно мы домой,
Наш город показался мне суровым,
Кругом окутанным войной.
Над городом висели аэростаты,
Пытались от разбойников прикрыть,
Но это плохо получалось,
И продолжали нас бомбить.
А фронт все приближался к городу,
И в Лигово мы ездили окопы рыть,
Мешки песком активно наполняли,
Старались от осколков *историю* прикрыть.
Эвакопункты были на пределе,
Детей и стариков старались вывозить,
И только те, кто не хотели,
Остались в Ленинграде жить.
Фонд обороны развернулся,
Сдавали люди все свое добро,
И мы все сдали – все что было,
С иконы даже сняли серебро.
Самозащита в звенья собиралась,
И основных их было три:
Пожарники и санитары были, плюс химзвено,
Вот и защита наша – другой было не дано.
А мама с папой на «казарме» были,

Я с тетками и бабушкой жила,
Училась химзащите, начальником звена была.
Иприты, люизиты проходили,
Готовы были ко всему, и лозунг наш:
«Бороться, не сдаваться на милость нашему врагу».
Окошки клеила крест-накрест,
Чтобы не вышибло волной,
И маскировкой занималась,
Чтоб луч не падал световой.
И два снаряда в дом наш угодили,
Волною окна распахнув,
А крестики окошки сохранили,
Все стеклышки бумажками прикрыв.
На чердаки таскали мы песок и воду,
Чтоб зажигалки было чем тушить,
И думали – теперь уж все готово,
Любое лихо можно пережить.
Суперфосфатом мазали стропила —
От зажигалок дом свой сохранить,
Три раза крышу пробивало,
И мы кидались их тушить.
А в сентябре мы очутились в кольце,
К зиме мы вовсе были не готовы,
Морщины сразу появились на лице,
И лица стали вдруг суровы.
Не различали мы ни тыла и ни фронта,
Кругом для нас была война.
И в самое лихое время
Я тоже вместе с городом была.

Бадаевские склады – там жизнь для города хранилась,
Упорно немцы их бомбили и очень скоро своего
добились.

Горели долго эти склады, народ смотрел,

На лицах отражались

И блики пламени, и чувство горя и досады.

Ведь каждый ясно сознавал, что там НЗ хранились

И очень ценного мы все лишились.

И там, у этого кострища, вдруг ясно стало —

Что в городе таится враг и непременно,

Мы пока не знали как, но мы его отыщем.

Зима суровой оказалась очень,

Еще и голод наступил,

Паек в 125 каких-то граммов,

И сразу человека в немоть превратил.

За хлебом я всегда ходила

И как зеницу ока берегла,

Все карточки мне доверялись —

Я пошустрее всех родных была.

И только раз, когда мы с тетей были,

У нас довесок вмиг схватили

И, не успели глазом мы моргнуть,

Его мгновенно съели.

Вы догадались, что мы пережили,

Ведь в это время каждой крошкой дорожили.

Ни света, ни воды и ни тепла —

Такое зло обрушилось на нас,

Судьба тогда, наверно, нас спасла,

Но был неровен час.

Буржуйку папа притащил с завода,
Ее топили чем могли,
И чтоб нагреть немного воду,
Мы стулья жгли и даже книги жгли.
А воду – с тетей брали санки
И черпали из проруби Фонтанки.
И медленно везли, чтоб не пролить, не расплескать,
Чтоб этот адский труд не повторять.
А в долгой ночи мы с коптилкой были,
Лампадки зажигали у икон,
Вот так и жили-были,
Не видя света из окон.
А нечистоты выливались во двор
И замерзали тут же вмиг,
И был проход среди вонючих гор,
И надолбов, и пик.
А люди шли, ползли куда-то в стужу
И тут же умирали на ходу,
Был человек – теперь он никому не нужен,
И трупы мерзли на снегу.
Дружинники их утром подбирали,
Могилы братские копали
И отправляли их в последний путь.
А тех, кто дома умирал,
Родные их на саночках возили,
И видеть это было – просто жуть.
Еще я помню: по панели не ходили —
Боялись, что затащат нас в подвал,
Тогда упорно говорили,

Что кто-то часто пропадал.
И у покойников бывало,
Что части тела кто-то вырезал.
Но жизнь совсем не замирала,
А виденное силы придавало,
Чем можешь городу помочь – так помоги,
И из последних сил старайся,
Ногами и руками шевели.
Покой и отдых ощущали,
Когда в «тарелке» стучал метроном,
Как только замолкал, тревожно ждали —
Гудки сирены нам поведают о чем?
Чего нам ждать: бомбежки иль обстрела,
Куда идти дежурить нам,
В бомбежку – на чердак, там было дело,
В обстрел стояли у ворот, прижавшись к домам.
Я помню свист, когда летела бомба,
И этот звук к земле нас прижимал,
Когда мы слышали шипение снаряда,
То, значит, он поблизости упал.
Мы различали типы самолетов,
Когда летели юнкерсы – плохи были дела,
И от «стервятников», от их полетов
Одна судьба защитой была.
В ту пору мне пятнадцать было,
Братишке только девять лет,
И папа с мамой молодые —
Всего по 38 лет.
И эти годы помогали

Руками беды разводите,
Надежды на победу не теряли —
Мы непременно будем жить!
Декабрь – темный месяц,
И в городе хоть выколи глаза,
И, чтобы не наткнуться друг на друга,
Был «светлячок» приколот у плеча.
А «светлячки» и ромбом, и квадратом были,
Их фосфорили,
Чтоб издали и в темноте светили.
Другие под ноги фонариком светили,
Тогда еще фонарики с жужжалкой были.
Когда нас здорово зажало,
Отец забрал нас на завод,
В убежище там семьи ночевали,
И всем к той пайке солод добавляли,
И очень он поддерживал народ.
Там на «Баварии» жил папин друг с семьей,
Мы с ними подружились и днем у них пристанище имели.
Сложивши руки не сидели и занимались работой кой-
какой.
Мы территорию в порядок приводили
И зажигалки бегали тушили,
Себе на суп ловили воробьев,
Уклейку в проруби ловили.
Там воздух был, и был простор,
не то, что на Обводном, где мы жили.
Мы помогали морякам – в сушилки хлеб таскали,
И за работу нам всегда по сухарю давали,

А иногда «шрапнелью» угощали – так крупную перловку называли.

А каждый вечер в семь часов сирены душу надрывали,
Свечу на парашюте опускали

И, осветив наш город, бомбежку начинали,

А днем обстрел, еще обстрел, и передышки не давали.

Я попадала много раз и под бомбежку, под обстрелы:

Мы с тетей шли, и начался обстрел, нас сразу на землю свалило,

Кого-то рядом тут осколками убило, а мы остались живыми.

Пошла знакомую я провожать, она с дочуркой на руках,

И вдруг «бабах»! – и их не стало, и лишь куски кровавые

И одеяло... висеть остались на ветвях.

Я крестную и крестника бежала навещать, и вдруг

Бомбежка на пути меня застала, и на моих глазах

Скользнуло что-то рикошетом, и половины комнаты у них не стало.

И я опешила – такого не видала,

На Лермонтовском и пыль, и гарь, а я столбом стояла.

На Невском в кинотеатре «Нева» показы фильмов возобновили,

И мы, конечно, сразу же решили пойти в кино и «Пышку» посмотреть.

Мы по частям ее смотрели, и без конца сирены выли,

Кругом бомбили и нам не дали досмотреть.

Когда мы вышли, так рвануло, что на земле мы очутились,

Известкой, пылью мы чуть-чуть не подавились,

Ощупали себя, ну, богу слава, опять мы целы и ничего в нас не попало.

У нас овчарка Ллойд была, и в голод мы ее в охрану сдали,

И на «Баварии» в охране их на цепях держали.

И как-то зажигалка упала прямо перед ним,

Пес заметался, завизжал и нас увидел, на помощь лаем призывал.

Пока мы подбежали и зажигалку в бочку отправляли,

Он жалобно глядел на нас,

И слезы крупные собачьи катились у него из глаз,

Тогда мы видели его в последний раз.

Так голод был для всех, кормежки не имели,

И, выпросив у нас «добро», охранники собак поели.

Но, несмотря на все это, кругом работа шла.

Работали заводы и дружины, работали госпиталя.

Ох, как всем трудно было! Но мысль одна была —

Враг не войдет в наш город, ведь под ногами нашими своя земля!

Работники на радио проводниками были,

Чтоб нам артисты песни пели, чтобы знали все,

Что не сломить нас, что мы все еще живы.

И в осажденном Ленинграде стихи и музыка звенели,

И Шестакович, и Оленька Берггольц в холодной стуже нам души грели.

Зиме как будто не было конца, и вот, когда пришла весна,

Ее мы ждали и боялись – мы нечистоты вывозили со двора,

Чтобы инфекции за нас не взялись.

Потом мы с папой заболели – он воспалением, а я цингой.
Он слег с температурой, а помощи ведь нету никакой.
Он с финской инвалидом был по легким, не мог такой
болезни пережить,
И вот, 8 марта поздравил нас он с Женским днем,
Потом прилег и приказал всем долго жить.
Дорога жизни – паутинка связи, как рады ей мы были!
И многим жизнь она спасла, а как ей трудно было,
И как ее бомбили!
Машины, груз топили, но не сломили мужество, задор.
С поклоном им слова из песен посвящают:
«Сквозь пургу, огонь и черный дым
Шли мы дни и ночи,
Трудно было очень,
Но баранку не бросал шофер».
И дядя Петя, папин друг, он на Дороге жизни шоферил,
8 марта нам в подарок кусок конины,
Несколько картошек – тогда бесценным тот подарок был.
Когда мы в спешке с дачи уезжали,
Оставили кастрюльку с супом там,
И в ней кусок хороший мяса на целый с лишком
килограмм.
И вот, в лихое время, он нам покою не давал, да и потом,
Он часто, часто в нашей памяти всплывал.
Потом весной собрали в школе класс один восьмой,
Поехали мы в Колтуши на огороды.
Сажали что-то и пололи, не ждали милость от природы.
В июле месяце за мной явилась тетя и сообщила новость
для меня,

Что мама ждет ребенка и срочно выехать должна.
И вот мы трое уезжаем – братишка с мамой, я,
А тетю с бабушкой в блокаде оставляем.
На катере мы Ладогу удачно переплыли,
А в Гриве нас по-дикому бомбили,
Как говорится, в «хвост и в гриву» получили,
И наши вещи, что мы взяли, растеряли, разбомбили.
И нас пустыми в поезд посадили, и мы поехали
В неведомые дали, а там нас всех совсем не ждали.
Мы треть блокады пережили, уехав, много потеряли,
Как лучше было поступить, тогда мы ничего не знали,
Но бабушку и тетю потеряли.
Ну, вот и все, я книжек про блокаду не читала,
А здесь пишу, что видела сама, и что сама переживала,
И что мне память подсказала.

3.2. Проза

После завершения учебного года (я закончила седьмой класс и перешла в восьмой) мы отправились за Вырицу на дачу, которую на лето выделил Коке Бумтрест, где он тогда работал. Из-за болезни ног бабушка ходила плохо, поэтому поехали на бортовом грузовике. Бабушку посадили в кабину, а сами, загрузив вещи, разместились в кузове в полном составе: Кока с тетей Аней, папа с мамой и я с братом Алькой.

Дача оказалась недавно смонтированным щитовым финским домиком, разделенным на две половины. Одну занимал директор треста, а другую, такую же, – мы. В нашем распоряжении были большая комната, кухня, кладовка, веранда и терраса, на которой стояли вазоны с цветами и шезлонги.

Располагался домик на самом берегу Оредежа, причем окна нашей половины смотрели на реку. Вокруг рос молодой сосняк, в жаркий день не дающий тени, а лишь усиливающий зной. Но загорать там было просто прекрасно. На сосны повесили гамаки, качавшиеся над брусничником и черничником. Погода в июне стояла замечательная, так что я быстро загорела.

Вверх по течению Оредежа, к пионерским лагерям, наш берег понижался, образуя травянистый пляж, куда все ходили купаться. Многочисленные подводные ключи и течение

делали воду освежающей даже в самую жару.

Спуститься к реке можно было и прямо от нашего дома по крутой тропке, которая вела к источнику с замечательно вкусной водой. Этот родник я расчистила, обложила камешками и ходила к нему за водой. А на тропке для удобства сделала ступеньки.

Постоянно на даче жили мы с бабушкой и Алька. Родители приезжали к нам на выходной, изредка по будням оставалась тетя Аня. Муку, крупы, консервы доставили на машине сразу на все лето. Другие продукты привозили из города родители. Забыла уже, что именно, запомнились только конфеты и лимонад.

Коварство Оредежа проявилось довольно быстро. На пляже возле пионерских лагерей купалась подвыпившая компания. Одна женщина шутя стала топить мужчину, а тот вдруг ушел под воду и не показывался. Компания всполошилась, сбегали за пожарниками. Те баграми и крючьями долго обшаривали реку, но безрезультатно.

Обнаружили его мы с подругой, когда стали подниматься вдоль берега домой. Он почему-то сидел на корточках, и, как нам показалось, голова его была над водой. Но когда прибежали на наш призыв, то оказалось, что вода покрывала его полностью и он был мертв.

Второй жертвой Оредежа стала моя подруга Лиза. Причем незадолго до этого невесть откуда пришедшая цыганка нагадала ей, что она утонет. А в день ее 16-летия мы – несколько

девочек – стайкой побежали на реку.

Переплыв Оредеж, что делали всегда, не желая находиться в сумятице довольно многолюдного пляжа, мы стали купаться у другого берега. В том месте на дне была яма, а над ней под водой лежало скользкое бревно, по которому мы частенько ходили для развлечения.

Спохватившись через некоторое время, что Лизы нет, мы подняли крик, на который к нам приплыли двое взрослых парней. Узнав, в чем дело, они стали нырять. Обнаружить ее удалось еще до подхода лодки пожарников. Кто-то вспомнил о яме, и один из парней нырнул. Когда он вновь появился на поверхности, было видно, что ему явно не по себе.

– Нашел, – сказал охрипшим вдруг голосом.

– Так вытаскивай ее скорее! – закричали мы.

Он выдернул ее за ногу из ямы, где она находилась вниз головой. Откачать Лизу не смогли ни подоспевшие к тому времени пожарники, ни врач из пионерлагеря.

Третий неприятный эпизод, связанный с Оредежем, произошел уже со мной. Вниз по течению возле лесопилки и пожарки был перекинут наплавной бревенчатый мост с перилами шириной около метра, под который мы ныряли. Я это делала с закрытыми глазами и однажды потеряла ориентацию.

Как ни пытаюсь вынырнуть, все стучаюсь головой о бревна! Набранный воздух уже на исходе. Хорошо, что я не впала в панику и вспомнила, что бревна моста уложены вдоль. Так,

перебирая бревна руками, добралась до края и вынырнула уже на пределе дыхания.

На воскресенье, 22 июня, приехали родители, которым мы с Алькой очень обрадовались. День был погожий и пролетел незаметно. Вечером я пошла их провожать на третью платформу, до которой от нас было около двух километров. Придя, мы сразу заметили какое-то странное волнение в толпе, ожидавшей поезда.

– Что-нибудь случилось? – спросил отец.

– Как, вы ничего не слышали? – повернулось к нам сразу несколько лиц. – Объявили по радио, что началась война с Германией.

Сразу на душе стало беспокойно. Еще свежа была в памяти финская война, в которой принимал участие и мой отец. Вспомнилось, как мы волновались за него. Правда, та война закончилась довольно быстро, поэтому мы успокаивали себя, что так же будет и на этот раз.

В городе на семейном совете решили, что нам лучше остаться на даче. Так будет безопаснее. Немцы пока далеко, Ленинград, возможно, будут бомбить, а деревню не станут.

Между тем остальные дачники уехали, и мы остались втроем на все шесть наших домиков. Вывезли из лагерей и пионеров, и стало еще безлюднее. Родители по-прежнему приезжали к нам на выходные. Двадцать девятого июня моему брату Олегу исполнилось девять лет, но в памяти не осталось – отмечали его день рождения или нет. А подарок он

получил – самокат.

Лето было в разгаре, и порой я даже забывала, что идет война. Но вскоре ощутила первое ее дыхание. Однажды я качалась в гамаке, как вдруг послышался гул самолетов. Еще не видя их как следует, по гулу почему-то сразу решила – чужие. И действительно, когда они прошли на небольшой высоте в сторону Ленинграда, я ясно различила на их крыльях кресты.

А потом начались бомбежки военного аэродрома в Сиверской, который с нашего высокого берега было хорошо видно, хотя до него было более десяти километров. Так и стоит перед глазами картина одной ночной бомбежки. Взрывы бомб сотрясали наш домик, что-то горело, разлетались в стороны пылающие обломки. Багряные отсветы метались по нашей комнате, дребезжали оконные стекла и посуда, дрожали стены и поджилки.

Война приближалась, напоминая о себе все чаще. Как-то раз, намереваясь спуститься к источнику, я была остановлена звуками чужой речи. Осторожно выглянув, увидела двух немцев, брившихся стоя по пояс в реке. Как выяснилось потом, это были фашистские парашютисты.

Отпрянув назад, я побежала и рассказала об этом маме. Наказав нам не высовываться, она пошла сообщить об этом на лесопилку. Но пока мама ходила, немцы довольно быстро убрались, так что – я не знаю, поймали их или нет.

Завершилось наше пребывание на даче в августе самым

решительным образом. Бабушка, сварив бульон из хорошего куска мяса и поставив кастрюлю на стол в кладовке, принялась мыть голову. Внезапно к нам ворвалась запыхавшаяся старшая сестра мамы – тетя Аня:

– С ума сошли! Немец рядом, а она здесь голову намывает. Давайте быстро собирайтесь.

Нагнав панику, она не дала возможности что-либо захватить с собой. Остался в кладовке и сваренный кусок мяса, который позднее, в голодное блокадное время часто вставал в памяти. Брошенные запасы муки и крупы не вспоминались, а мясо почему-то – да.

Путь до станции превратился в сущий ад для нашей бабушки. И так плохо ходившая, она несколько раз падала, цепившись за корни. Совсем выбившись из сил, она молила нас:

– Оставьте меня здесь.

– Не говори глупости, мама!

Когда наконец-то мы дотащились до станции, выяснилось, что если и будет поезд, то, очевидно, последний. После томительного ожидания подали состав из паровоза и нескольких теплушек. По пути в Ленинград он часто останавливался, подбирая таких же задержавшихся, как и мы. Так что в город вагоны пришли плотно набитыми. К счастью, обошлось без бомбежек.

Если на даче о войне напоминали в основном немецкие самолеты, летящие бомбить Ленинград или Сиверский аэро-

дром, то в городе ее приметы были более заметны – аэростаты воздушного заграждения, зенитные позиции, постоянно встречающиеся военные и, конечно, бомбежки. Ленинградцы имели озабоченный вид, а внутренняя тревога накладывала на их лица особый отпечаток. Город готовился к уличным боям – в нашем доме оборудовали пулеметную огневую точку, забетонировав для этого подвал. Подобные сооружения я видела и в домах по Измайловскому.

Отец и мама были на казарменном положении. Мама служила на лакокрасочном заводе имени Менделеева, который находился на Международном (Московском) проспекте в районе Средней рогатки. Отец же работал на «Красной Баварии». Пока не сомкнулось блокадное кольцо и не начались артобстрелы, я несколько раз ездила к матери на работу на трамвае 29-го маршрута. Позднее маму перевели на слюдяную фабрику на Обводном канале, а артобстрелы и бомбежки превратили цеха лакокрасочного завода в руины. В отсутствие родителей в доме руководили тетя Аня и бабушка. Жили мы по-прежнему на втором этаже дома номер 5 по 12-й Красноармейской улице, по 11-й Красноармейской он числился под номером 4. Живущая в этой же квартире тетя Муся, средняя из сестер, работала посменно телефонисткой на «Ленжете» и в не свои смены ночевала дома.

После возвращения в Ленинград я, как председатель класса, сразу же помчалась в свою родную школу на Лермонтовском проспекте. Здесь тоже чувствовалось дыхание войны.

Часть здания отвели под ополчение. Наш классный руководитель математик Григорий Наумович Лейбман сформировал из моих одноклассников пожарное звено для дежурств на крыше школы. Кроме меня, в него вошли Тоня Денисова, Маша Дубровская, Олег Остапенко, Женька Долгоруков. Но наше звено при школе действовало недолго, поскольку военные заняли все здание. Кроме того, мы заклеивали в школе бумажными полосками окна, чтобы их не разбило ударной волной при бомбежке. Таким же образом я заклеила стекла в нашей квартире, а сами окна при бомбежках и артобстрелах снимала с запоров. Ударной волной окна распахивались, а стекла оставались целыми. Но как-то меня не было дома, а домашние забыли снять створки с запоров, и стекла разлетелись. А ведь до этого один снаряд попал в первый этаж под нами, а два – над нами, и ничего. После этого окна забили фанерой.

Григорий Наумович жил в комнате при школе. Ему было около 30 лет, роста был высокого, худощав, с пышной шевелюрой темных курчавых волос. На фронт его не брали, поскольку один глаз у него был искусственным. Ко мне Григорий Наумович относился очень хорошо, так как по математике я училась на пятерки, а по другим предметам – на пятерки и четверки. До войны я занималась в математическом кружке при Дворце пионеров, участвовала в олимпиадах по математике и нередко побеждала. В коридоре нашей школы висели портреты выдающихся ученых, и Григорий Наумович

говорил мне:

– Галина, твой портрет должен появиться здесь.

Однако жизнь все решила иначе. Ученым я не стала, а Григорий Наумович умер в блокаду. Я еще несколько раз осенью навещала его, он мне говорил:

– Галя, уезжайте к моим в Свердловск, они примут вас как родных.

Но в Свердловске я так никогда и не была.

Попытку уехать мы предприняли в начале сентября. Руководство города распорядилось эвакуировать стариков и детей. На Московский вокзал я приехала вместе с мамой и братом Олегом, а также с крестной и ее внуком Олегом. Подали состав, а он оказался уже заполненным. Как говорили, какие-то евреи решили забрать с собой редкую и дорогую антикварную мебель. Наводившие порядок матросы с матюгами полезли выкинуть эту мебель, но их остановил командир, сказав, что проблему нужно решать законным и мирным путем. Однако собравшийся на перроне народ не стал ждать этого решения и начал набиваться в состав. А из-за них мебель выбросить уже было невозможно. Многие, не поместившиеся, остались на перроне, и мы в их числе. Мама с крестной переживали, а я была рада, так как уезжать совсем не хотела. А вскоре сомкнулось блокадное кольцо.

К началу сентября также относится и лиговская эпопея. Молодежь со всего района собрали и послали в Лигово рыть окопы. Целый день мы копали противотанковый ров. Почва

в том месте была песчаная. Вынутым песком мы наполняли мешки, которые отвозили в город для укрытия памятников. Нам сказали, что их отправляли на Исаакиевскую площадь, чтобы защитить конный памятник Николаю I. Нарботавшись, мы легли отдыхать, но в начале ночи в помещение ворвался человек и закричал:

– Лежите здесь! А в поселок уже вошли немцы!

В панике все бросились спасаться. Бежали ночью, лесом, так как боялись двигаться по дороге. К счастью, нам удалось не заблудиться и благополучно добраться до Ленинграда. Как стало позднее известно, не всем так повезло.

Другим значимым событием начала сентября стал пожар на Бадаевских складах, который всколыхнул весь город и имел весьма печальные последствия. Склады находились от нас всего в нескольких трамвайных остановках, поэтому пожар был хорошо виден. Печально – горела жизнь ленинградцев. Потом мы даже мотались на место пожара и видели, как некоторые брали землю с пепелища. Говорят, что эту землю растворяли в воде и процеживали, добывая тем самым ушедший в землю расплавленный сахар. Мы подобным не занимались.

Война накатывалась на город. При ЖАКТе была создана дружина самообороны, начальником которой стала моя тетька Аня – Анна Илларионовна Скакунова, а я, конечно, вошла в ее состав. Меня послали учиться на курсы командиров химзвена. Дежурили мы вместе с ребятами из пожарно-

го звена – моей подругой Лерой Смирновой, сыном дворника Васей Андреевым, Ваней Федотовым, Ритой Соболевой, Людой Шваревой. Эти ребята были старше меня года на два. Собирались мы в помещении ЖАКТа, а санзвено – в бомбоубежище, находившемся под средним флигелем нашего дома. Там женщины из санзвена пили во время бомбежек валерьянку, а нам по молодости все было нипочем.

Для тушения зажигалок на чердаке установили металлические бочки с водой, завезли песок. На чердак мы его сами поднимали со двора в коробках, для просушки рассыпали по полу тонким слоем, чтобы зимой он не смерзся. Просушенный песок затем собрали в кучу. Кроме того, имелись щипцы и рукавицы. Когда во время налета выходили на крышу, видели, как по небу метались лучи прожекторов, выискивающих фашистских «стервятников», трассы зениток, отсветы пожаров. Зрелище одновременно завораживающее и пугающее.

Моя первая зажигалка пробила крышу и густо задымила весь чердак. Из-за этого дыма я никак не могла определить ее местонахождение. Тогда я вспомнила, как мама локтем определяла температуру воды, когда купала маленького Альку. Заголив локоть правой руки, я сделала ею плавное круговое движение и почувствовала, откуда идет жар, и так нашла зажигалку, обезвредив ее, как учили. Потом я повторяла этот прием.

В одно из первых дежурств я поднималась на чердак и

вдруг услышала там громкий разговор. Невольно остановившись, я прислушалась, но слов разобрать не могла. Осторожно поднявшись и заглянув на чердак, я увидела голубей. Мы жили на втором этаже, поэтому прежде я не знала, что они могут так громко ворковать. Но уже в октябре все голуби были пойманы и съедены.

Брат Алька в начале сентября ходил в школу на 10-й Красноармейской. Не знаю – учились они там или же их просто чем-то занимали. А при объявлении воздушной тревоги детей уводили в ближайшее бомбоубежище. Так Алька вырвался, по переулку бежал домой и за руку с тетей Аней шел в бомбоубежище в нашем доме. Ему не раз говорили, чтобы он так больше не делал, но Алька все равно бежал домой. Бабушка не могла спускаться в бомбоубежище, поэтому при бомбежках и артобстрелах она выходила в коридор и там пересидивала тревогу. Иногда вместе с бабушкой оставался Алька. В сентябре 6-го числа у мамы и 30-го числа у папы был день рождения – им исполнилось 37 лет. Но из-за войны мы это никак не праздновали. 8 октября мне исполнилось 15 лет, и это событие мы тоже не отмечали.

Бомбежки и артобстрелы меняли облик города. Как-то я пошла к школе и находилась возле хлебозавода, когда началась бомбежка. В створе 11-й Красноармейской на Лермонтовском проспекте стоял шестиэтажный дом (по-моему, номер 49), в котором жила моя крестная Редькина. Ее муж был старостой церквушки, находившейся рядом с их домом. Фу-

газная бомба срезала фасад их дома на несколько верхних этажей, обнажив ряд квартир, в том числе и крестной, жившей на четвертом этаже. Бросились в глаза уцелевшие кровать и буфет, стоявшие в разрушенной комнате. В запале я бросилась по лестнице, засыпанной битым кирпичом и известкой, в их квартиру, но на третьем этаже лестница была разрушена, так что до крестной я не добралась. Хорошо, что их в это время дома не было. Их потом поселили на втором этаже в том же доме, но по другой парадной. А некоторое время спустя зажигалка вызвала сильнейший пожар в доме на углу Лермонтовского проспекта и 11-й Красноармейской улицы. Огонь был такой, что корежил стальные балки перекрытий.

С наступлением холодов отец принес небольшую буржуйку, необходимость в которой была очевидна. У нас имелось печное отопление, и с прошлого года остался небольшой запас дров, который быстро бы улетучился, топи мы большую печку. А так расход дров был существенно меньше. Тем не менее к концу зимы в ход пошли стопки газет, стулья и даже книги. Кроме того, буржуйка использовалась и в качестве плиты, например, чтобы вскипятить чайник. Трубу от буржуйки мы вывели в печку, а не в окно, как многие другие. Обязанность приносить дрова легла на меня. Поскольку поленья были слишком длинными – для большой печки, мне приходилось их распиливать с помощью ножовки, а затем колоть топором. Подготовленные таким образом поленья я в

мешке приносила домой. Топили буржуйку обычно мои те-тушки, иногда бабушка.

На Ленинград надвигался голод. И другой моей обязан-ностью стало выкупать хлеб по карточкам. Их ввели еще ле-том, но к их отовариванию меня почему-то не привлекали. А вот когда по карточкам стали давать только хлеб, я стала главным действующим лицом. В этой операции были свои особенности и правила. В первую очередь нужно было взять и спрятать довесок, поскольку на него нередко покушались. Однажды мы с тетей Мусей выкупали хлеб, она замешка-лась, и какой-то мужчина схватил довесок и тут же отпра-вил в рот. Наученные горьким опытом, мы таких промашек уже не допускали. На нашу семью выходила целая буханка и довесок. Выкупленный хлеб я прятала за пазуху и так нес-ла домой. Карточки прикреплялись к определенной булоч-ной, а в другой выкупить по ним хлеб было нельзя. С этой целью на карточке ставился штамп этой булочной. Наша на-ходилась на углу Измайловского проспекта и 12-й Красноар-мейской улицы. Разного типа карточки отличались по цвету, например, для иждивенцев были не такие, как для рабочих. Смертельного голода я не испытывала, поэтому бывало, что делилась своей долей с братом Алькой. В ноябре норма для иждивенцев стала самой маленькой за все время блокады – 125 граммов.

Хотя из города было эвакуировано много людей, он со-всем не выглядел безлюдным. Во-первых, его оживляли во-

енные. Но и оставшихся в городе жителей нужда заставляла выходить на улицу – нужно было выкупить хлеб по карточкам, принести воду... Поскольку водопровод не работал, приходилось наполнять ведра из ленинградских рек. Мы ходили за водой на Фонтанку, она находилась ближе всего. Канализация также не работала, так что вода в Фонтанке была довольно чистая. За водой я ходила обычно с тетей Мусей и почти каждый день. Воду мы черпали трехлитровым бидоном, а затем выливали в восьмилитровые ведра. С наступлением холодов ступени, ведущие к воде, покрывались льдом. Поэтому я прихватывала с собой топорик для рубки мяса, которым скалывала лед со ступенек. Иначе запросто можно было угодить в прорубь. Путь от Фонтанки до нашего дома был довольно порядочным, и мы шли с передышками, держа ведра в руках. А когда выпал снег, ведра с водой возили уже на санках.

В ноябре и декабре люди стали умирать от истощения. Первыми обычно умирали мужчины – старики и дети. Одна история связана с моим одноклассником – Борькой Карповым. В последнем предвоенном учебном году его посадили со мной за парту для исправления, поскольку он был дворовым балованным мальчишкой. У нас с ним пошла война. Если он себя плохо вел, то я сбрасывала его с парты в проход. В отместку он со старшими мальчишками подкарауливал меня по дороге к дому, а жил он также на 11-й Красноармейской, но ближе к школе, и в мой адрес выкрикивал вместе с ними

разные дразнилки, например:

Я тоскую даже в школе и на расстоянии —
Без тебя, моя черешня, жить не в состоянии...

Черешня – потому что на моем школьном шкафчике для переодевания была нарисована именно она. А в самое голодное время ко мне вдруг прибежала сестра Борьки и сказала, что тот зовет меня к себе. Я ей ответила, что никуда не пойду. На это она заявила, что нельзя отказывать умирающему. Пришлось идти. Оказалось, что Борька хотел попросить прощения за то, что когда-то меня обижал. Блокадные дни он не пережил. Умер и Борька Филиппов, хотя мы всем звеном ходили его спасать и приносили по маленькому кусочку от своей пайки. Увы, спасти его не удалось. Из тех, кто учился со мной в седьмом классе, а в нем было более 30 человек, после войны я встречала Витю Конькова, Лену Минину, Нину Соколову, Галю Васильеву, Майю Тэска. Судьба остальных одноклассников мне неизвестна. Из тех же, с кем я училась в младших классах, после войны я виделась с Марком Позельским, Клавой Веремей, Соней Явец и Галей Аверьяновой.

Наверху над нами, на третьем этаже, жили домовладельцы – Синевы. Мужчины все служили на флоте, отец семейства был в больших чинах. После революции им оставили сначала две комнаты, а потом одну отобрали. В блокадное время

в их комнате жили Мария Александровна и ее сестра. Когда наступил голод, они как-то быстро угасли. Мария Александровна все упрашивала меня взять себе ценный рояль и библиотеку, книги в которой были в роскошных переплетах и с золотыми обрезами. Но куда там! На это тогда не было ни сил, ни возможности. А до войны я брала у нее читать «Серебряные коньки», «Леди Джен, или Голубая цапля» и что-то еще.

Когда выпал снег, появились печально знаменитые санки с покойниками, которые я видела не раз. Были и трупы с вырезанными кусками мяса. А детей предупреждали, чтобы они не ходили по тротуарам, поскольку были случаи, что они попадали в расставленные петли и навсегда пропадали, затянутые в подвал. Очевидно, что их съедали. Говорили, что за большие деньги у барыг можно было купить котлеты из человечины. Были и мародеры, безнаказанно грабившие оставленные без надзора квартиры, вынося картины, посуду и другие ценности. Наверное, таких было немного, но слов из песни не выкинешь. У нас тоже пропал сервиз, кое-что из посуды и мебели. Соседи нам сказали, что этим занимались домоуправ и дворничиха. Мама после войны бегала с ними разбираться, но безрезультатно. Домоуправу осколком оторвало руку, и злые языки из пострадавших уверяли, что это Бог покарал его за воровство.

В начале зимы к нам пришел дядя Яша, наш дальний родственник, но хороший знакомый. Он жил на Мойке недалеко

от Дворцовой площади, и до войны после демонстрации все родственники собирались у него отмечать праздник. Одно время он работал на мамином предприятии. Дядя Яша был в панике – он потерял или у него украли продуктовые карточки. В тех условиях это означало смерть. На семейном совете было решено отдать ему карточки тети Ани, а ее вместе со мной и Алькой отправить к отцу на «Красную Баварию». Там нам выделили две кровати в бомбоубежище, находившемся под солодовней – по-моему, четырехэтажным зданием. Вот это было настоящее бомбоубежище с мощными перекрытиями, которые выдержали бы и попадание тысячекилограммовой бомбы, не то что хилое и ненадежное укрытие у нас на 11-й Красноармейской. Одну кровать занимала тетя Аня, а другую делили мы с Алькой – спали валетом. Матрацы, одеяла и подушки нам тоже выделили. В бомбоубежище не топили, так что мы спали одетыми, а если кто-то из соседей отсутствовал, то брали дополнительно и их одеяла. Рядом с бомбоубежищем находилось и химическое убежище. Заведовал всем этим хозяйством Андриевский. Мой отец спал не в бомбоубежище, а у себя в кладовой – на месте работы.

В первый же день нашего появления на «Баварии» отец повел нас в гости к Сердюковым. Глава семейства Николай когда-то работал на «Баварии» и получил квартиру в доме на территории завода. В то время он работал шофером и перевозил грузы по льду Ладоги. Мать Мария Александровна не работала и занималась семьей и хозяйством. Их стар-

шая дочь Галька была на год младше меня, и мы с ней сразу подружились. Другая дочь Лялька была ровесницей нашего Альки, и они также часто ходили вместе.

* * *

1942 год.

К Сердюковым мы ходили есть. По распоряжению директора завода на всех сотрудников и членов их семей выдавался солод. То, что было положено нам, папа отдавал тете Марусе, которая этот солод толкла и варила из него кашу. Кроме того, у папы оказался небольшой запас рисовой муки, так что тетя Маруся несколько раз пекла блины. Бывали и другие гастрономические радости. Когда моряки привозили на «Баварию» хлеб, чтобы сушить сухари, тотчас собиралась ребятня помогать таскать его. Плоские ящики брали по двое с двух сторон. Непременными участниками этих работ были мы с Галькой Сердюковой, Вовка Павлов, Генка Андриевский, Наташка и другие. За это каждый получал по большому сухарю. Вкуснее тех сухарей в моей жизни не было! Свой сухарь я относила в бомбоубежище, где тетя Аня размачивала его в кипятке в тюрю. В основном ее съедал Алька, а мы с тетей Аней – по ложке. Дети в блокадном Ленинграде умирали в первую очередь, и мы, как могли, берегли Альку.

Был еще такой случай. Алька с Лялькой где-то нашли бутылку с замерзшим лимонадом и тайно положили ее в теп-

лое место оттаивать. А мы с Галькой этот их клад обнаружили. В отличие от малышни мы церемониться с бутылкой не стали, ее разбили, а лимонад сосали, как леденцы. Плача и слез было, когда они это узнали, – не передать.

Отсутствие продовольствия сделало нас настоящими добытчиками. У Гальки Сердюковой были припасены навозные черви, и мы с ней ходили на Неву ловить в проруби уклею. В удачные дни мы добывали рыбы на приличную уху. Кроме того, мы наловчились ловить воробьев. Глупые голуби были уже все пойманы и съедены, а воробьи – другое дело. Их так просто не обманешь. Для ловли мы приспособили легкий хлебный ящик, один конец которого приподнимали на колышке, к которому привязывалась веревка. Под ящик насыпали немного солода, а сами прятались. Когда воробьи набивались туда, дергали за веревку и вырывали подпирющий колышек, ящик падал, захлопывая ловушку. Мяса в воробье, конечно, было с гулькин нос, но бульон из них казался питательным.

Неподалеку от «Баварии» стоял флотский экипаж. Как-то нас с Алькой почему-то занесло туда. Моряки нас встретили очень приветливо и, главное, накормили перловой кашей. Какая она была вкусная! Когда мы ушли от них, то по дороге ругали себя, что до войны перловку терпеть не могли. И мы с Алькой поклялись, что после войны обязательно будем часто варить ее и есть. Но, конечно, после войны, когда жизнь наладилась, эта наша клятва вспоминалась с улыбкой.

Поскольку на «Баварию» мы прибыли в пору самых длинных и темных вечеров и ночей, то нас сразу снабдили «светлячками». Это были своеобразные броши с фосфором в виде ромба размером приблизительно четыре сантиметра, крепящиеся на одежду застежкой типа французской булавки. Мой был лунного цвета – желтовато-синеватый.

Во время вражеских налетов тетя Аня старалась по моему «светлячку», который хорошо знала, обнаружить меня и отправить в бомбоубежище. Чтобы обмануть ее, я прижималась к спине Гальки, закрывая тем самым свой «светлячок», и мы проходили мимо тети Ани, как один человек. После чего мы отправлялись дежурить на крышу, где стояла специальная будка. Ни песка, ни воды на крыше не было. Поэтому упавшие зажигалки мы сбрасывали с крыши на землю, где их и тушили, так как там имелись и песок, и вода, и щипцы, и прочее. Здания на «Баварии» были построены на совесть, что подтвердилось, когда на одно из них упала пятисоткилограммовая бомба. Она смогла пробить только одно перекрытие и взорвалась, причинив лишь минимальный ущерб. В городе такая бомба прошла бы дом насквозь до подвала.

На «Баварии» я вновь встретилась с Ллойдом – немецкой овчаркой Коки и тети Ани. Когда настали блокадные дни и кормить пса стало нечем, папа устроил Ллойда в охрану на «Баварию». Однажды прямо перед ним упала зажигалка, шипящая и брызгающая огнем. Привязанный, он не мог убежать и лишь жалобно скулил как плакал, а из глаз у него тек-

ли слезы. Хорошо, что я в этот момент оказалась рядом. Зажигалку я оттащила в сторону и обезвредила ее, как учили. В январе сначала к папе, а затем к тете Ане пришли охранники и попросили разрешения Ллойда съездить. Разрешение было получено. Ллойда было безумно жалко, и лишь слабо утешала мысль, что, может быть, он спасет кому-то жизнь. Я бы ни за что на свете его, своего друга, есть не стала.

Наше пребывание на «Баварии» завершилось в конце января. Мы с Алькой вернулись домой к бабушке и тете Мусе на Красноармейскую, а тетя Аня уехала из города в эвакуацию. Она должна была сопровождать свою тетку Лену и ее падчерицу Лиду с дочкой Райкой, которой было двенадцать лет. Тете Лене шел шестьдесят седьмой год, и она была очень плоха, как, впрочем, и Лида. Поэтому к месту отправления бабу Лену я везла на санках. Они направлялись в Пермскую область, куда раньше уехала со своим сыном старшая падчерица бабы Лены Валентина. Та работала кондуктором троллейбуса и была эвакуирована в конце лета или в начале сентября от своего предприятия.

Возвратившись домой, я вернулась и к своим обязанностям: обеспечению семьи продуктами, водой, дровами для буржуйки. Также продолжались дежурства на крыше во время налетов. А в середине февраля серьезно заболел папа – крупозное воспаление легких. И все из-за того, что не поберег себя, из-за своего упрямства. Когда умер работник его склада Иван, они отправились его хоронить на повозке, за-

пряженной лошадей. Всем было предложено надеть под тулупы теплые фетровые поддевки. А папа отказался, сказав, что ему и так тепло. Февраль же был морозным с жестокими пронизывающими ветрами. Вот отца и продуло. К тому же сказалось и то, что в финскую войну он сильно застудил легкие, неподвижно пролежав более двух часов в снегу во время разведки.

Уже в тяжелом состоянии его привезли с работы домой. Врачи тогда к больным на дом не ходили. Жена другого работника склада Крестьянова работала в тубдиспансере на Обводном канале. Она достала для папы какие-то лекарства, за которыми ходила я. В тот день стояла жуткая стужа и дул встречный обжигающий ветер. Казалось, что от холода лопнут глаза, поскольку ветер выбивал из них слезы. Порывы ветра были такой силы, что я с трудом продвигалась вперед. Лицо я закрыла шарфом, руки были упрятаны в муфту, а вот ноги... Так что я вернулась с обмороженными коленками. На обратном пути лекарства я несла в муфте. В тубдиспансер я ходила еще не раз, но тот первый запомнился особо. К сожалению, эти лекарства папе не помогли.

Во время болезни папа все время лежал одетым под одеялом. Садился он всего несколько раз, поскольку был очень слаб. Руки у него дрожали, и сам он есть не мог. Кормили его по очереди все домочадцы, кроме Альки, иногда на помощь приходила тетя Женя Пышкина, жившая под нами. Она ставила папе банки. Навещали папу и товарищи по работе –

дядя Петя Сердюков, дядя Ваня Хорев. Развязка наступила восьмого марта и весьма для меня неожиданно, несмотря на долгую и тяжелую болезнь папы.

Утром папу навестил дядя Петя Сердюков, у которого этот день был выходным, и принес сказочный подарок – луковицу, несколько картофелин и кусок конины. На Дороге жизни фашистским снарядом убило лошадь, и водители, бывшие свидетелем этого, и дядя Петя в их числе, разделили между собой ее тушу. Мама конину смолочила и сделала тефтели. Перед праздничным обедом папа с нашей поддержкой перешел за стол и решил побриться. Мы ему в этом помогали. После обеда, который состоялся примерно в два часа дня, все решили отдохнуть. Через какое-то время я услышала папин голос и подошла к нему.

– Прости, святой отец, что я зашел в твою обитель.

Такие слова услышать от папы я никак не ожидала. Папа был партийным, а над верующими тетей Аней и бабушкой частенько подтрунивал. Поэтому те его слова запомнились мне на всю жизнь. Я позвала к его постели остальных. Папа бредил, но не бессмысленно – он говорил о том, как будет проходить война. Сказал, что она закончится через три года и мы победим. Сказал, что наш город не будет мертвым. Что он выстоит и не сдастся врагу. Но все это он говорил не нам, а кому-то другому, неведомому. Говорил он медленно и негромко. Потом папа надолго замолчал, и через какое-то время мы обнаружили, что он не дышит. Случилось это на

закате дня.

К нам поднялась тетя Женя Пышкина и обмыла папу. Потом его перенесли в пустую нетопленную комнату Коки и тети Ани и положили на стол. Папа лежал розовый, а не желтый, как другие покойники, мочки ушей оставались розовыми, и на губах была улыбка. Поэтому я долго не верила в его смерть и бегала к нему с зеркальцем. В моей памяти всплыл случай из детства, когда в Троицком соборе заснувший летаргическим сном «покойник» во время отпевания неожиданно очнулся и сел в гробу. Но у папы, увы, был не летаргический сон, и приложенное к губам зеркальце, вопреки моим надеждам, так ни разу и не запотело.

Подготовка к похоронам заняла больше недели: пока мы добрались до «Баварии» и сообщили о случившемся, пока там сделали гроб и смогли выделить машину. Директор из своих личных запасов выдал пять бутылок пива на поминки. Все это время папа лежал в комнате Коки, и я каждый день ходила к нему с зеркальцем. На Богословское кладбище поехали на грузовике – мама в кабине, мы с тетей Мусей в кузове, а с нами дядя Вова Крестьянов и дядя Ваня Хорев. Мама выбрала Богословское кладбище, поскольку там был похоронен ее младший брат Николай. Могилу папы устроили возле большой лиственницы, которая сохранилась и по сей день.

Папины похороны были отмечены еще одним запоминающимся событием. Мы с тетей Мусей решили перед обратной

дорогой зайти в туалет. Там наше внимание привлек лежащий в углу на тумбе узелок. Из любопытства мы решили посмотреть, что там, и ужаснулись. В узелке оказалась отрубленная почти по локоть женская рука с золотым кольцом на пальце. Бросив страшную находку, мы с тетей Мусей в панике бросились поскорее наружу. Наш рассказ вызвал охи и ахи, но и только, поскольку к этому времени каждый повидал столько разных смертей и разнообразных покойников, что острота восприятия подобных событий притупилась. Кроме того, на сильные переживания, вероятно, просто не хватало физических сил и энергии.

В блокадном Ленинграде зимой 1941–1942 годов канализация не работала, и приходилось нечистоты выливать во дворе. С приходом весны из-за этого возникла угроза эпидемии. Повсюду в городе происходила очистка дворов, в которой, естественно, вместе с друзьями принимала участие и я. Для меня и моей подруги эта работа едва не закончилась трагически. Лед и грязный снег со двора загрузили в самосвал, а мы с Леркой, вооруженные лопатами, залезли в кузов, чтобы осуществить разгрузку. Когда подъехали к Обводному каналу, водитель, видно, забыл про нас и поднял кузов для разгрузки. Как мы с Леркой сумели удержаться и не скатиться с большой высоты вместе с дерьмом в холодные воды Обводного канала, рискуя при этом удариться головой или захлебнуться и утонуть, – до сих пор не знаю! Мы подняли крик, и водитель тотчас же опустил кузов, и все, к счастью

для нас, обошлось. В последующие разы мы соскакивали на землю, после чего водитель поднимал кузов, а остатки уже счищали лопатами.

Весной в город дали электричество, стали ходить трамваи, открылись некоторые кинотеатры. Как-то я решила проведать друзей на «Баварии» и отправилась туда. Оказалось, что они – Галька Сердюкова, Генка Андриевский, Наташка и мальчишки – собрались в кино смотреть «Пышку», которая шла в кинотеатре «Нева» на Невском проспекте. До войны на этот фильм детей до шестнадцати лет не пускали, но теперь-то мы уже стали большие! Ну и я решила пойти с ними за компанию. В кинотеатре был полный зал. Но день был явно не кинематографический – только начался сеанс, как раздался сигнал воздушной тревоги, и зрителей пригласили в бомбоубежище, находившееся в одном из флигелей здания. Оценив опытным взглядом ненадежность этого укрытия, мы решили переждать налет в парадной, выходящий на Невский проспект. Дождавшись отбоя, вернулись в кинотеатр, и сеанс возобновился. И так несколько раз – сигнал воздушной тревоги, бомбежка, отбой, продолжение сеанса. Наше решение не ходить в бомбоубежище, а переждать в парадной, оказалось правильным. Во время последнего налета бомба попала именно в тот флигель, где располагалось бомбоубежище, превратив его в груды камней. Взрывной волной выбило дверь парадной, и нас вынесло на Невский в облаке пыли от битого кирпича и штукатурки. На этом наш культ-

поход в кино закончился, и мы разошлись по домам, так и не досмотрев фильм.

Весна принесла и новые возможности – появилась трава. Говорили, что многие лебеду мешали с отрубями и делали из этого лепешки, но в нашей семье подобный «деликатес» успеха не имел. Так же как студень из столярного клея или из кожаных ремней. А вот щи из молодой крапивы – совсем другое дело. Но ведь такие щи фигурируют в кулинарных рецептах не только голодного военного времени. Маме на работе давали соевый шрот, но даже голод не мог заставить меня его есть.

Когда сошел снег, я ходила вместе с друзьями на Среднюю Рогатку копать картошку. Делать это приходилось лежа, поскольку немцы, заметив таких огородников-любителей, начинал обстрел с Пулковских высот, в результате которого были и погибшие. Поскольку подобный промысел был довольно опасным, мы его совершали втайне от родных. У меня для этого имелась маленькая лопатка. Порой удавалось накопать на кастрюлю. Конечно, мороженая картошка невкусная, но все же это была еда.

Изменились весной и нормы выдачи продуктов на карточки, на них уже можно было получить не только хлеб. В нашей булочной давали еще и колотый американский шоколад, а мои родные предпочли бы сахар и муку. Выручила тетя Ася Лопухина, которая в сорок втором году по заданию партии была директором продуктового магазина. Тетя Ася была из

выпуска первых советских инженеров, которые в довоенное время пользовались большим уважением. Когда-то она работала вместе с мамой на «Ленжете» главным инженером. Замужем она была за дядей Томашом, который, когда они приходили к нам в гости, всегда приносил в подарок маленькие детские книжечки. И никогда не отдавал новой до тех пор, пока не расскажешь содержание предыдущей. Магазин тети Аси находился примерно там, где сейчас станция метро «Черная речка». Приходилось до него долго ехать на трамвае, который к тому же отчаянно петлял по разным улочкам. Но иного выхода не было, так как наши карточки в других продуктовых магазинах, более близких к нам, не принимали.

К весне сорок второго года относятся мои первые литературные опыты: в стихотворной форме я описала пережитую блокадную зиму, смерть папы – самое значимое и печальное событие в моей жизни блокадной поры. Получилась целая поэма. К сожалению, она не сохранилась. Очевидно, те, кто проникал в квартиру в наше отсутствие, пустили мою тетрадку на растопку.

В мае я зашла в свою школу, а оттуда меня отправили в другую – на 8-й Красноармейской. В классе были ребята, точнее, девочки из разных школ нашего района. Парень всего один – Севка Панфиленко. Причем из нашей школы больше никого не было, а ведь вряд ли все мои одноклассники поголовно к тому времени либо уехали из города, либо умерли. Видно, никто, кроме меня, в школу зайти не удосужился, а

разыскивать их не собирались. Ни о какой регулярной учебе не могло быть и речи. Хотя мы ходили в школу каждый день, в памяти не осталось, чем нас там занимали. Помню только, что водили на расчистку завалов и уборку территории.

Из девчат мне запомнились Женька Щербакова, Вера Полякова, Надя Буробина, Люся Лаская, Ольга Гольдбринг и Ирина, фамилии которой не помню, хотя именно она была моей близкой подругой. Самой заводной среди нас была Женька Щербакова, рыжая, конопатая и очень энергичная. Ольга Гольдбринг жила в переулке рядом с проспектом Огородникова. Я несколько раз была у нее дома. Она меня угощала каким-то желе из упаковки типа колбасы. Желе по вкусу напоминало монпансье и имело какой-то специфический «химический» привкус, но давало приятное ощущение сытости.

В конце мая нас послали в Колтуши на сельскохозяйственные работы. Поселили нас в деревянном домике, спали мы на полу. Поля, на которые нас привезли работать, кажется, принадлежали подсобному хозяйству какой-то воинской части. И было такое, что фашистские самолеты их обстреливали на бреющем полете. У нас никто не пострадал, а среди учеников другой школы, работавших на соседних полях, были раненые и убитые. Но в основном немцы бомбили находящийся в Колтушах военный аэродром.

Сажали мы совсем немного, в основном пропалывали овощи и окучивали картофель. Хотя дистрофиков среди нас

не было, я не помню, чтобы кто-нибудь из нас раздевался позагорать во время работы в поле. Правда, тогда это было не очень-то принято, особенно в присутствии мальчиков, а с нами все-таки работал Севка Панфиленко. Когда у летчиков были танцы, то мы, человек десять девочек, выглядевших постарше, бегали туда. Провела я в Колтушах почти два месяца, уехала в конце июля.

В день отъезда я, как всегда, пошла работать в поле. Подруга Ирка почему-то в этот день в поле не вышла, поэтому я ей отдала на хранение золотое колечко с аметистом, подаренное мне бабой Леной. При работе кольцо мне мешало, да и вообще кольца и серьги я носить не любила. Внезапно на поле передо мной появилась тетя Муся.

– Галя, собирайся, надо ехать домой.

– Что случилось? – испуганно спросила я.

– Не волнуйся – ничего. Просто твою маму решили эвакуировать.

Я быстро собралась, а про колечко и забыла. Так оно и осталось у Ирки. Уже через много лет после войны мы как-то случайно столкнулись с ней на улице. Она сказала, что сохранила мое кольцо и готова его отдать. Но я ответила, что пусть оно остается ей на память обо мне.

Уезжали мы с тетей Мусей на машине военных, которые согласились подбросить нас до города. Солдаты помогли нам забраться в кузов. Когда машина тронулась, Севка Панфиленко побежал за ней и закричал:

– Галя, я тебя найду, я обязательно тебя найду!

И вот во второй половине восьмидесятых годов я спускалась на эскалаторе в метро «Черная речка», торопясь на Петергофское шоссе к внучке. А навстречу на другом эскалаторе поднимается морской офицер. Смотрю, а это Севка Панфиленко, он, конечно, изменился, но я его сразу узнала. Я-то его засекала еще издали, а он меня увидел, только максимально сблизившись. Он увидел меня, также узнал, несмотря на сорок с лишним прошедших лет, и начал кричать:

– Галя! Подожди меня внизу, я сейчас спущусь.

Но я не обернулась. Все вокруг начали мне говорить:

– Вы слышите? Вам кричат.

– Это мое дело.

Ну зачем мне в моем возрасте, обремененной внуками, подобные встречи? Да к тому же и времени совершенно не было – я спешила внучку встречать из школы. Я его не стала ждать и уехала. Кроме Севы и Ирины из «колтушных» после войны я встречала еще Надю Буробину.

Когда мы с тетей Мусей приехали в город, собрался семейный совет – я с тетей Мусей, мама, бабушка и Алька. Мама была в положении – последняя память об ушедшем отце – и, несмотря ни на что, решила рожать. Тетю Мусю в эвакуацию не выпускали. Мне же уезжать совсем не хотелось, о чем я и заявила:

– Я никуда из Ленинграда не поеду. Стало легче, нормы на карточки прибавили, так что жить можно.

Тут все насели на меня.

– Маме обязательно надо уезжать, здесь ей будет не разродиться. И подумай сама, как она в ее положении будет в пути. Надо и за кипятком сбегать, и на карточки получить, да мало ли что еще. Алька еще маленький для таких дел, так что ей никак без тебя не обойтись. Хочешь не хочешь, а надо тебе ехать.

Тетя Муся пожаловалась:

– Я бы с огромным удовольствием с Ленкой поехала. Так надоели эти обстрелы и бомбежки, но меня ни за что не выпускают.

– А бабушка с нами поедет?

– Нет, я остаюсь с Марией, не могу же я ее оставить одну. И вообще, здесь я прожила всю жизнь, здесь ее и окончу, когда Бог решит. А вы уезжайте, раз появилась такая возможность. Нечего рисковать собой, вам, молодым, предстоит еще, даст Бог, хорошо пожить.

Доводы взрослых были убедительны, и с ними пришлось, скрепя сердце, согласиться. По молодости я не верила, что со мной что-то может случиться, страха, что меня убьют, не было. А желание помочь отстоять город и не сдать его врагу было огромное. Все-таки, что бы потом некоторые ни говорили, подлинный, не показной патриотизм был сущностью подавляющего большинства моих сверстников, по крайней мере, среди коренных ленинградцев.

Итак, все было решено, мы уезжали втроем – я, мама и

Алька. Потом к нам еще добавились моя крестная со своим внуком Олегом. В общем, собралась та же компания, за исключением уже уехавшей тети Ани, что и во время нашей неудачной сентябрьской попытки. На Московский вокзал нас провожал муж крестной – дядя Ваня Редькин. На вокзале нас предупредили, что с собой надо иметь посуду, поскольку в дороге на станциях будут давать горячую еду. От Московского вокзала мы в теплушках отправились к Ладожскому озеру, где нас ждали два катера. Распорядитель объявил, что из-за угрозы воздушного налета катера уйдут не вместе, а по очереди, с определенным интервалом времени. Крестная начала скандалить, требуя, чтобы нас отправили с первым катером, мотивируя это тем, что мы не успеем на наш состав. Распорядитель ее успокоил:

– Ничего страшного, поедете с другим составом.

Первый катер ушел, а примерно через час нас посадили на второй, и мы отплыли. Я запретила своим спускаться в трюм, поскольку, оставаясь на палубе, в случае чего мы имели хоть маленький, но все же шанс на спасение. У тех, кто в трюме, и его не будет. Пока плыли, все напряженно всматривались в небо, но, к счастью, обошлось. Поражали ширь огромного озера, особый запах волн и свежий, почти морской ветерок.

И вот судьба! Когда наш катер прибыл в Борисову Гриву, мы узнали, что именно наш состав, уже заполненный людьми, прибывшими с первым катером, фашисты разбомбили на путях. Те, кто не успел выпрыгнуть из него и спря-

таться, были ранены или погибли. А как только объявили посадку в другой состав, начался второй авианалет. Побросав свои вещи, все кинулись укрываться в близлежащих лесочках, и после окончания воздушной тревоги мы не все свои вещи смогли отыскать. К счастью, столь необходимая посуда не потерялась. Нас погрузили в состав из теплушек, и мы отправились в трехлетние скитания в эвакуации, надолго протившись с блокадным Ленинградом.

О судьбе тети Муси нам написал Редькин. По его словам, она очень тосковала по нам, и из-за этого у нее случилось какое-то помешательство. Вроде бы она бегала по улице и громко ругала Сталина. А потом ее обнаружили повешенной в своей комнате. Сама она это совершила или ей помогли – неизвестно. Редькин также написал, что сам отвез ее на Богословское кладбище и похоронил рядом с папой.

Оставшись одна, бабушка была обречена, поскольку к этому времени она выходить на улицу уже не могла. К тому же у нее просто не было денег, чтобы выкупать продукты по карточкам. В Книге Памяти указано, что она похоронена в одной из братских могил на Пискаревском кладбище, а мы-то всегда считали, что на Богословском. Было ей 73 года.

Бабушка Фаня блокадной поры вспоминается мне сидящей на диване под тарелкой радиотрансляции и слушающей передачи между сигналами воздушной тревоги.

4. Эвакуация

4.1. Мы в эвакуации (стихи)

Этот день память 68 лет хранит,
И издалека каждый год выплывает,
Забвению не подлежит
И срока давности не знает.

Итак, по дурасти, по глупости, по воле злой,
Мы уезжаем из блокады долой.
Едем в дальние края, неизвестно куда,
Что делаем ошибку, тогда еще не знали.
Будущее в мыслях не догоняли.

Станция Верещагино, не доезжая Перми,
Деревня Тимоино, 40 километров от Верещагино.
Такая глухомань,
В полном смысле слова тьмутаракань.

Там наши ленинградцы уже жили,
И, здрасте вам, и мы прибыли.
В чужую жизнь ворвались ненароком,
Неизвестно, каким окажется сроком.
Деревня около тридцати домов,

Одни бабы, без мужиков.

Нам летнюю половину избы под жильё определили,
У бабушки Леканихи мы поселились.
Стали жизнь осваивать другую, деревенскую —
Русская печь, полаты под потолком,
Чугунки, котелки и два ухвата.
Клопов и тараканов полная хата.

По стенам сплошная лавка, и на печи теплая лежанка.
На все на это поглядели,
Голодные были, но есть не захотели,
Хотя картошечка на столе дымилась,
И непонятно, что на душе творилось.

Мы уже в августе сюда добрались,
Маме до родов какие-то дни остались.
Ну, что ж, надо привыкать другую жизнь осваивать.

У мамы характер энергичный,
К самостоятельности привычный.
Отправилась в колхозный партком
Житуху обговорить на сейчас и на потом.

В трех километрах село Буб,
Это колхозный штаб-пуп.
На много деревень один председатель —
Сан Саныч косой, к военной службе не годный,
И в каждой деревне бригадир – ему подобный.

Вот этот пуп должен фронту помогать,
Хлеб и овощи растить, продукты поставлять.
Боевая полевая единица – бабий батальон,
Пахать, сажать, урожай снимать – дел на миллион.

Еще попутно детей рожать, население пополнять —
Все это легло на женские плечи.
Болезь, хныкать и скулить некогда и нече.
Невольно вспоминаются Некрасова слова:
«Есть женщины в русских селеньях...»

Мама с тетей Аней решили садик-ясли организовать,
Заботу о детях на себя взять, бабам помогать.
Мама утром для детей хлеб пекла
И так умело ухватом и печкой орудовала,
Откуда такое взялось?! Я удивлялась и любовалась.
Тетя Аня воспитательницей была,
Еще несколько женщин городских вовлекла.
И завертелась, закружилась уже жизнь деревенская.
Я должна была дрова пилить двуручной пилой одна,
Колоть и в избу носить, ночью темно, не видно ничего.

В школу десять километров туда и сюда сбегать,
Оценки хорошие иметь, наш город-герой не срамить.
Все каникулы в колхозе работала:
Укосы мерила, полевым работам учет вела, лен таскала.
С Шуркой на тракторе в ночную – глубину пахоты
замеряла.

Самое тяжелое было – дрова рубить,
Деревья больше, чем в обхват.
Без клина и кувалды не обойтись, не одолеть,
Так что приходилось попотеть.

Вот так мы в новую жизнь входили.
Аборигены на своем сленге говорили,
В основном, от мала до велика,
Матерным языком пользовались.
Он в обиходе был, это дозволено,
А за ругательство – будь ты жид – наказание обеспечено.

Времечко на месте не стоит,
Тик-так, быстро бежит, торопится.
У нас две дамы на сносях —
Шура Леканихина и мама.

И вот наступает срок родин,
Бегу к Евграфычу – лошадку прошу,
Женщин в роддом повезу.
Сашка вызвался помочь,
Чтоб обратно одной не ехать в ночь.

И вот, на завтра в школу уже иду,
Познакомиться со школой и с классом хочу.
На пути обратном загляну в роддом.
После уроков пошла рожениц навестить.
Они уже успели родить в эту же ночь.

Одна – сына, а другая – дочь.

Смеялись, что тили-тили-тесто, жених и невеста.
В будущем это не состоялось,
Так как такое под боком решалось.

Зима, дрова были нужны,
Пошла я к бригадиру,
Евграфыч сказал – на конюшню иди,
Спирьку-конюха найди,
Пусть лошадь в дровни запряжет.

На конюшне дед сидит, я у него спрашиваю:
«Как Спирьку найти? По дрова съездить надо».
«Я – Спирька, сейчас запрягу», – а я дар речи потеряла.
Надо же так старость не уважать и как мальчишку
называть.
В общем, я удивилась, но с этим не согласилась.

Стала его по имени-отчеству величать
И при мне никому не разрешала
Его Спирькой называть.
И он стал меня от всех отличать.
Лучшего коня давал, в лучшую повозку запрягал.

Поехали с мамой по дрова,
Это после, как она родила.
Приехали на делянку, дров наложили,
Стали лошадь понукать.

Стоит и ни с места, не хочет команду услышать.
Наверно, много положили и ей тяжело.
Половину сбросили – ни с места опять.
Стали ее хлебом угощать:
Хлеб хам-хам – а воз и ныне там.

Стало смеркать, побежала к Евграфычу опять,
Он Лешку-сына в помощь дал, тот младше меня на год.
Прибежали, воз огромный нагрузили.
Вожжи дернул и тихо сказал: «Ну, мертвая, такую твою
мать!»
И лошадь послушно начала шагать.
Наш язык не поняла, нужно было по-местному сказать.

Хочу теперь про Шурку рассказать,
Мы с ней ровесницы были, подружились.
Она трактористкой была и чем-то болела.
Мы не знали тогда, у нее приступы, падучая была.

Упадет на пол и в судорогах бьется,
И тут же, как мухи на мед, целая изба баб набьется.
Хотят узнать про мужей и сыновей,
А ей все хуже и хуже.

Говорят, «пошибка» в нее вошла.
Дунька-колдунья порчу наслала.
Вот в этом припадке ей вопросы задавали,
А она, не шевеля губами, утробно на них отвечала.

Я с ужасом на это смотрела,
Что делать не знала.
Тут тетя Аня пришла, всех баб разогнала
И чистым свежим воздухом Шурку в чувство привела.

Ее мы в больницу возили,
И там ничего не находили.
И вот, время от времени, это повторялось.
Теперь я знаю – это эпилепсией называлось.

А там бабы говорили —
«Пошибка» какая-то в ней сидела,
Прогнозы всякие выдавала
И Дуньку своей хозяйкой называла.

И самой себе предсказала,
Что смерть примет от «коня» своего – трактора.
И предсказание сбылось – тормоза не закрепила,
Стала плуг отцеплять, а трактор покатился вспять.
Ее до смерти придавил, такую молодую!
Верю не верю, а это все было,
На моих глазах происходило.

4.2. В Молотовской области

Август 1942 – сентябрь 1943 года.

Небольшой отрезок пути в школу проходил по проезжей части, и в одном и том же месте в разные времена года звуковой мираж слышался – кто-то лошадь понукал и цокот копыт этот голос сопровождал. Дорогу уступила, оглянулась – нет никого, жутью подуло. А жители говорят, что это пугает «млит» – привидение.

А идущим мимо деревни Марков Мыс, так пригорок называют, колокольный звон слышался, хотя церковей в округе нигде не было. Там когда-то часовня стояла, которую хулиганы разгромили. И вот теперь печаль колоколами звенит. Вот вам и загадка.

И еще... Зима как зима, а изба очень холодная была. В райкоме дали талон в мастерскую, чтобы буржуйку изготовили в кратчайший срок. А им там на указ наплевать, и резину начали тянуть, завтраками кормить, а мама с детьми мерзла. Со мной в одном классе учился сын какого-то начальника, он предложил захватить со склада уже готовую печь. Подумали, как это сделать, и решили, что я с девочками должна у начальства шумиху создать, а мальчишки в это время уже готовый комплект с трубами тайно вынесут. Постановили и удачно осуществили. Я в сердцах людям в мастерской квитанцию бросила, и мы гордо удалились. И все довольные

остались, пока не спохватились.

Товарищи меня в путь провожали, а погода зловещая была, мне угрожала. Мне десять километров шагать, но во мне всегда лозунг жил: «Обкламся, но не поддамся». И я храбро в эту погоду шагнула и санки с печкой потащила. Дорогу замело, я часто с пути сбивалась, по пояс в снег проваливалась, вылезала и опять шагала. Кругом ни души. А погода такая – не видно ни зги. В голове одно сверлило: лишь бы с волками не повстречаться, а то они зимой злые и голодные.

Но мне повезло, немного осталось, я почти у цели. В низине уже деревушку можно угадать, хотя и не видать. Кругом от снега мгла, а в избах света нет, сплошная темнота. И вдруг в этой мути какая-то точка появилась и навстречу мне движется. Немного тревожно стало, но я храбро вперед зашагала. Ближе и ближе... Эта точка тетей Аней оказалась, она меня встречать собралась. Хотела Сашку привлечь, но там, в доме, уже успели спать залечь. Увидала я ее – все беспокойство отлегло. С горочки спустились, и вот оно Тимино. И это созвучие по моей жизни прошло – я стала Тиминой женой. А с волками я нос к носу дважды встречалась, но мы взаимно пугались и в разные стороны разбегались. Летом и осенью они сытые бывают и не нападают. Зимой это тревожно было все-таки.

Ходить зимой в село Сива, и туда и сюда десять километров, было как-то не по себе. Напротив двора бабы Леканихи стоял добротный дом за высоким забором. И время от

времени там какой-то сход собирался. Там жили две сестрицы-раскольницы, старообрядческой общины и непонятной веры. Вот они меня пожалели, что я каждый день 20 км отмеряю, и поместили меня в Сиве на постой к своей единоверке. Я там поселилась у Анны Дмитриевны, женщины суровой и строгой. Зато до школы мне было идти пять минут, а в деревню я теперь выбиралась только на выходные. Обратное несла продукты на неделю, за спиной тяжелый полный рюкзак и в руке пятилитровый туесок с молоком. Так что тоже нелегко было.

У Анны Дмитриевны домик был свой. Русская печь делила помещение на три части – две комнаты и кухню. Комнаты разделял щит от печи, он нагревался и давал тепло. Одна комната была как бы горница, и туда никому, кроме меня и заглянувшим на огонек единоверкам, заходить не разрешалось. А в другой помещались мать с дочкой, эвакуированные из Ленинграда. Они жили бесплатно, так как обком партии определял людей на постой и отказа не принимал. Не все всех дружелюбно принимали. Евреев и москвичей откровенно не любили, а к ленинградцам хорошо относились.

Вот у Анны Дмитриевны и поселилась Галина Павловна Равич, еще молодая женщина с дочкой лет шести. Анна Дмитриевна их в ежовых рукавицах держала. Девочке хотелось подвигаться, попрыгать, а хозяйка на нее рывкала, и они обе – мать и дочь – ее боялись. А ко мне она очень хорошо относилась, разрешала все – и даже из заветного сундука

пятитомник «Приключений Рокамболя» доставала и только мне давала читать.

У нее было пятеро внуков от сына, они жили в соседнем доме. Она каждый день в определенное время ходила муштровывать их и невестку заодно. А для Полинки час свободы наступал, она скакала, плясала, бегала везде, а, заслышав шаги, замирала, как испуганный зверек.

Старшая внучка Анны Дмитриевны – Тамара Караваева – со мной в одном классе училась и меня часто просила чем-нибудь бабушку отвлекать и к ним не пускать. А их отец, ее сын, на фронте был. Вот придет он письмецо, так я его Анне Дмитриевне читаю и ответ под диктовку пишу. Вот о нем разговоры она любила, и ее этим я отвлекала. Все были очень рады, от нее отдыхали, а когда она приходила, они это пришествием антихриста считали.

Дома она готовила еду в горшках в русской печи, и было очень вкусно. Продуктов, которые я приносила, нам на двоих хватало на неделю. Она не сразу согласилась есть мои запасы. Меня накормит, а сама только чаек попьет. А я твердо сказала, что одна есть не буду, и точка. И, видимо, ее этим покорила. Особенно вкусно было, когда в горшке томились картошка и калига (брюква), плюс 100 граммов баранины для запаха.

Когда в деревне резали овечку, всегда нас угощали, а тетя Шура Мелехина, она кладовщицей была, нам ярочку подарила. Вот мы с ней горя хлебнули. Ярочка со стадом ходила,

а когда оно возвращалось, приходилось в него вторгаться и ее отлавливать. А глупее и канительнее скотины, чем овца, нет. Обращаться к ярочке нужно было на местном языке, поэтому часто баба Леканиха нас выручала и «такой-рассякой матерью» загоняла ее в хлев вместе со своей коровой.

У меня был друг Саня Басманов, старше меня на 10 лет, его после ранения признали не годным к службе и отправили из госпиталя домой. Единственный парень в деревне во время войны. Он жил у деда на пасеке, и если кому нужно было зарезать и освежевать барашка, то приглашали его, а он почему-то ко мне прилип. И поэтому я всегда была с мясом и с медом. Мама все за меня переживала, а он почему-то только с ленинградскими знался. Я его все время осаживала есенинскими словами: «Только нецелованных не трогай, только негоревших не мани». Он смеялся и расцеловывал меня, чаще в щечки, а иногда и забывался, но нахальства с его стороны не было. У меня имелось много друзей, и никогда никто меня не обижал, хотя и я бдительность не теряла, но всем доверяла.

У Сани в Сиве нарисовалась невеста, вернее, она сама себя нарисовала, так как была старше него на два года и положила на него глаз. С моим она присутствием быстро смирилась. Через свою невесту Саня достал мне дрова на зиму, чем очень обрадовал Анну Дмитриевну. Хотя кругом рос лес, с заготовкой дров было строго. Я дрова сама пилила, колола и в дом носила, а Анне Дмитриевне не позволяла, чем ее

вообще покорила.

Иногда Саня являлся мне в помощь. В таких случаях Анна Дмитриевна всегда показывалась, строгим угрожающим голосом говорила: «Сашка! Смотри тут не балуй» – и уходила. Сашка всегда смеялся и кидался меня расцеловывать. Он один парень на всю деревню был, а девок много, красивых, здоровых, сочных, но он их не замечал, и они на меня злились, так как я была после блокады в свои 16 лет, как цыпленок, синяя и тощая, хотя грудь выросла и ростом я была немаленькая. Вот он меня и опекал, и никто его отбить от меня не мог.

В школе дела шли хорошо. В классе большинство было ленинградских, много местных и двое москвичей. Я дружила со всеми, а ближе с Галей Ткачевой, и у нас с ней был прочный тандем. Физику нам преподавал средних лет эстонец Виктор Оскарович. Некоторое созвучие наших фамилий сбивало его с толку, он нас не различал. Мы этим непременно решили воспользоваться. Он говорил так: «Ну, фот. Там Ткачева или Точилова, идите кто-нибудь к ответу». И мы по очереди учили урок, и чья очередь была – та и выходила отвечать. И так было весь год. К концу его Виктор Оскарович пришел и заявил: «Фот, наконец-то я домыслил, что вы меня дурите. И теперь обе сразу будете выходить к доске за ручку или под ручку, фот, это мой вердикт». От такого заявления класс грохнул от смеха и дружно заплодировал. Так закончился год. Виктор Оскарович поставил нам по пятерке за на-

ходчивость, а за знания: «Латно уж, четыре».

У кого по итогам четверти пятерок было больше, чем четверок, те получали премию – по 200 граммов развесного кускового шоколада, а хорошисты – по 100 граммов. Я, конечно, сама свои 200 граммов никогда не ела. По кусочку откалывала Полинке и Анне Дмитриевне, а остальное нашим. И до сих пор, если у меня есть что-нибудь такое, я обязательно должна поделиться.

А кругом там такие красивые места, пихтовые леса, рощи березовые особенные, а между ними поля: зерновые, овощные, гороховые и льняные. Ягоды – малину, черемуху и можжевеловую – мы собирали, сушили и с медом варили. Этим и местным пример дали, а у них такое не практиковалось.

Про Сашку Гачегова хочу пару слов сказать. Он был моим ровесником и первым парнем на деревне. Все бабы от него детей рожали, каждая старалась к себе заманить, бражкой напоить и еще чем-нибудь угостить. Он комсомольским вожаком в колхозе был, я ему помогала, попутно его образовывала – книги из библиотеки из Сивы приносила. Он их в свободное время читал.

И вдруг пропал. Всей деревней три дня искали, не нашли. Сам объявился: он в голыбце (подполе) сидел, а как туда попал – никто не уразумел, так как на крышке подпола мешок с картошкой стоял. И как Сашка в подпол залез, не снимая мешка?! Сразу выдали диагноз – книг обчитался и немного помешался. Я в нем изменений не узрела, разве что ре-

чью покультурней стал, неизвестные деревенским словечки использовал.

А я, когда на каникулах была, кружок самодеятельности организовала. По району разъезжали, концерты давали. В нашей деревне две Нюры голосистые были, Иван и Александр им на гармошке аккомпанировали, а также свое соло играли, я стихи читала. Нам все спасибо говорили, довольны были.

Мы там хорошо прижились; когда уезжали – нас всей деревней с грустью провожали. У бабушки Леканихи дочка Шура была, с мамой в один месяц сына родила, и внучка от сына Нюра с ней жила, сын с невесткой на фронте были. Все потом повзрослели и к нам в Ленинград наведывались, прошлое вспоминали. Приезжали Нюра с семьей и Шуркин Володя, который с нашей Людмилой одновременно родился, он уже был первым секретарем обкома в Перми, с нами дружбу водил. И вспоминали военные дни. Нам рассказали: в деревню ни один мужик не вернулся, все погибли. Старые женщины поумирали, а дети по селам и городам разбежались, и дома беспризорные остались.

И вот, когда мы из деревни уезжали, нас все провожали, мы сказали: «До свидания, нет, прощай, Уральская сторона, спасибо, что нас хорошо приняла». Все!

4.3. Павловский Посад, 1943–1945

4.3.1. Наше житье

Едем в Павловский Посад, где крестный снял нам квартиру. Там дома тоже из двух помещений состояли: внизу зимнее жилье, а сверху – летнее. В зимнем хозяйка с двумя дочками обитала, а нам летнее сдала, но оно печкой и плитой обогревалось, и холода не ощущалось. Дрова и торф на отопление по талонам давали.

Хозяйка наша звалась Татьяной, молодая женщина с норовом была, муж ее на фронте без вести пропал, и она одна воспитывала дочек – Надюшку восьми лет и Лидушку, который было четыре года. Вокруг дома усадьба небольшая – садик и огородик, а на задворках церковь старообрядческая. Адрес – Корневская, 46, на этой улице старообрядцы со своими правилами и суждениями жили и их верно хранили. Туалет в доме был, а вода в колонке на улице.

Крестный еще до войны был командирован сюда на переоборудование ткацких фабрик, потом пришлось военный завод возводить, корпуса строить. Потом его в армию призвали, флот тыловой создали и в Лихоборы под Москвой определили. Военный завод потом обслуживала инженерная группа из Ленинграда, ее прикомандировали с завода Козиц-

кого.

Я и Олег пошли в школу № 4, он в пятый класс, а я в девятый. Мама на учет встала, и ее направили начальником подсобного хозяйства при этом заводе, но хозяйства еще не было, надо было его организовать. Вот тут и пригодился деревенский опыт.

Тетя Аня сидела дома с малым дитем – девятимесячной Людмилой – и еду всем готовила, так что забот у нее был полон рот. Я обеспечивала семью дровами и торфом и воду из колонки таскала. Я дрова пилила и колола, а Олег их понемногу в дом носил.

Павловский Посад состоял из районов. В наш класс из этих районов ходили девочки и один мальчик. Потом из Ленинграда второй прибавился, но о нем позднее. Мы жили в Центральном районе, а окраины назывались Торфянка, Старая мельница, Привокзальный, Прицерковный и Пеньково. На нашей улице было две фабрики – суконная павлопосадская и корневская галантерейная. Дочки директоров в нашем классе учились. По улице проходила узкоколейка, из Торфянки по ней вагонетки возили торф для фабрик. Эту дорогу обслуживали военные, иногда их штаб на день размещался у нас в доме. Параллельно нашей улице текла река Клязьма, бурная и широкая, по ней ходили легкие пароходики. Вот там мы два года и жили.

Мама нас очень поражала – такие сельские работы развернула, что местные газеты восторгались, какие кадры из

Ленинграда прибыли, и были и небылицы писали. Когда мама придумала на бычках огород вспахивать, мы с девчонками бегали туда, как в шапито на представление, до колик в животе хохотали.

Земли было много, а тягловой силы – одна кляча, ее следовало пожалеть. А быки – бездельники и дармоеды, и решили их в деле использовать. Бабы собрались, быков запрягли и решили плуг за ними таскать, но не тут-то было. Быки оказались упрямыми, как ослы, и сопротивлялись, ни с места – их за поводья тянули, в холку толкали, быки женщин несколько раз обгадили, те бегали, отмывались, и все при своих мнениях оставались. В общем, картина маслом была, а пресса в похвалах надрывалась, желаемое за действительное выдавала и призывала перенимать опыт. Мама бегала с газетчиками ругалась, сама быков толкать пыталась, но не получалось.

Мама в райком ходила плакалась, там вняли и послали ее на военный завод организовать общепит. Завстоловой определили, а в это время карточная система была, и чуть какая оплошность – по военному времени суд вершили. Маме трудно одной с детьми было, и я ее очень жалела.

Я на каникулах устроилась на завод, а потом в вечернюю или ночную смену работала, а днем училась. Завод переживал организационный период, и в цеху только я и Лида Королева на станке работали, а также начальник был. Мы трудились намотчицами конденсаторов и все детальки к ним

сами предварительно заготавливали. Нас еще три электрика обслуживали, чтобы станки крутились и калорифер всегда нужную температуру давал.

Днем я училась, в классе я быстро освоилась. Сдружилась хорошо с Клавдией Зотовой и Алевтиной Вокковой, а еще ко мне Валя Гнездова прилипла, ко всем ревновала, всех от меня отбивала, она грубоватая, мужиковатая была, и я ее не жаловала, но это ее не смущало. У себя дома она свою семью терроризировала, старшую сестру и отца, и они очень рады были, что она ко мне прилипла. К нам в дом она сама без приглашения внедрилась. Тете Ане помогала, с Люськой нянчилась, с нее мерки снимала и свою сестру заставляла шить ей одежды. Тетя Аня вроде не против была, хотя ее мнения Валька и не спрашивала. А я очень довольна была, дома практически не появлялась до глубокой ночи.

Расскажу, как к нам в класс еще один мальчик прибавился. Представился всему классу и воспитателю:

– Клобуков Вил Федорович из Ленинграда, а по-простецки – Виля.

Он уже к концу первой четверти прибыл, и мне дали задание его подтянуть. Занимались добросовестно, но как-то он пропал и не появлялся в школе – три дня нет. Воспитательница Тамара Михайловна попросила меня зайти к нему и узнать причину. Захожу, спрашиваю Вилю, там такого не знают. Я опешила, но слово за слово выясняю, что он – Владимир, а корчит из себя стилиягу, за что от отца частенько

получает тумачков. Отец его Федор Михайлович – главный инженер на заводе, а мама Елизавета – домохозяйка. Отец строгий, а мама сына балует.

Парень был симпатяга и немного этим кичился, но я себя повела так, что к нему равнодушие проявила, чем его огорчила. А он привык, что от него все в восторге. Мы с ним подружились, и со мной его везде отпускали из дома. Если надо было на танцульки сбегать или еще на какую-нибудь тусовку, я за ним заходила и отпрашивала его у родителей. Так что я у него палочкой-выручалочкой была, и поэтому он ко мне относился очень бережно и даже нежно. Но это не мой типаж, и я ему взаимностью не отвечала. Вот так мы жили-были, нашу дружбу и деловые отношения и в Ленинград перевезли.

Моя подруга Клава тоже устроилась на работу к маме в столовую. Там она грамотно вела сложный карточный учет, и мама ею была очень довольна. Клава быстро сдружилась с Колькой-шофером, так как им машина часто нужна была – за продуктами съездить и по другим делам. А машина в транспортном отделе только одна была, и шофер единственный – сам себе начальник (он на год младше нас был). Поэтому такая дружба была кстати. Колька Клаву в шутку называл «рыжий конопатый буфет».

Колька был парень веселый, красивый и ребячливый, поэтому у всех симпатию вызывал и этим пользовался: шутил и прикалывался. Мы тоже от него не отставали, его много раз надували, а ему не поддавались.

А наши электрики ночью дежурили так: сделали лавочку, к калориферу ее приставили и, спиной к нему, тепленькому, прижавшись, спали. Да так, что было не добудиться. Вот мы с Лидой решили их от этого отучить. Первым под руку попался Никанорыч, ему приблизительно 45 было, он с фронта контуженный вернулся. Вот его было не добудиться. Мы нарезали лент из бумаги и фольги, соорудили хвост павлиний и клеим его ему к штанам прилепили, а на лице рожки подрисовали. Смена кончилась, Никанорыч встал, потянулся, крикнул и к проходной важно поплыл, сам собой довольный. Мы в окно наблюдали, хохотали. А окна в цеху были от потолка до пола и широкие, первый этаж, видимость хорошая. В проходной его встретили с хохотом, в зеркальце посмотреть дали. Смотрим, летит обратно разъяренный, только хвост развеивается. В общем, хорошего не жди. Мы с риском для себя спрятались в ящик, где моторы от станков стояли. Влетев в цех, он бегал, нас искал, а помещение пустое, гулкое было. Орал матом, что он контуженный, в ярости может что угодно с нами сделать и ему ничего за это не будет. Не найдя нас, побежал через всю заводскую территорию маме моей показаться и пожаловаться. Колька в восхищении был – вот Никанорыч дает!

А другие электрики, два брата молодые и красивые, 18 и 20 лет, усмехались снисходительно, уверенные, что сами они чутко спят и такого с ними не случится, но очень даже ошибались. Уходили к себе в будку, запирались, окно было ма-

ленькое и от земли высоко, и спали мертвым сном. Бдительность теряли, а мы лестничку нашли, пролезали в окошко спокойно, работу свою выполняли, их перед фактом ставили. Вот так мы их отучили спать на трудовом посту. Они на нас не обижались.

Рядом с нашим цехом стоял гараж, и все, что там затевалось, было как на ладонке видно. Смотрим, Клавка пришла, я отправилась выяснить зачем. У нее сломался будильник, а в центр смотаться в починку отдать времени нет. Вот Колька ей и пообещал, что он ее до обеденного перерыва быстро домчит с ветерком. И свое обещание выполнил – провез ее мимо мастерской и доставил вовремя обратно. Я ей свои сомнения высказывала, а она не обратила внимания, поверила ему. Теперь вот бегает с палкой, желает его отблагодарить, но... обед начался и ей на рабочем месте надо быть.

Апофеоз его шуток был таков. Сочинил легенду, что цирк шапито дает прощальную гастроль на лужайке бесплатно. Приглашает всех желающих. А он, Колька, может всех туда отвезти после работы, сбор у гаража. Надо взять с собой скамеечку или ящичек, чтобы не сидеть на голой земле. Собралась приличная компания – молодежь и солидные люди, Клавдия также пришла, все позабыла. Колька к нам прибежал и говорит:

– Галка! Ларионовна сказала, что ты с Лидкой тоже можешь ехать и начальник вас обеих отпускает.

– А, иди ты отсюда. Нам Клавка расскажет о твоей задум-

ке.

Я сразу усомнилась в этом мероприятии. Собравшихся Колька отвез в поле, рассадил всех на обочине и, пообещав к концу представления приехать и развезти всех по домам, удалился. А из года в год в эту пору в конце осени городок благоухал фекалиями. Это был праздник ассенизаторов «Золотое дно». Начиналась массовая чистка выгребных ям. С бочками ездили по домам, чистили, им за это платили. А потом вывозили извлеченное из ям на поля, совхозы покупали это удобрение, так что бочка вдвойне оплачивалась. И вот зрители сидят, подъезжает первый возок и опорожняется перед ними, за ним второй и так далее. Ассенизаторы очень удивлялись наличию зрителей, сидящих как замороженные. А на следующий день та «благодарная» публика Кольку искала. Но он заранее у директора командировку оформил, за деталями поехал, отступление себе обеспечил.

Вот так весело мы жили. Между школой и работой еще в госпиталь ходили, раненых навещали, концерты им устраивали, письма им писали и читали, кто сам не мог, медсестрам помогали.

Там капитан один был в ноги раненный, от боли спать не мог, так я ему сон на два часа обеспечивала в тихий час. Терла ему ноги, чесала пятки, вспомнила, когда в Татарстане у крестного на каникулах гостила, зуб у меня разболелся, так он мне пятки чесал, и я спала. Вот вспомнила – и сама такое применила. Поэтому капитан меня как ангела-спасителя

всегда ждал.

А еще хочу рассказать, как мы на фронт посылки и письма отправляли. На них бойцы откликались, и начиналась переписка. У меня двое было – разведчик Николай Степанович, 1918 года рождения, у него семья под Ленинградом погибла, осталась тетя в городе, и танкист Виктор Константинович, 1924 года рождения, у него мама в Ленинграде жила и проводником работала на южных направлениях.

И вот Николай присылает письмо, что ранен и в госпитале в Егорьевске лежит. Еду его навестить и познакомиться. Клавдия со мной, ее моя мама отпустила и место рабочее сохранила. Приехали, госпиталь разыскали, во дворе двоих из его палаты встретили и попросили их, чтобы с нами побыли и подсказали, кто есть кто, так как к нам многие подходили:

– Девчата, вы не меня ждете?

В общем, положение щекотливое. И наконец подходят двое с таким же вопросом. Эти засранцы, сопровождающие наши, молчат. Но я сразу, без подсказки, Николая узнала. Видимо, по письмам образ сложился. И он меня сразу угадал. Они с товарищем у медсестры комнату для нас сняли на неделю, где мы с ними встречались, между процедурами были вместе и гуляли. Познакомились хорошо. Но трое суток только побыли и поехали. Они очень опечалились. Через месяц Николай присылает письмо, что его выписывают и отпуск дают на месяц, и он просит у моей мамы разрешения у нас его провести.

Мама разрешила, и к Новому году он приехал. Праздники мы провели весело, дурачились, ряженые бегали на танцульки в клуб. Наши знакомые даже нас не узнавали. Временами Николай ездил отмечаться в своей организации.

И вот наступил 1945 год, под конец отпуска приезжает Николай из Москвы и говорит, что там у них состоится банкет и мы должны на нем быть. Я пригорюнилась, так как надеть мне было нечего. Но тетя Аня подарила мне свое крепдешиновое платье. Обулась я в валенки, а туфельки взяла с собой, и поехали мы накануне мероприятия, решив заночевать у родственников. Адреса я не знала, а визуально помнила – Сокольники и дом на какой-то улице. Нашла сразу. Там три сестры жили – Клава, Шура и Васена. Попали к Шуре, но потом Клава нас переманила. Она пока у Васены жила в отдельной квартире, так как та поехала на фронт мужа и сына навещать. Дело к ночи, Клава стелет нам одну кровать на двоих, озадачила меня очень. Но делать нечего, легли вальтом под разные одеяла. Спали нормально.

Утро, рано – шесть часов. Звонок в дверь. Открыли, а там посыльный за Николаем приехал и срочно требует его в штаб. Николай быстро собрался и сказал, чтобы я его ждала и никуда без него ни шагу. Уехал, начали постель застилать, а под подушкой пистолет, наградной именной. Мы с Клавой в ужас пришли, испугались и начали рассуждать – откуда посыльный узнал адрес? Раньше никаких прибабасов, как сейчас, не было. Мы адрес не знали, а Николай один никуда

не отлучался. Загадка полная!

Жду день, два, три – нет. Прячу пистолет в валенки и еду зимой домой в туфлях. Приезжаю, рассказываю, наши в шоке: оружие в доме в военное время – это трибунал. В общем, можно загреметь под фанфары.

А в начале года произошла перестановка, я забыла рассказать. Мартемьяныча еще раньше призвали в армию, и он в 50 лет простым матросом был зачислен в морской запасной дивизион, который базировался в Лихоборах под Москвой. Мы туда ездили с Валентиной Яшиной его проведать. Там нас приветливо встречала флотская молодежь, парни сетовали, что мы не к ним приехали, а к старому. Мартемьяныч очень удивился и спросил – зачем явились? Мы сразу выпалили:

– Посмотреть, не поколол ли иголками корму, – так как там моря не было, а кругом рос сосняк.

Все посмеялись, а на самом деле приехали спросить, что делать с пистолетом. Он обещал решить этот вопрос. Но вскоре крестного перевели в Ленинград во Фрунзенское училище и назначили директором подсобного хозяйства, которое находилось в Мозино под Гатчиной. Он вызвал тетю Аню, и она уже в январе уехала туда. Вот в училище крестный и сдал этот злополучный пистолет.

Через месяц получаю письмо и фото: Николай – офицер польской армии и служит офицером в тамошних войсках. Осваивает уже известный ему язык и просит сохранить то, что оставил. И к маме обращается, чтобы меня туда к нему

отпустила, и мы там поженимся. Ну уж нет! Такие заморочки, ребусы и кроссворды мне не нужны.

Наша хозяйка Татьяна позавидовала мне и попросила помочь ей тоже с кем-то завести переписку. Написали, послали. Получил и ответил хохол Апанас, 1913 года рождения. Пишет о себе – он с Украины, немцы сожгли его хату вместе с семьей, остался один сын, который служит с ним в одной части. И он после Победы не знает, куда приткнуться. А у Тани муж погиб на фронте, и, как бы шутя, она его пригласила. Про себя мы обозначили его как дед Апанас. Пригласив его к себе, она подумала – когда еще Победа, и очень ошиблась.

И вот всеобщая радость – 9 мая, Победа! И очень скоро смотрю в окно, лето, на улице теплынь, и идет сержант в годах, весь в медалях, а сзади парень на тележке везет вещи. Останавливается возле наших ворот. Кто такой? И сердце екнуло. Тетя Аня встречает его и мне кричит:

– Ищи Татьяну!

А я знаю – она у своей подружки Олимпиады. Прибегаю, а они там веселятся, ухахатываются до слез, до мокрых штанов. Я с порога ей:

– Так, веселишься! А там дед Апанас с вещами приехал.

Обе с открытыми ртами без слов некоторое время пребывали. Очнулись, пошли. Дед Апанас оказался мужиком хватким, живо в райком и военкомат смотался, встал на учет, ему быстро работу хорошую подобрали, прописку сделали, Надюшку в пионерлагерь отправил, Лидушку в детский садик

устроил, что было нелегко.

Татьяна сначала как бы придавлена была такими быстро-течными событиями, потом свыклась. Как дальше события развивались, мне уже было недосуг выяснять, так как экзамены были на носу, и их по новой программе предстояло сдавать. Это были пробные экзамены на аттестат зрелости, и еще появилось новшество – после школы можно сразу в университет поступать, минуя институт. Сдавать надо было все предметы, и те, что в младших классах проходили и уже забыли. Затор у всех был с рисованием и чистописанием.

В Москве открылись коммерческие магазины, где без карточек и талонов можно было купить всякие продукты. А нам, десятиклассникам, давали каждый день в поддержку хлеб белый и черный по 100 граммов. Всем классом решили – его не есть, а продавать задорого на рынке и деньги к выпускному копить. Решено – сделано. Лида Рожина всю коммерцию взяла на себя. В такое еще голодное время мы в коммерческом накупили всякой всячины, плюс директора фабрик, чьи доченьки у нас учились, из подсобных хозяйств подбросили нам мяса и овощей.

И вечер у нас был шикарный! Ансамбль из военного училища, все учителя и родители. Три дня гуляли, всех накормили и напоили. Потом распрощались со школой, я отгул на заводе взяла и начала готовиться к экзаменам в университет. Решила осуществить наказ Григория Наумыча и стать математиком. Но Лидия Ивановна, учитель русского и литерату-

ры, не согласилась со мной и за ручку отвела меня сдавать экзамены на филфак.

Сдала, рада была. А на заводе наш инженер спросил:

– Как дела?

– Полный порядок, – радостно сообщила.

А он мою радость остудил вопросом:

– Почему в Москву? А как же ты вернешься в Ленинград?

Вызов прислать некому, все родственники, оставшиеся там, умерли. Еду срочно в Москву за документами. Высылаю в Ленинград на третий поток. Там набор только на биологический, географический и философский, на филфак уже места нет. Из этих трех ничего не знала и стремлений не имела. Выбираю географический, хотя предмет вообще не знаю. Получаю вызов, забираю Людмилу, которой уже три года, и отправляюсь в путь-дорогу. А она в вызове не указана, везу ее контрабандой, как нарушителя.

В вагоне, где мы разместились, ехали моряки, веселились. Проверок было много. Я ребятам рассказала, какого пассажира тайком везу, и они все взяли на себя. Им заранее сообщали, когда контроль идет. Людмилу усаживали в уголок, заставляли мешками и чемоданами, рюкзаками, давали ей кусочек сахара, чтобы молчала и не вылезала, пока не позовут.

Много проверок выдержали, все шло хорошо. И вот уже в конце, подъезжая к Ленинграду, опять проверка, контроль еще проверяет документы, и вдруг, раздвигая чемоданы, вылезает Людмила:

– И долго я буду тут сидеть?! Я писать хочу.

Немая сцена длилась минуту, а показалась вечностью. Потом грохнули смехом, и спасибо морякам – они контроль взяли на себя, и все обошлось.

В Павловском Посаде я была знакома со Славиком Тихоновым, там он учился в другой школе и по пути после уроков заходил за Юркой Максимовым, и они все вместе шли в свое Пеньково. Я с ними до железной дороги доходила, так и познакомились. А еще у нас училась Женя Балашова, а у нее брат в Москве артист был, в кинофильме «Семья Оппенгейм» играл заглавную роль. Так он нас на «Мосфильм» водил и с Москвой знакомил.

А еще в Москве мамина закадычная подруга жила – Катя. Мы с ее дочкой Валентиной дружили еще с Ленинграда. Я к ним в Москву на каникулы ездила. Отчим ее в ЦК работал, а Валька в музыкальном училище училась в классе у Лемешева, окончив, почему-то не пела, а топ-моделью была. У нее была подруга Зоя, и они все старались за иностранцев замуж выйти и терлись в каком-то бомонде, а я была не их круга и старалась в стороне держаться. Но все равно с их семьей у нас связь сохранялась, и много разных историй было, но это уже другое.

4.3.2. Истории времен Павловского Посада

Хочу немного рассказать о тете Кате, для этого сначала вернемся опять в Ленинград. В те давние времена у них своя троица была – Катя, Зина и Елена. Катя встретила красавца-юнкера, от которого родила дочь Валентину, а юнкер куда-то смылся. Потом она с москвичом Ильей слюбилась и в Москву с ним укатилась.

Он в ЦК работал, день и ночь в работе был, она дома оставалась одна, хранительницей семейного очага. Пофлиртовать или интрижку завести не прочь была, а доченька уже подросла и от мамы не отставала. По этой части у них конфликты случались, когда в одного и того же обе влюблялись. Друг у друга кавалеров отбивали и меж собой иногда враждовали.

Когда мы в Посаде очутились, то у Кати с Еленой дружеские отношения восстановились, время от времени они ездили друг к другу. И мы с Валентиной приятельствовали и иногда на каникулах друг у друга гостили. У Кати в свое время от Ильи дочка Женя родилась, была ровесницей нашему Олегу. Они между собой тоже дружили. Вот так мы и жили.

Ближе к осени тетя Катя у нас гостила, и пошли мы трое за грибами в лес. Зашли по пути к леснику – насчет дров договориться. Лесник в годах был, высокий, красивый, строй-

ный, седой и с бородой. Катерина в него сразу влюбилась, шуры-муры завела, к себе в город на время увезла. В ванне его купала, от лесной глуши отмывала, в цивилизацию внед-ряла.

В общем, любовь была, пока Валька в студента МГИМО не влюбилась. Когда он приходил, а Вальки дома не было, тетя Катя его к себе приручила. С лесником покончила, на молодого переключилась. Немного о Кате скажу. Она молодость свою сохранила, привлекательна была, слыла классной портнихой, обшивала только бомонд. Так что в высших кругах пребывала.

Мы с Валькой на каникулах раз учудили – нарядились в костюмы дяди Ильюши и пошли Зойку, Валькину подругу, разыгрывать. На улице к курящим подходили и огоньку просили. Они недоверчиво глядели на то, как мы закурить хотели. Мы совсем забыли, что время военное и все под подозрением. Мы здорово рисковали, но обошлось и нас не арестовали.

Пошли к Зойке, звоним. Папаша ее открывает, чтобы он Вальку не узнал, я в разговор вступаю:

– Привет, папашка! – говорю. – Позови дочурку свою.

Он сразу бросился в крик:

– Хулиганы, такие-рассякие! А ну, вон пошли!

Я его в обе щежки чмок. И грозно говорю:

– А ну, не ори.

Зойка шум услышала, на крик прибежала и растерялась.

Нас не узнает и как себя вести не знает. И поэтому не говорит, а только икает. А у Вали слабость была, которая от смеха всегда случалась – по ногам конфуз начинал струиться, под ногами сулил в лужу обратиться. И поэтому, когда мы из дома выходили, она с меня слово брала, чтобы я ее не смешила. Это трудно было обещать, так как она очень смешливая была: палец покажи – и ха-ха. Я как могла старалась, но тут не тот случай оказался.

Обстановка сама по себе такая сложилась, что из их семейного ужаса в юмор превратилась. Я кепку сняла, себя обозначила, и паника улеглась. Папашка плюнул в нашу сторону и ушел. Тем розыгрыш и закончился. А костюм, что на Вальке был, потом уже у нее дома тайком от тети Кати высушили на батарее, отгладили и повесили.

Вскоре Зойка замуж вышла за пожилого канадца и уехала к нему. Валька влюбилась в старика-художника, топ-моделью стала, долго на подиуме блистала. Потом тетя Катя старика у Вальки отбила, а затем, когда тетя Катя умерла, художник к Валентине опять вернулся. Что было далее, не знаю. Уехав в Ленинград, связь с ними потеряла.

Еще одну историю хочу рассказать. Парад Победы на Красной площади был торжественный и незабываемый. Дяде Илье разрешили детей на трибуны взять, но не старше 16 лет. Мы с Валькой, к нашему огорчению, отпали, а Олег с Женькой были на параде. И потом он у них на всю жизнь в памяти остался как самая важная, самая главная веха жизни.

Это так, они этим гордились.

5. Ленинград, 1945–1948

5.1. Возвращение

Приехали, выходим на платформу, здравствуй, родной город! Несколько моряков вызвались нас до дому проводить и вещи дотащить. Спасибо великое им, как нельзя кстати это, а то я не знаю, как бы справилась. И вот я дома после долгих скитаний, до слез рада. Комнаты наши заняты, а у тети Ани с крестным свободна – бронь была.

Крестного перевели в Ленинград во Фрунзенское училище и назначили директором подсобного хозяйства, которое находилось в Мозино под Гатчиной, и домик там жилой имелся. Он вызвал тетю Аню. Там они жили и руководили курсантами, которые на каникулах возделывали огороды. Сами себя кормили, так как в Ленинграде было еще голодно. Так что я отвезла Людмилку к ним, а сама частенько навещалась за овощами. Я быстро познакомилась с курсантами, и они мне всегда все самое лучшее выбирали, с радостью провожали на станцию и на поезд грузили. Так что я свою лепту в котел Сердюковых вносила овощами.

И вот я опять в Ленинграде, все поет и ликует, еду на «Баварию» к Сердюковым. Они предлагают временно, пока мама не приедет, пожить у них. Я соглашаюсь. У дяди Пети

еле-еле душа в теле, после ранения на Ладоге у него вырвано полбока. Заживает плохо, он все время лежит. Это он шофёр на Дороге жизни. Тетя Маруся уже замучилась со всеми, детей трое. Галина, моя ровесница, учится на медсестру в медучилище, остальные еще малые.

Пристроив Людмилку, я приступила к подготовке к экзаменам. Мне объявили, что никаких перезачетов не будет, так как программа от московской отличается, надо все сдавать по новой. Восемь экзаменов, из них четыре я на филфак не сдавала, стало быть, и не готовилась. Это математика, физика, химия и география. Книг никаких нет, прописки еще не имеется и в библиотеку вход запрещен. Призадумалась, ужаснулась! Но рада очень, что я дома, в своем родном городе Ленинграде, стены помогут!

Но все же, не надеясь на русский авось и небось, беру науку на абордаж. Иду писать сочинение, по «Войне и миру» досталось, нормально. Устно литературу сдала с трудом, повезло. Первый вопрос знала отлично, отвечала на него с толком, с чувством и заняла много времени. На половину второго вопроса тоже бойко ответила, и тут слышу:

– Хватит, давайте зачетку, пять.

Ох! По третьему вопросу вообще ничего не знала.

Следующий экзамен – математика, иду по нахалке, не готовясь вообще. Беру билет – три вопроса: алгебра, геометрия, тригонометрия и к ним задачи. Все решила быстро и почему-то легко. Вышла отвечать, глянули на задачи, нашли

оригинальность в решении – на вопросы отвечать не надо, пять. Дальше физика, кое-как на четверку. Опять задача вывезла. Препод говорит, что обычная ошибка – не приводят в единую систему единиц, а я это четко знала. Химию еле-еле на троечку сдала, выплыла. Из-за окисей и закисей и кислот до сих пор во рту жжение. Историю и немецкий тоже с горем пополам на четверки.

Осталась география, тут я вообще ни гу-гу, как Недоросль – зачем ее знать, куда надо на любом транспорте довезут. Смешалась с толпой абитуриентов, жду, слушаю: кто выходит, говорит, к кому лучше идти. «К бороде не ходите, к тетечке лучше». Дождалась, пошла к ней. У нее пять человек сидят. Беру билет, а кругом карты всякие развешаны. И что я уразумела: надо читать карты. Радио я всегда слушала, газеты читала, так что смогу кое-что рассказать. Хожу, карты читаю, на бумажку записываю. Вдруг борода заходит и женщине говорит:

– Давайте я вам помогу и троих возьму.

Та соглашается, и он троих забирает, и меня в их числе за картами нашел. В общем, выкладывала все, что знала и по картам прочитала.

– Так, – говорит борода угрожающе. – А теперь надо к одной карте встать спиной. Я буду спрашивать, а вам надо поворачиваться к карте и быстро показывать, где это находится.

Замордовал меня совсем, особенно узнав, что я на геофак

поступаю. Я завертелась до того, что не могла Кузбасс найти. Шумел, срамил, ну, думаю, все – провал. Взял экзаменационный лист, смотрю – ставит четверку. Оказалось, он геоморфолог; и весь год, как встретит меня на кафедре, интересовался:

– Где Кузбасс?

– Там, где уголь добывают, – храбро отвечала я.

Вот так я очутилась на геофаке. С Эльвиной и Ниной мы создали свой союз и дружбу пронесли через всю жизнь. Нина умерла в 1995 году, не перенесла перестройку. А мы с Эльвиной до сих пор в дружбе, даже считаем себя сестрами.

Навещая крестного, я встретила Вовку Соколова, с которым училась в одном классе в Сиве в эвакуации. Он поступил во Фрунзенское училище. Мы с ним приятельствовали, а потом и наш геофак с курсантами подружился, мы друг друга добытыми сведениями по геодезии, гидрологии и картографии выручали. И праздники вместе встречали, так что пересекались и дружили – ходили вместе на каток, на лыжные прогулки.

Вовка с родителями также вернулся в Ленинград. Они жили на Васильевском острове, и, когда у меня занятия были на других кафедрах, я к ним заходила. Меня встречали очень приветливо, по-доброму. Я Вовке помогала с математикой, а он мне с чертежами. Он учился в техникуме при заводе Козицкого, где телевизоры делали. Вот так мы и общались.

Однажды, когда его отец был в командировке, он мне го-

ворит:

– Домой тебя на мотоцикле отвезу.

И я сдуру согласилась. Так как Вовка прав не имел, то вез меня по дворам, закоулкам, по рытвинам и ухабам. Всю задницу я себе отбила. И все же на милицию напоролись. Я высмотрела, куда мотоцикл забрали, с лейтенантиком договорилась, что нам его без штрафа отдаст. И вот, когда в участке народу понабралось, суматоха образовалась, я Вовку оттуда выдернула, и мы сбежали. Мотоцикл нам лейтенант отдал, и мы покатали дальше. А обратно Вовка без приключений вернулся, но данные кое-какие в милиции успели записать, отца его к ответу призвали, и я приезжала Вовку от родительского гнева спасать. Но вот пока учились – дружили, а потом я замуж вышла и уехала. А его родители рассчитывали на меня, своей невесткой хотели видеть, это дядя Федя крестному жаловался, с которым они вместе работали.

5.2. Праздники

Продолжение праздников из детства

Вот так у меня в памяти с детства осталось.
И после войны все возобновилось.
Я тогда с ветвью Кузьмичей нашего рода познакомилась,
А сама из ветви Трофимовичей была.

Я уже в университете училась,
С Тимошей познакомилась,
Уже женихались, быть вместе старались.
У Анатолия и Петра жены деревенские были
И Тимошу уму-разуму учили.

Зачем он хочет, такой бравый и красивый,
В жены нищету брать.
Они ему могут богатую сосватать.

И вот в одну из маевок
Выпили изрядно, а я с пьяными ходить не хотела.
И пошла я одна, раздетая, на Мойку салют смотреть,
А бабы Тимошу подзадорили, что я, мол, с их мужьями
ушла.

А он сгоряча пистолет взял и пошел нас искать,
Чтобы свою правду отстоять.
Дядя Яша на баб рассердился и стал их ругать,
Что они – две дуры – не могли понять,
Что могло произойти, что Тима на фронте был,
А таких «шальными детьми войны» считали.

А их мужья тыловиками были, и их крысами называли.
И вот я стою, на салют смотрю.
И вдруг мне на плечи френч ложится,
Меня укрывает, от холода спасает.

Оглянулась – Анатолий подошел, за руку взял
И от греха подальше потащил.
Сущность своих интриганок знал и нас спасал.
На Невском в «Кавказском» ресторане посидели,

А потом я домой поехала.
А он, как ни в чем не бывало, вернулся.
И на вопрос – где я – незнайкой прикинулся.
Так конфликт потушил, а бабам пригрозил.

В последующие дни меня у дверей факультета встречал,
В ресторан или музей приглашал,
А я решила от него нашим «союзом» отбиться,
А он тройку сразу принял и всех пригласил.

Вместо Эльвины чаще Флавик ходил,
Чем Анатолия в недоумение приводил.

А Флавик меня потом выручал,
Когда меня кто-то ждет у входа – предупреждал.

И разговорами отвлекал,
А я другим ходом сбегала.
Встречи не желала, а им мои слова не помогали,
Дескать, честь офицерскую задевали.

Печальный случай помог преследования прекратить.
Дело в том, что Анатолий хранителем трофеев был
И себя, конечно, не забыл —
Жену в меха и золото одел

И совсем забыл про Особый отдел,
Который все видит, знает и запоминает.
Но также хитрый лис
Заранее все богатства: меха, золото, картины и хрусталь
—
У Фрузы с Василием спрятал.

Поэтому ему срок меньше дали.
И вот прошли года, Тима отслужил, и мы вернулись в
Ленинград.
Фруза сказала, что перед смертью Толя просил все
разделить на троих —
Его дочери, Фрузе и мне.

Я сразу от всего отказалась,
Остальные все поумирали,

И совершенно чужому человеку
Это богатство досталось.

5.3. Моменты 1947 года

9 мая 1947 года я тоже была у дяди Яши. Пришли еще Петр Соколов и Женька Тяжев, которому было поручено за мной присматривать, чтобы налево ни-ни.

На площади было гулянье, танцы под оркестр, знакомые и незнакомые друг с другом танцевали. И вот мы с Петром решили от Женьки скрыться, и это удалось.

Петр пригласил к нему в Академию связи, где он учился, на праздник. Поехали, там столы были накрыты, закуски хорошие, а 1947 год еще голодный был.

Его друзья и преподаватели встретили нас радушно, а когда Петр куда-то отлучился, они мне рассказали, что он никак не хотел знакомить их со своей женой (они думали, что со мной). А, кстати, его жена Нина в это время в роддоме была, где родила сына.

Мне пели дифирамбы, хвалили, удивлялись, какую драгоценность Петр от них скрывал. А Нинка у него деревня деревней была, согрешил как-то по пьянке, а честь офицера обязывала, так и женился.

И вот после застолья танцы начались, а меня не приглашали – Петьку боялись. Тогда я им рассказала, что они заблуждаются – я ему не жена, а кузина. После этого я была нарасхват. Потом их куратор принес четыре билета в Кировский дворец культуры на бал. И мы, две пары, отправились туда.

Бал был хороший, и танцы до упаду. Джаз Эдди Розмера играл, Юрий Хочинский пел. А я как Золушка была – за временем следила, а то мосты разведут и я на улице останусь. Бал кончился вовремя, а под занавес Юрий Хочинский спел песню «Тоска по Родине». Собрал вокруг себя большую аудиторию слушателей. Он с такой душой пел, что стояла тишина и у всех слезы из глаз катились. А было много офицеров, и никто слезы не смахивал и не стеснялся их.

Под этим впечатлением и очарованием и про время забыли, стояли как околдованные песней. Когда очухались, мосты уже развели, даже позднее, чем обычно. И я в одном платье в ночной прохладе, туфли на высоком каблуке, уставшая. Знаю, что мама беспокоится. Петька говорит:

– Пошли ко мне.

Они жили в коммуналке, где больше женщин, чем мужчин. Положение пиковое, делать нечего.

– Пошли.

При входе я должна была тихо, как мышь, проскользнуть. Вошли, огляделись – никого нет, все спят. Я у входа разулась, чтобы каблуками не цокать, и мы прошмыгнули в их комнату, если, конечно, это щелевое помещение, отгороженное фанерной полустенкой от кухни, можно было так назвать.

Железная солдатская кровать, стол, два стула и ящик, на попа поставленный, вместо шкафа. Это жильё капитана Советской армии, через два года оканчивающего академию. Куда малыша принесут?! Наша убогая квартира на Огородни-

кова показалась царской по сравнению с этим жильем.

Мне сразу расхотелось за офицера выходить замуж, но, вспомнив, что Тимоша – не какой-нибудь армейский офицер, он в элитных летных войсках, где служат сыновья всех правителей с Василием Сталиным во главе, я вернулась к прежнему мнению.

Ну ладно, к повествованию. Спать негде и некогда – скоро рассвет. Хочу в туалет, натерпелась за целый день, с этим делом в городе напряженка. Петька говорит:

– Я выйду, а ты в горшок писай.

Ох! Весь бал, все померкло от такого неудобства. Делать нечего! Стараюсь не греметь, шорох не создавать, а то через фанеру все слышно. Потом посидела под одеялом, погрелась, и пора в путь домой, пока соседи не проснулись, а то Петрухе несдобровать. Да и нельзя радость от рождения сына растоптать. Ну, в общем, все обошлось.

Еще хочется одну деталь вспомнить. Соколовых два брата было – Саша и Петр. Саша моей маме ровесник, он за ней ухлестывал и всякие знаки внимания оказывал. Мама уклонялась, но все равно ей приятно было, что такой красивый за ней ухаживал, а был женат на ее троюродной сестре. А Петр на семь лет меня старше, он мной увлекался, а я старалась от него подальше быть. Не всегда это удавалось, но я повода никогда не давала.

Единственно дурочку сваяла – показала, где находится наш геофак, и они частенько меня у входа ждали. Спасибо,

Флавик меня спасал, следил, чтобы Тиме верность хранила. Он Эльвининым и. о. был и этим дорожил, а с Тимой подружился.

А эти Петька и Толя – женатики напористые были и почему-то Тиме хотели насолить. И я уже не помню, как от них отвертелась. Они мне не нужны были, так как у меня и холостые молодые имелись для времяпрепровождения. Пончик – моя подруга Нина – иногда их на себя брала, а Эльтоше было не до нас – она в Сергея влюбилась. Вот такие дела!

5.4. Университет

Занятия в университете у меня начались с октября месяца. Лекции проходили в больших помещениях, где стояли длинные столы. На первом курсе в больших аудиториях амфитеатром мы не занимались. За одним столом обычно сидели шесть человек. У нас сложилась четверка подруг – Нина Титова, Эля Григорьева, Зоя Коренева и я. Самой старшей из нас была Зоя. К нам за стол старался присоседиться Коля Зинкович, он перенес контузию и плохо слышал. А Нинка была очень смешливой, я нарочно что-нибудь скажу ей, не шевеля губами, та и заливается. А Зинкович думал, что она смеется над ним, и очень сердился. Я говорила ему на это:

– Сердишься на нее, ну и зачем тогда с нами садишься?

Другим контуженным был Флавик Алявзин, у которого висела рука.

Эля была девушкой серьезной и обидчивой. Когда она обижалась, мы говорили, что она залезла в бутылку. Она была высокая и довольно упрямая, за что мы ее звали Железный Феликс.

На первом курсе у нас были в основном общеобразовательные дисциплины – математика, физика, химия, иностранный язык, кроме того ботаника, география, геодезия и прочее. Математикой ходили заниматься на матмех, физикой – на физфак, химией – на химфак, причем все это

было в разных зданиях. Кроме лекций по математике были практические занятия, а по физике и химии – лабораторные. Первую зимнюю сессию я сдала без троек, по математике получила пятерку, по остальным предметам – четверки.

Зима 1945–1946 годов была довольно суровой, на Неве образовался крепкий лед, по которому однажды мы переходили с одного берега на другой. Поленились идти до моста. Старостой нашего курса была Маша Колосова. Пока мама не вернулась из эвакуации, она мне подбрасывала дополнительные бесплатные талоны на питание, что было очень кстати.

Ректором тогда был Вознесенский, которого потом репрессировали, а деканом нашего географического факультета – профессор Александр Александрович Корчагин, жена которого Мария Васильевна также работала на кафедре ботаники, а их дочка много лет спустя учила мою внучку. Практику по ботанике вел Пестик, с которым я не ладила. Не помню, кто, когда и за что так его прозвал. На его лабораторных зимой мы под микроскопом рассматривали срезы различных растений. Занятия по немецкому языку вела Алиса Михайловна, которая нас с Нинкой не различала и говорила: – Точилова и Титова – это одно и то же.

До экзамена мы должны были сдать определенное количество страниц перевода.

По математике я всегда училась хорошо и даже помогала другим – Зинковичу, Эльвине, Ване Кузнецову, у которого в легких застрял осколок, из-за чего он вскоре умер. По прось-

бе профессора-математика я также подтягивала югославского студента.

Мы прошли курс подготовки медсестер запаса. Полученные знания мне затем пригодились в жизни. Особенно запомнился совет немолодого и опытного профессора начинать прием незнакомого лекарства с четвертинки таблетки, увеличивая постепенно при необходимости дозу до целой. Этим советом пользуюсь до сих пор.

На занятиях по физкультуре мы много занимались спортивной гимнастикой: висели на кольцах, прыгали через коня и козла. Прыжок через козла мне не удался – я не перепрыгнула и отбила себе задницу. Поэтому больше прыгать я не хотела. Физрук начал меня увещевать:

– Напрасно ты так относишься к спорту, по жизни, должен сказать, он тебе всегда пригодится.

– Уверяю тебя, что по жизни я никогда через козла прыгать не буду.

И действительно, время показало, что в этом я была права. Когда я начинала спорить с физруком, Нинка уходила от греха подальше, чтобы не смеяться. А в баскетбол я играла охотно, особенно мне удавались дальние броски по кольцу, меткость которых удивляла моих товарищей.

Вот со строевой подготовкой у меня не заладилось. И все из-за смешливости Нинки, которая буквально ржала. Поскольку мы с ней были одного роста, то стояли в строю рядом. Занятия проходили в зале здания, где находился наш

факультет, а ползали по-пластунски мы в садике у главного корпуса. Занятия вел Понтер, невысокий средних лет, кажется, майор со скверным характером. Он вызывал из строя Наташку Баранову и отдавал ей команды, а Нинка, глядя на ее действия, начинала ржать. Я тоже не могла сдержать смех, и Понтер нас обеих выгонял с занятий. Наташка была высокого роста, которого стеснялась и поэтому горбилась. Сгорбленная, с нелепо болтающимся ружьем за плечами, с неловкими движениями, Наталья являла собой комическую фигуру. А Понтер еще, словно для усиления эффекта, командуя, называл ее – боец Овечкина. Нам зачет он не поставил, а на пересдачу вызывал вместе с Барановой, что делало наши шансы на получение зачета нулевыми. Осознав серьезность положения, я пожаловалась замдекана, а Нинка, в свою очередь, пригласила на очередную пересдачу Марию Васильевну.

И вот, когда на пересдаче Наташка Баранова дошла до стены, уперлась в нее и начала нелепо толкаться, уткнувшись лбом в препятствие, Мария Васильевна, не в силах сдержаться, спешно покинула зал. А я еще перед этим, когда Наташка маршировала у стены, нерешительно оглядываясь, тихо сказала ей:

– Железяки на пузяки, гоп!

И Нинка, конечно, заржала. Замдекана откровенно не смеялся, но на него это действие тоже произвело впечатление. В результате наши защитники потом переговорили с Понте-

ром, и нам троим зачет все-таки поставили.

Практику после первого и второго курса мы проходили в Саблино, где были благоприятные условия для занятий по многим дисциплинам – топографии, климатологии, спелеологии, гидрологии и др. Университет имел там свою базу, до которой от станции было, кажется, около трех километров.

Сойдя с электрички, мы направились туда, ведомые руководителем практики. Среди идущих мы заметили весьма возрастного мужчину с чемоданом. Я указала на него Нинке и сказала, что есть возможность подлизаться к преподавателю. Нина загорелась этой идеей и, взяв у мужчины чемодан, тащила его до базы. Потом выяснилось, что это был никакой не преподаватель, а студент-заочник, поэтому нам незнакомый. Нина мне долго пеняла потом, что я подвигла ее на бесполезные усилия.

На базе было несколько домиков, одно- и двухэтажных. В нашей комнате поселились пять человек – наша троица Эля, Нина и я, а также Паня и Фая. Спали на кроватях и раскладушках. Эта пятерка и составила нашу группу на практических занятиях.

Поначалу в столовой нам не добавляли по карточкам. Обнаружив это, мы всей пятеркой отправились туда разбираться. Пригрозив пожаловаться выше, мы восстановили справедливость, потом получали как положено. А другие студенты этого и не заметили.

Практику по геодезии проводил молодой преподаватель

Николай Дмитриевич. Мы разбились на бригады, каждая из которых получила свою точку съемки. Нашу бригаду возглавила я. Преподаватель предупредил, что раздеваться и загорать мы можем, но когда он подойдет, то все должны быть одетыми. Мы так и поступали. Следили в мензулу или теодолит за его перемещениями по косогорам, чтобы вовремя одеться. Я раздавала вопросы по неясным местам, чтобы не озвучивать их одной, поскольку тогда он ответит лишь на пару вопросов, а так можно выяснить все необходимое. Другие бригады тоже следили за преподавателем и потом высказывали ему претензии, что в бригаде Точиловой он задерживается гораздо дольше, чем в остальных, и даже что-то рисует. Свою тактику распределения вопросов мы другим, понятно, не раскрывали.

А потом Эльвину, которая должна была дежурить на выходные, преподаватель отпустил, а меня поставил вместо нее, несмотря на мое несогласие. В знак протеста я разделась и стала загорать. За этим меня и застал мой друг Витька Цветков, приехавший в Саблино узнать, почему меня нет в Ленинграде.

– Ну вот, я думал, что ее задержало какое-то очень важное дело, а она, видите ли, тут загорает!

– Не загорает, а дежурит.

Николай Дмитриевич же, видимо, чувствуя себя виноватым передо мной, потом очень помог с отчетом. Так что нет худа без добра.

Занятия по фотографии проходили под крышей, в комнате одного из домов. Нас учили обращаться с фотоаппаратом – устанавливать выдержку и диафрагму, наводить резкость, а потом проявлять снимки, работать с реактивами – проявителем, закрепителем и прочим. У фотографа я была в любимчиках, поскольку помогала ему.

Вечером пошла на речку помыться, возвращаюсь, смотрю – мальчишки сидят.

– Чего ждете?

– Да вот, хотели с девчонками в волейбол поиграть, а они сказали, что не выйдут.

– Ну, это у вас не выйдут, а у меня выйдут.

– Посмотрим.

Захожу в комнату, а девчонки все на кроватях лежат.

– Чего разлеглись? Фотограф сказал, что может мне дать фотоаппарат.

Все знали, что у меня были хорошие отношения с фотографом, он только мне доверял свою фотокамеру. Мигом подскочили и стали прихорашиваться. Вышли, я им и говорю:

– Надо сначала в сортир зайти.

Ну и пошли. А потом я им и говорю:

– С фотоаппаратом сегодня не получится, но зато как красиво пописать сходили.

Все молча уставились на меня, затем Эльвина зафыркала, Паня с Фаей засмеялись, а Нинка возмущенно закричала:

– Да Гальку побить за такое надо!

Я отошла к мальчишкам:

– Вы им позволите?

Те, смеясь:

– Нет, конечно.

Этот поход Нина с Эльвиной запомнили на всю жизнь и не раз припоминали его мне.

В другой раз, тоже вечером, пошли мы с Нинкой на речку помыться. Спустились по тропке на лежащий у воды огромный плоский валун, поверхность которого была гладкой, словно отполированной. Мылись, как сейчас говорят, топлес. Завершив мытье и не одевшись, стали на валуне танцевать. Вдруг раздался мужской голос:

– А ничего бабенки!

От неожиданности мы чуть в воду не свалились и начали лихорадочно одеваться. Оказалось, что на другом берегу в лагерях были курсанты и с караульной вышки наблюдали наше мытье и танцы.

Практические занятия по гидрологии проходили на реке Тосне, и вел их наш замдекана. Нужно было выплыть на надувной лодке и сделать замеры. Надуть лодку поручили Эльвине и Нине, которые с мальчишками были не в ладах. Тем не менее вместо того, чтобы накачать лодку самим, они решили попросить об этом мальчишек. Я только сказала:

– Ну-ну.

Ребята лодку надули, а пробку нарочно заткнули непроч-

но. И, когда Эльвина с Ниной уселись в лодку и отплыли от берега, пробка вылетела, а лодка начала сдвигаться и тонуть. Высокая Эльвина благополучно встала на дно реки, а Нинка начала кричать, что она не умеет плавать. Но зрители на берегу лишь потешались, глядя на нее. Когда же они, промокшие, вылезли на берег, я им сказала:

– Этого и следовало ожидать. Сами напросились.

Стояли мы на высоком берегу Тосны. Внезапно Флавик Алявдин схватил Эльвину поперек талии и размахнулся, чтобы сбросить ее в реку. Но Эльвина успела ухватиться за кусты, да так крепко, что вывернулась из рук Флафика. Не ожидавший такого поворота событий, Алявдин потерял равновесие и сам скатился вниз под откос, а Эльвина удержалась наверху. Замдекана, глядя на это, потерял дар речи и лишь развел руками.

В откосах на берегу Тосны были пещеры, которые, как говорили, тянулись далеко под землю. Нам запрещали в них углубляться. Для выполнения задания мы должны были зайти на ближайшую у входа площадку и не далее. Подойдя к пещерам, мы увидели у входа на песке глубокие следы, идущие внутрь, а обратных не было. Значит, в пещере кто-то есть. Говорили, что там могли прятаться дезертиры или даже немцы. Поэтому мы решили составить отчет по работе, не заходя в пещеру. А, надо сказать, Тосна состояла из чередования омутов и перекатов. Мы уселись на берегу, как раз над омутом. И вдруг из пещеры кто-то с ревом и криком выбега-

ет. Я осталась на месте, а некоторые слабонервные, не узнав наших парней, прыгнули прямо в омут. Нинка начала, конечно, кричать, что не умеет плавать. А парни были довольны, что их затея удалась, ведь для того, чтобы оставить один след, кому-то из них пришлось тащить другого на плечах.

Раз наша бригада возвращалась со съемки на другом берегу Тосны, и вдруг возле кладбища нам навстречу ватага пьяных парней. Эльвина сказала – если пристанут, мы должны убежать, а она их задержит.

– Вы еще девушки, а я уже замужем.

Я возразила:

– Ну вот еще – убежать. У меня же в руках тренога от мензулы. Какогрею!

Но парни прошли мимо, не пристав к нам. А Нинка потом Эльвину подкалывала:

– Какая Элька у нас отчаянная, готова была пожертвовать собой, прикрыв нас своим женским телом.

Крутые берега Тосны были пригодны и для занятий по геологии, поскольку обнажали разные породы. Удачливая Эльвина, копаясь в земле, а ей почему-то эти занятия особенно пришлись по душе, сумела нарыть образцы, содержащие древние ракушки.

Нашу разнообразную программу дополняла практика по метеорологии. Пришлось полистать взятый с собой конспект по климатологии, чтобы вспомнить, что нам говорили об этом на лекциях. На территории университетской базы на-

ходилась метеобудка с приборами и планшетом, на котором были указаны ближайшие метеостанции. По телефону мы запрашивали данные с них, чтобы по определенным правилам составить прогноз погоды. В этом и состояла суть нашей работы. Умение составить прогноз погоды пригодилось мне и далее по жизни.

Тима из Германии прислал мне посылку, в которой помимо прочего были три пары фильдеперсовых чулок. Одну я взяла себе, другую отдала маме, а третью подарила Нинке. И когда, купив билеты, мы с Нинкой отправились на концерт Аркадия Райкина, то, конечно, надели эти чулки. Запоздывали и передвигались бегом. И вдруг передо мной какой-то мужик наклонился завязать шнурок на ботинке. И я с разбегу наткнулась на него, свалив его, и сама упала на колени, а Нинка, зацепившись за мою ногу, растянулась на асфальте. Что интересно, она порвала чулок, а я разбила в кровь колени, но чулки каким-то чудом уцелели. Поднявшись, мы от души отругали мужика и, помятые, продолжили путь.

А другое чудо с чулками произошло, когда я, отправившись на занятия в университет, при посадке в автобус ударилась голенью об угол гармошки дверей. Рана оказалась глубокой, а чулок остался цел. В медпункте университета мне рану обработали, а чулок замыли от крови.

Как-то нам дали в университете билеты в филармонию, где исполняли симфоническую сказку Прокофьева «Петя и волк». Сидим, слушаем. Нина, покосившись на погружен-

ную в музыку Эльвину, наклонилась ко мне и прошептала:

– Ничего не понятно.

– А мне все ясно.

– И что тебе ясно?

– Петя слопал волка.

И тут Нинка заржала. К ней сразу же подскочила возмущенная служительница и попросила ее выйти из зала, чтобы не мешать наслаждаться остальным. Выходя, Нина обернулась и показала мне кулак:

– Вот Галька-паразитка!

А мне было завидно – она отмучилась.

Когда Нина приходила в волнение, то у нее, как позже удачно определил Тимоша, глаз был рогом. Раз ехали мы с ней из университета в автобусе, ей выходить надо было раньше. Проход между сиденьями в тех автобусах был узким, и к выходу следовало готовиться заранее. А Нина засиделась и полезла с места только тогда, когда автобус остановился. Пальто у нее было широкое, а я взяла и прихватила его полу, прижав ее незаметно для нее и для других к спинке сиденья, а сама отвернулась к окну. И Нинка застряла, перегородив проход:

– Девушка, вы выходите?

– Да, выхожу.

– Ну и выходите, чего застряли?!

Нинка дернулась к выходу, но я, отвернувшись, держала крепко, и ей было никак не сдвинуться. Народ уже начал ее

обзывать, а она стала отругиваться. Уже глаз рогом, а люди начали лезть через нее. И тут я отпустила ее пальто, и Нина пробкой вылетела из автобуса. На следующий день я с невинным видом ее спросила:

– И чего ты вчера шумела в автобусе?

– Да пальто за что-то зацепилось.

– Бывает.

Сессия еще не закончилась, когда Эльвина предложила мне поехать в выходные собирать грибы-колосовики. Ее родители в то лето сняли дачу в деревне на низком берегу Ордежа напротив Вырицы. На электричку до Вырицы мы успели в последний момент, заскочили, двери закрылись, поехали. Мужчины в тамбуре отнеслись к нашему появлению с явным интересом. Когда прибыли на место, то застали одну тетю Аню, Эльвинину мать, мужчины – отец Эли и ее муж Борис – еще не приехали. Мы вдвоем пошли в лес. Шагали по тропинке, нашли несколько грибов, на суп хватит. Потом отыскали несколько кочек с подснежной клюквой с тонкой кожицей, на вкус ягоды сначала были сладкие, а затем чувствовалась кислота. Набрали на кисель. Обернувшись, я заметила мужскую фигуру, скрывающуюся за деревом. Я сказала об этом Эле:

– Смотри, кто-то к нам подкрадывается.

– Ничего, мы вдвоем с ним управимся.

В том месте деревья образовывали как бы ворота. Мы подобрали по здоровой дубине и встали – я за одним большим

деревом, а Эля через тропинку за другим. Договорились, что первой бьет она, а следом я. Затаились, ждем. А тот, потеряв нас из виду и почувствовав неладное, начал звать:

– Эличка, Элюша!

Оказалось, что это ее муж Боря. Так что ему повезло, хотя в тот день ему все-таки от нас досталось – мы вывалили его из гамака, который сильно раскачали.

После второго курса практика по ботанике и зоологии была у нас в Лисьем Носу. По зоологии мы ловили бабочек и разных других насекомых, а также лягушек, их препарировали. Я была в паре с Ниной Титовой. Она резала, а я записывала и зарисовывала. Практические работы по ботанике проводил Пестик. Он нам показывал полевые, луговые, лесные и болотные растения, а мы составляли гербарии. Для засушки растений нам выдали специальные папки. На практике я окончательно поссорилась с Пестиком. Сижу, записываю и сосу сладкий кончик мятлика. А он подошел ко мне и как ударил по руке. От неожиданности и испуга я забыла, что имею дело с преподавателем.

– Ты что – совсем обалдел?!

– Нельзя никакие растения брать в рот.

Я потом ходила к нему с извинениями, но он их не принял. Поэтому, составляя списки студентов, идущих на кафедру ботаники, меня в них не включил. И я пошла вместе с Эльвиной на кафедру полярных стран. Корчагин, встретив меня, спросил:

– Ты же, кажется, собиралась к нам на ботанику?

– Да, но меня не включили в списки.

– Ну, это я могу уладить.

Но я не захотела менять свое решение.

Муж Эли оказался эпилептиком, так что ей пришлось с ним развестись. Тогда наша однокурсница Зойка Козлова решила познакомить ее со своим братом Виктором, но тот перекинулся на Нину Титову и впоследствии женился на ней. А Эля тогда уже была влюблена в Сережу Троицкого, так что не сильно расстроилась. Нам она сказала:

– Он мне не понравился.

Сомнительно, ведь Виктор Козлов был красивым парнем и летчиком. Зоя оказалась недовольна таким оборотом, поскольку Нину недолюбливала.

Раз Эля втихаря подкинула Троицкому нежную записку. В перерыве он подошел ко мне с ней:

– Это не ты мне написала?

Вспыхнув от неожиданности, я ответила:

– Нет, не я.

– А жаль.

Эле я про этот разговор не сказала.

6. По гарнизонам

6.1. На Косе, 1948–1950

12 февраля 1948 года я вышла замуж за Тимофея Тяжева.

Наши приключения по пути на Косу начались уже в Ленинграде. Тима пошел за билетами на Калининград, а их в кассах нет. Что делать?

Тима говорит:

– Может быть, шоколадку купить?

– Если билеты будут, то можно и шоколадку. А так зачем зря тратиться.

Пошла к кассам я, сунулась в одну, смотрю – а личность знакомая.

– Клавка, ты ли это?

– А, Галка Точилка, ты чего здесь?

– Уже не Точилка. Вот мужу нужно срочно в часть возвращаться, а билетов нет.

Клавка вышла из кассы, я познакомила ее с Тимой.

– И где ты такого красавца отхватила? – громогласно спросила Клавка.

– Там уже нет.

Билеты нашлись. Тима купил Клавке шоколадку. Мы сели на поезд и отправились. В Калининграде нам пришлось зано-

чевать у Варфоломеевых, знакомых Тимы. Он пошел в штаб, чтобы оформить мне пропуск, но неудачно. А мои приключения продолжились. Я пошла гулять с пятилетним сыном Варфоломеевых, и мы заблудились. Дома все одинаковые, какой наш? Я спрашиваю своего спутника:

– Ты знаешь, где живешь? Помнишь, как туда пройти?

– Не знаю.

Хорошие дела! Февраль месяц, мы уже замерзли. Еще попутали, как вдруг нам навстречу мотоциклист, сосед Варфоломеевых. Они беспокоились, что нас долго нет, а сосед сказал, что видел нас. И его попросили нас найти и привести, что тот и сделал.

На следующий день мы сели на поезд до Балтийска. Тут Тима меня застрашал, сказав, что впереди граница, а пропуска на меня нет.

– И что будет?

– Могут ссадить на погранзаставе.

Хорошая перспектива! Подъехали к заставе, а та одно название! Среди леса какая-то невзрачная будка и больше ничего. Тима побежал к начальнику заставы, а я начала переживать. Дадут отмашку ехать – Тимы нет. Что тогда делать? Я одна, а вещей порядочно набрано с собой: моя одежда, постельное белье, посуда, кухонная утварь и прочее. А если снимут с поезда, тогда сколько здесь торчать? 23 февраля, выходной день. Пришел Тима с начальником заставы, тот посмотрел на меня и сказал:

– Езжайте.

Дали отмашку, и мы покатали в Балтийск, где сели на катер. А на Косе снова пограничники проверяют пропуска. Тима со знакомым ему мотористом, пользуясь темнотой, сняли меня с катера, минуя трап. Так я въехала на Косу «нелегалом». Потом задним числом Тима оформил требуемые документы и легализовал меня. Мне выдали пропуск.

Начальство из дивизии жило в отдельных домиках, построенных для немецких летчиков. А вот наши летчики и технари жили в бывшей немецкой солдатской казарме, которая была двухэтажной. И вдоль всего здания на каждом этаже тянулся огромный гулкий коридор, в котором находились двери в жилые помещения. Мы два раза меняли комнату. В одной, маленькой и неудобной, на первом этаже мы прожили около трех месяцев. Ее Тима получил еще до женитьбы. Потом он выгородил кухню. Спали на узкой железной солдатской кровати, а комод нам заменяли сложенные друг на друга чемоданы, сооружение нередкое у молодых офицеров.

Начальник базы был не очень-то разворотливым. У немцев в казарме имелось паровое отопление. И вместо того, чтобы наладить его, он обрекал жителей казармы на возню с печками и буржуйками, а также с дровами и углем.

Когда мы приехали, паек выдавали на дом. Его нужно было получать в баталерке. Тима рассказал, куда идти и как брать. Иду в баталерку мимо ангара, а перед ним сидели пилоты из другой эскадрильи. Сразу уставились на меня:

– Кто знает, чья это краса пошла?

Никто не знал, лишь Лешка Воробьев заявил:

– А я знаю!

– Так скажи.

– Скажу, но не бесплатно.

– А что ты хочешь?

– Вы же знаете, что я сегодня дежурный. Вот выполните за меня работы, тогда скажу.

– Ладно, договорились.

Выполнили работы и к Лешке:

– Ну, теперь говори.

– Э, нет, я ведь и завтра дежурю, тогда и скажу.

Вечером Лешка заявился к нам и со смехом рассказал эту историю. Знаю, что за него и на следующий день работали, а вот сказал он им или нет – не в курсе. Лешка был такой, что мог и не сказать. А с его женой Райкой я подружилась.

Наша комната была маленькая, тем не менее у нас некоторое время жил Сидоровский, приехавший из Германии. Летчиков из Германии я засекала еще в Балтийске. Они пытались погрузить свое имущество на катер, а матрос препятствовал им, уговаривая подождать.

– Вот скоро подойдет грузовой катер, вы на нем и поплывете.

– Не могу ждать! – кричал один из офицеров (Борька Типашкин, как выяснилось позже). – Я три дня уже не ел супа.

Я рассказала об этом Тиме, и он сказал:

– Кажется, это наши из Германии вернулись.

И действительно, вечером они пришли к нам в гости со знаменитым ведерком. Это серебряное ведерко, где-то на 1,5 литра, для охлаждения во льду шампанского наполняли в магазинчике водкой, и по свидетельству Лены (впоследствии Сидоровской) оно мелькало не раз за день. Когда они первый раз явились к нам, пришлось выставить закуску и участвовать в застолье. Гости ушли, а Сидоровский у нас остался. Правда, на мешке картошки заснул и Рябенко, но Типашкин с Базановым вернулись за ним и увели с собой. Сидоровского устроили спать на диване.

На следующий день вечером они опять начали стучаться к нам.

– Не открывайте, – зашипел Сидоровский.

Но как не открыть! Они бы своим стуком и криками переполошили всю казарму. Пришлось их впустить, а с ними за компанию и полкового врача СС (Сергея Сергеевича). Опять было застолье.

Пришлось Тиме на трезвую голову переговорить с ними. Он объяснил, что теперь женатый человек и ему подобные пьянки ни к чему. Больше они к нам с ведерком не заявлялись.

Сидоровский вскоре съехал, так Тима привел прибывших в полк после летного училища молодых летчиков. Но Иван Давыдов, здраво оценив обстановку, сказал, что они лучше пойдут к холостякам. А Сидоровский недолго ходил один,

женился на Лене, продавщице в магазине. Злые языки говорили, что Сидор женился на шмутках. На самом деле он женился на устроенном быте, который ему всю жизнь обеспечивала Лена.

Начальник штаба Дармограй был для Тимы врагом № 1. Жил он также в казарме, в торце ее у него была квартира из нескольких комнат. У него, видимо, с Тимой и раньше были стычки, а тут еще при встрече после нашей женитьбы и знакомстве он заявил мне при муже:

– А вы – смелая женщина, собираетесь жить с таким характером.

Подобное высказывание любви к нему не прибавило. А вот дармограевские мальчишки, по возрасту такие же, как и тургеневские девчонки, чуть ли не каждый день прибегали ко мне, чтобы я помогла им сделать уроки.

В Балтийске, откуда на Косу можно было попасть на катере, оставалось еще много разрушенных зданий. Одно из них выходило на площадь, где стоял памятник Вильгельму, основателю Пилау – так при немцах назывался Балтийск. У этого дома уцелели лишь стены, а внутри все было разрушено. И на его стене на высоте третьего этажа кто-то написал:

Чтоб обосрать морскую славу,
Какой-то х... создал Пилау.

И стрелка указывала на памятник. Причем эта надпись

выполнена была вполне профессионально. Не знаю, но весьма сомнительно, что ее сделали по инициативе политотдела флота. Меня же поражало – как туда «художники» смогли забраться.

На Косе на берегу моря была рыбацкая деревня, в которой жил один дед. Я познакомилась с ним таким образом. Плита, сделанная Тимой, коптила, и я вытащила кастрюли на улицу, чтобы оттереть их песком. И не заметила, как рядом на скамейке появился этот дед. Он спросил:

– Дочка, ты что здесь, с папой?

Не желая вдаваться в подробности, я ответила:

– Да.

– А откуда ты?

– Из Ленинграда.

В то время Ленинград имел героическую репутацию, и дед проникся ко мне симпатией и сочувствием. У большинства окружающих ленинградцы пользовались уважением.

На следующий день я по бетонке отправилась к нему в гости за три-четыре километра. Рыбацкая деревня состояла из немецких домиков желтого цвета с красными кирпичными крышами. В подобных домах жили и наши дивизионные. С дедом жили его жена и взрослый сын, который работал рыбаком в артели. Меня накормили, конечно, рыбой жареной и копченой, напоили чаем. Деда я еще навещала не раз. Как-то он предложил купить свежельвовленных угрей. Лешка Воробьев сразу заявил, что он с ними возиться не намерен. А

Тима сказал:

– Давай бери.

Мы с Райкой Воробьевой взяли сумку, закрывающуюся на молнию, и пошли за рыбой. Дед кинул нам в сумку угрей, мы сумку застегнули и направились домой. И пока мы шли, угри колобродили в сумке и даже нагнали на Райку страх, так что она предложила:

– Давай оставим их на дороге.

– Ну да, что мы, зря деньги тратили?!

Сумку оставили у нас в кухне, а угри утихомирились только на следующий день. Тима их почистил, я порезала, так куски и на сковородке при жарке топорщились. Зато какая вкусная оказалась рыба!

В рыбацкой деревне магазина не было, так дед приходил в наш за хлебом, но не всегда удачно. За хлебом всегда выстраивалась очередь, и его быстро разбирали. Поэтому я стала покупать хлеб и на него. Как-то завезли растительное масло, и Лена Сидоровская мне продала трехлитровый бидон. К неопишуемой радости жены деда, я поделилась с ними. Так бабуся снабжала меня уже жареной рыбой. А еще когда тетя Аня прислала ленинградские папиросы – «Беломорканал», «Звездочку» и две пачки «Казбека», то «Звездочкой» я угостила деда. Он меня так благодарил! «Беломорканал» и «Казбек» скурили Тима с Сидоровским.

А один раз дед всучил мне огромного судака. Нести его у меня сил не было, так что я его волокла по бетонке. Тем не

менее я так с ним умаялась, что решила оставить его на обочине. Нет, вернулась, подобрала и все-таки дотащила до дома. И, конечно, была вознаграждена за свои мучения. Кстати, поскольку я тащила судака по бетонке, он практически был очищен от чешуи. Так что благодаря деду на Косе мы рыбы поели вволю. Тем более что Тима и сам часто рыбачил удачно.

Молодые летчики тоже стали обзаводиться семьями. Женился Иван Давыдов, потом Николай Елиферов. Он привел к нам свою молодую жену Иру – знакомиться. С ней мы стали подругами.

Потом холостяки со второго этажа предложили нам поменяться – мол, у них комната большая, а им это ни к чему. Они не топили, а спали одетыми в теплых куртках. Поэтому, когда мы начали топить, смежная с коридором стена покрылась плесенью, а постеленный на пол огромный ковер, привезенный Тимой из Германии, намертво прилип к паркету. Это произошло потому, что паркет был положен на гудрон, который в тепле растаял и полез под ковер через щели в паркете. Так ковер был безвозвратно испорчен и, к сожалению, утрачен.

Ася Тургенева узнала, что освобождается комната Молодцовых, которые уезжали в Ленинград в связи демобилизацией. Она договорилась с ними, что ключи от комнаты они отдадут ей, и организовала наш туда переезд. Там мы разместили все привезенное Тимой из Германии имущество: ди-

ван, трюмо, два плетеных кресла, шкаф (какая-то немислимая коробка), ковер на стену и три картины маслом. Диван Ася поставила рядом с буржуйкой и объявила, что будет приходить сюда отдыхать от своей своры, которая вечно хочет жрать.

Мы переселились, а Тиму наказали, посадив на «губу» за самовольный переезд. Позже начальник базы подарил нам большой письменный стол, два стула и дровяную плиту. Немецкая железная плита на ножках имела две конфорки и духовку рядом с топкой. Одна конфорка находилась над топкой, а другая над духовкой. Начальник базы прислал матросов, которые принесли плиту, установили ее и опробовали.

Начальник базы был из Ленинграда. С его женой моя мама познакомилась на перроне перед поездом, когда провожала нас с Тимой. Разговорились, и та пообещала маме, что будет опекать нас. Вот это и было выполнением данного обещания.

Мы с Ирой Елиферовой также сразу решили опробовать плиту и испекли пирог с вареньем, которое продавали в магазине. Оставив на столе пирог остывать, куда-то вышли. Вернулись, а пирога нет. Что за черт! Оказалось, что Елиферов, будучи дежурным по аэродрому, забежал и спер наш пирог. А потом, нахал, угощал всех на аэродроме.

Ася приходила к нам на отдых, запирала дверь и устраивалась на любимом диване. У нее росли три дочери – старшая училась в шестом классе, средняя в пятом, а младшая Таня была дошкольницей. Спустя какое-то время в запертую

дверь стучалась одна из старших.

– Тетя Галя, мама у вас?

Ася отчаянно махала руками, и приходилось отвечать:

– Нет, нету.

Потом приходила другая старшая.

– Тетя Галя, мама к вам не приходила?

Ася опять машет руками.

– Нет.

– Странно, куда же она подевалась?

– Не волнуйся, найдется.

Потом была очередь младшей Таньки.

– Тетя Галя, я ищу свою маму.

– Не ищи, сама придет.

– Открой двери, я буду Валета нянчить.

– Валик сейчас спит, приходи позже.

Когда и Танька уходила, Ася тихо комментировала:

– Вот паразитки, отдохнуть не дают.

Тургенев получил звание Героя Советского Союза за потопленный немецкий транспорт. Огромный корабль лег на дно и торчал из воды. С Косы он был хорошо виден. Время от времени Тургенев предлагал своей жене Асе:

– Пойдем, прогуляемся.

– Что я, транспорта твоего не видела.

Она хорошо знала, чем эта прогулка закончится.

– Пойдем, пойдем.

И, конечно, вел ее мимо этого корабля. А вернувшись до-

мой, предлагал налить и выпить по этому поводу.

Тима что-то задерживался с полетов, когда же пришел, я его спросила:

– Что так поздно?

– Да китайца ждали, долго не возвращался.

– Какого еще китайца?

И Тима рассказал, что раз один пилот заявил:

– А к нам в полк прибыл китаец – Ба У Лин.

С тех пор Баулина «китайцем» кликали.

Елена Степановна Бердавцева как-то предложила:

– Мне сейчас капуста не нужна, есть еще старая, так что можешь ее забрать себе.

Время было голодное, и от таких предложений не отказывались. И мы с моей подругой Ириной Елиферовой установили на коляску бочонок и отправились в баталерку. Купили, нагрузились. Но груженная коляска стала барахлить – только проедем несколько метров, как соскакивает колесо и катится куда-то далеко, а коляску приходилось подхватывать, чтобы не вывалилось ее содержимое. И так раз за разом. Дородная жена Героя Советского Союза Ася Тургенева, вышедшая на помойку, смеялась и так увлеклась этим представлением, что неосторожно встала на край помойной ямы и вместе с осыпавшимся песком сползла в нее. Теперь уже мы, до этого злившиеся и ругавшиеся, смеялись, глядя на комичное положение Аси. А та нас костерила:

– Вот нахалки! Хохочут вместо того, чтобы помочь!

Вытащили Асю проходившие мимо военные.

Туалет был на улице – деревянная будка. И вот, тридцатилетняя соседка Груня только там устроилась, как прибежал мальчишка и начал стонать под дверью:

– Тетя Груня, не могу, пожалуйста, побыстрее.

Обычная история. Но тут на беду соседки мимо строем проходили матросы, которые по команде командира подразделения хором прокричали:

– Тетя Груня! Ребенок хочет срать!

И громко заржали, довольные своей шуткой, чем довели Груню до слез. Потом она предъявила претензию родителям мальчишки, что тот ее позорит.

Пилоты шли на полеты, и вдруг им дорогу перебежала черная кошка. Они начали вертеться и плевать через левое плечо. Я спросила:

– Вы что, верите в приметы?

– Да не очень, но на себе проверять их не собираемся.

Когда Паук представлялся командиру дивизии Корешкову, тот его спросил:

– Что, ударение в твоей фамилии точно на «а»?

– Так точно.

– А то был как-то летчик Говно, с ударением на первое «о», так его все просто «говно» звали.

Я как-то зашла к Елене Степановне, а у той уже сидела ее подруга Корешкова. Вскоре заявился и муж той, сам командир дивизии.

– Что вы, бабоньки, без дела сидите? Лучше скажите скороговоркой – мамочка спит с дочкой.

Но дамы на его провокацию не поддались.

Приболевший начальник метеослужбы попросил меня:

– Галочка, сходи, пожалуйста, и посмотри, что там мои подчиненные сделали. Я что-то переживаю.

Я пошла и обнаружила, что они, конечно, напортачили. Ошибка была в том, что станцию оповещения выбрали неправильно. Только стала объяснять, что не так, как из включенной радиации послышался голос командира дивизии Корешкова, который был в воздухе:

– И какой мудака выдал такой прогноз погоды?! Ну ничего, сяду и пи...й выпишу!

Услышав это, я сразу засобиралась:

– Ну ладно, я пошла.

А про себя подумала: «Вам-то за дело, а я же тут ни при чем».

А теперь о самых драматических событиях, произошедших с нами на Косе. В полк, в котором служил Тима, поступили американские самолеты «Аэрокобра». Летный состав проходил обучение и переподготовку. Мне даже пришлось переписывать для мужа конспект. Командир полка заявил:

– У меня в полку такие асы, что их и обучать не надо. Запросто полетят без всякой подготовки.

И досрочно, выслуживаясь перед начальством, доложил, что подготовка успешно закончилась. Тима с этим был не

согласен, поскольку за такой короткий срок, по его мнению, не вырабатывается необходимый автоматизм в действиях. И свои соображения высказывал вслух, что начальству очень не нравилось. В апреле месяце 1948 года он пошел на полеты. И снова перед полетом случилась стычка с начальником. Были проблемы со шлемофоном, техник доложил, что все в порядке, а оказалось, что нет. В наших самолетах кнопка «шасси» большая и прямо перед глазами, а в «Аэрокобре» сбоку и маленькая. И в таком взбудораженном состоянии Тиме не хватило того автоматизма – забыл убрать шасси. У других летчиков тоже такое бывало, но им с земли напоминали. Говорили, что и Тиме напоминали убрать шасси, но он этого не слышал. Из-за неубранного шасси мотор перегрелся и отказал. Самолет падал в море недалеко от берега, Тима успел сбросить дверцу. Самолет должен был проскользнуть по поверхности моря, но шасси создали сопротивление, и самолет перекувыркнулся и затонул. Хотя глубина была не очень большая и дверца была скинута, но Тиму держал парашют. Все-таки ему удалось отцепиться и выплыть. К счастью, неподалеку шел тральщик, с которого видели падение самолета. Спустили катер и подскочили к месту крушения, подобрали.

– В самолете ты был один?

– Один.

– Точно один?

– Точно.

Я вспомнила, что вчера Тима с Горячевым обсуждали, что должны в зоне на пару работать. Слышу, Горячев прошел домой, а Тимы нет. Подождала, подождала и пошла к Горячеву.

– А где Тима?

– Задержался.

Жду еще, уже волнуюсь, а Тимы все нет. Спустя какое-то время моряки привели мужа с разбитым лицом и в одежде с чужого плеча, я его сначала даже не узнала. И рассказали, как выловили его из ледяной воды. На корабле растерли спиртом с уксусом, дали согревающее и внутрь, переодели в сухое, обработали лицо и заставили поспать. И ничего, не простудился.

Все поздравляли Тиму со вторым рождением. Считали, что это просто чудо, что он остался жив и так легко отделался. Но командиру полка это происшествие грозило крупными неприятностями. И, чтобы перевести все стрелки на Тиму, он придумал офицерский суд чести. Тиме в вину поставили то, что он специально не убрал шасси, ведь ему с земли говорили. Мол, он не слушал, желая из упрямства настоять на своем. В общем, решил назло бабушке отморозить себе уши. А неисправность шлемофона – просто уловка, чтобы уйти от ответственности. И никто против начальства не выступил в его защиту, несмотря на явную натянутость обвинения. В результате ему подошел срок получать следующее звание – так не дали, да еще понизили в чине. Позднее ему приватно сказали:

– Подумаешь, звездочку сняли! А командир полка мог за- просто поплатиться головой, и другое начальство вместе с ним.

«Аэрокобры» недолго были на вооружении. Тима с Сидоровским говорили, что главным их недостатком была центровка, при которой самолет срывался не в вертикальный штопор, а в плоский, из которого вывести самолет очень трудно, поскольку рули высоты малоэффективны. Ругали эти машины и другие летчики. Один Иван Давыдов похвалил их за то, что они сделаны более тщательно, чем наши самолеты. А еще ему понравились комфортные кабины, у наших они были очень узкие. По этому поводу остряки шутили: «Почему в воздухе Корешков такой злой? А потому, что дородного комдива втискивали в кабину самолета несколько человек».

Пошла я гулять с сыном Валиком. Иду по бетонке у моря, толкаю перед собой коляску. И вдруг вижу, что практически на нас валится самолет с чихающим мотором. Тима ушел на полеты, и у меня сразу мысль – это он. Я оставила на бетонке коляску и побежала к самолету, упавшему в лесок с молодыми сосенками. Летчик вылез на крыло самолета, лицо побито и залито кровью. А я из-за этого да еще с перепугу не могу понять – кто это. Увидев, что я бегу к самолету, он замахал руками и закричал:

– Назад, назад!

Он боялся, что самолет может взорваться. Оказалось, что

это Витька Никулин. Аэродром был недалеко, Витька совсем немного не дотянул до него, поэтому довольно быстро подкатили санитарка, машина с начальством и спасатели. Зареванная и напсиховавшая, я вернулась домой, а Тима, видите ли, лежит на диване и своего «Швейка» читает! Тут со мной случилась истерика. Я накинулась на Тиму:

– И что это за служба! С меня хватит, я уезжаю в Ленинград.

И долго не могла успокоиться.

«Похождения бравого солдата Швейка» я и до этого недолюбливала, не могла понять, что там можно бесконечно перечитывать. А тут он просто попал в черную немилость. И когда из Гарца на время приехал Жолобов, я подарила «Швейка» ему. Но он к нам вернулся. Сидоровский поехал в Гарц, увидел подписанную нашей фамилией книгу и реквизировал ее:

– Ты чего ж это чужие книги зажиливаешь?!

– Да мне ее подарили.

– Ничего не знаю. Верни хозяину.

И привез «Швейка» нам обратно. Тима обрадовался, а я нет. И через некоторое время подарила книгу уезжавшим на Дальний Восток. Так я избавилась от «Швейка», оттуда он уже не вернулся.

Бывшая любовница Тимы подарила ему на память серебряный портсигар. А вскоре у Тимы случилась авария. Кто-то сказал, что это из-за подарка. Мол, женщина так отомсти-

ла за то, что он ее оставил. Ему посоветовали от портсигара избавиться. Тима подарил его Жоре Попову, и вскоре после этого у Жоры также была авария – он падал из-за отказа самолета. «Добрые люди» просветили Жору, что портсигар был заряжен не конкретно на Тиму, а на владельца. Жора сразу портсигар забросил, а на Тиму надолго обиделся за такой подарок.

Летом 1948 года мы с Тимой купались в Балтийском море. На пляже никого, поскольку вода почти всегда холодная. Тима проплыл глубокое место и встал на отмели. Я была в положении, но поплыла к нему. Тима мне запрещал, но я его не послушалась. Плавала я хорошо, но в море купалась в первый раз. На глубоком месте меня неожиданно накрыла волна, и горько-соленая вода попала мне в рот. Я растерялась и хлебнула во второй раз, в третий. Дыхания не было, и силы оставляли меня. Я крикнула мужу:

– Тону!

А он думал, что я дурачусь, стоял и улыбался. Я крикнула еще раз. Только тогда до него дошло, что я не шучу. А как он меня вытащил, я не помню. Очнулась я на берегу, на его коленке, меня рвало горько-соленой водой.

Санчасть помещалась в доме, находившемся напротив наших окон. Руководил ею военврач Сергей Сергеевич (СС), в этом же доме он и жил. Он был нашим с Тимой земляком и на правах такового не раз просил меня сварить ему каши. Покушать он любил и был человеком упитанным. Елена Си-

доровская рассказала о нем такую историю. Раз летчикам в столовой показалось, что котлеты недоброкачественные. Вызвали СС, тот пришел и взял у одного пилота котлету с тарелки. Съел. Потом взял у другого, съел. И так котлет восемь. Все молча, с интересом наблюдали за процессом этой экспертизы. Дожевав последнюю котлету, Сергей Сергеевич сделал заключение:

– Да нет, вроде ничего. Ну, ешьте кашу.

Когда он вышел из столовой, раздался дружный хохот. Особенно веселились те, чьи котлеты уцелели.

По какому-то поводу мы устраивали застолье. Вдруг к нам зашел один из технарей с женой:

– Можно к вам?

– Пожалуйста, проходите.

А среди приглашенных был москвич Булгаков, который этого технаря терпеть не мог.

– Зачем ты его пригласила?

– Я его не приглашала, они сами пришли. Ну не прогонять же их.

После застолья пошли гулять, и на прогулке Булгаков сцепился со своим недругом. Сначала словесно, а потом и физически. Их разняли, пошли домой. Смотрю, а у Булгакова ордена нет. Вернулись на поле боя, все обыскали – ордена нет. Кажется, на следующий день пришел за хлебом дед.

– Галя, а я орден нашел.

– Красной Звезды?

– Да, иду, а он лежит на песке и на солнце сверкает.

– Вот здорово! А то мы вчера его обыскались.

Тима, узнав о находке, сказал:

– Ты его просто так не отдавай, требуй праздничный обед.

Булгаков накрыл поляну. Тима выступил:

– Сегодня мы собрались по поводу вручения хозяину утраченного ордена. Награда вернулась к своему герою.

И все с радостью отпраздновали это событие.

Я была в положении, и Тима повел меня пройтись. Решили, что гулять будем только вдвоем. Куда там! Только расположились на единственной среди песка полянке с земляничкой, как появился Борька Типашкин.

– Уф, еле вас нашел.

– А что случилось?

– Ничего, просто захотел с вами погулять.

– Но у нас в планах было гулять вдвоем.

– Нет, я с вами.

Немного погодя к нам присоединился и СС.

– Вы чего так далеко зашли? Галине в ее положении нельзя сильно утруждаться.

– Ну и сидеть на месте тоже вредно.

А тут по бетонке едет на машине техник Полтораки, у тещи которого мы впоследствии покупали молоко. Он из битых немецких машин сумел собрать себе одну целую. СС тормозит его:

– Довези до дома Галину.

– Рад бы, да боюсь, что двоих машина не потянет.

Посадили меня, и, действительно, не тянет. Я вышла, а СС и говорит:

– Она тебя и одного не потянет.

– До этого тянула.

СС зашел сзади и, когда Полторак пытался тронуться, приподнимал машину, так что задние колеса крутились в воздухе.

Тот вышел из машины.

– Что за черт?!

– Я же говорил, что не поедет.

Полторак осмотрел машину, вроде все в порядке. Сел, дает газ, а СС снова колеса приподнимает. И так долго мурыжил техника, пока самому не надоело. Тогда только Полторак благополучно уехал.

Новый, 1949 год отгуляли хорошо. Встречали у Семеновых (дяде Яше Семенов очень понравился, такой же рязанец-косопузый). Второго января мне стало что-то беспокойно, а днем начались схватки, значит, пора отправляться в Балтийск в госпиталь. Собрали вещи и пришли на пристань. А там объявляют, что рейсового катера не будет, так как после Нового года команда вести судно не в состоянии. Меня знобило, трясло, начали отходить воды. Тима побежал узнать – будет ли какой-нибудь транспорт. Там пообещали подогнать военный катер.

Катер подошел, но к пирсу приблизиться не смог. Борт

далеко и высоко. Я посмотрела и ужаснулась. Бросили трап, и матросы начали меня затаскивать по крутой наклонной плоскости. Один матрос спереди, другой сзади, третий сбоку. Командуют:

– Вниз не смотри.

Воды отошли, схватки продолжаются, а я на этом страшном трапе. И не смотри. Как это не смотри? А куда, в случае чего, я буду падать?! Я скулила, но ползла вверх. А Тиму матросы попросили не мешать. В результате меня погрузили на борт, поплыли. А на том берегу ситуация та же, но зеркальная – уже сверху вниз. Половину трапа преодолела, сползая на заднице, половину на ногах. И как только на том трапе и не родила?!

Спустились все-таки удачно и к полуночи добрались до госпиталя. Там меня сразу взяли в оборот. Я от боли бегала, а на меня шумели, что бегать нельзя. Отправили в родильное отделение, а там врач стала паниковать, узнав, что я из Ленинграда. Я худенькая, первые роды, а плод большой, могу сама не справиться. А медсестра-акушерка меня подбадривала:

– Не бойсь, справимся, слушай меня. Берись руками за колени и тяни их на себя. И большой выдох.

И действительно, в три часа ночи я благополучно родила сына. По тем голодным временам ребенок был крупный – 3 кг 800 и ростом более 50 см. Сразу закричал, мне показали его и сказали:

– Посмотри, какой богатырь!

Взвесили, обработали, завернули и унесли. А я мокрая, в воде и крови, осталась на столе. Вдруг пришел здоровенный матрос, завернул в сухую простынь, взял на руки и понес. Каталки, видите ли, в госпитале не было, так матроса приспособили вместо нее. Я сначала обалдела, но потом закричала:

– Это еще что?! А ну положи на место.

– Я должен доставить в палату.

Вынес на лестницу. Я снова:

– Поставь меня, я сама.

– Не положено.

– Говорю, поставь!

Он все-таки поставил. И я босиком и в мокрой рубахе сползла по лестнице вниз в палату. Там меня встретила нянечка. Сменила рубаху и уложила в кровать. Я была в каком-то забытье, когда пришла дежурная сестра и под общим хохот, прибавив, конечно, от себя, красочно пересказала мою перепалку с матросом-каталкой. Я это слышала сквозь дрему, голоса будто издалека доносились, но я намалялась и мне было все равно.

Утром, проснувшись, я подумала – а было ли это со мной или все мне приснилось. А вскоре надо было кормить новорожденных. Две здоровые бабы принесли их по несколько на одной руке, как поленья, и раскидали по кроватям. Я слышала разговоры санитарок, что один из новорожденных с заячей губой. И вдруг вижу, что с заячей губой – у меня.

Я в слезы, тоже дурочка, ведь видела, когда показали после родов, что все нормально. Сквозь слезы посмотрела на бирку, а фамилия не моя. Кликнула санитарку, и она принесла моего. Рассмотрела, что на бирке было написано: дата, время, рост и вес.

Приступила к кормлению, ребенок сосал с аппетитом. Наелся, и его унесли. На следующий день все повторилось. А затем произошел казус. Принесли ребенка, а он отказывается есть. Посмотрела – лицо моего. Что же такое? Может быть, он мокрый? Развернула, а это девочка. Но удивительно похожа на моего сына. А мой ребенок тем временем, без всяких комплексов и сантиментов, сосал чужую маму. Когда потом приносили младенцев на кормление, я в первую очередь проверяла бирку, поскольку по лицу их с этой девчушкой различить было невозможно.

А еще почти ежедневно на катере приезжал Тима. И конечно, подгадывал ко времени, когда нас подмывали. Наша палата была на первом этаже, он что-то подставлял и появлялся в окне. Женщины, увидев его, поднимали визг. А я показывала кулак, и он исчезал. А затем нянька провела с ним разъяснительную работу. Подействовало.

После выписки меня встречали четверо – Тима, Сидоровский и супруги Горячевы. Цветов, конечно, не было – январь и закрытый город. Лица кавказской национальности со своей нежной продукцией пробиться туда не могли, а цветочных магазинов тогда в Балтийске не было. Ребенка, завернутого

в одеяло, к пирсу нес счастливый отец. Порыв ветра откинул простынку с лица, и ребенок захлебнулся ветром. Анята Горячева сразу поставила на вид отцу, что надо не зевать, а придерживать простынку. Погрузились на катер и поплыли домой.

В то время, когда я еще была в роддоме, Тима, как выяснилось позже, успел отпраздновать рождение первенца. Третьего января, узнав, что у него сын, Тима в Балтийске закупил целый чемодан шкаликов, так что заставил ими стол. И наливал каждому, кто заходил его поздравить. Кажется, ушло все, поскольку пустых бутылок было много, а полных что-то не припомню. Особенно «напоздравлялись» летчики из его звена. Когда Иван Давыдов явился домой, то привел всех в изумление.

– Ваня, в первый раз вижу тебя в таком виде. С чего это?

– У нас родился сын, – только и смог сказать Иван и отключился.

Своим заявлением он устроил форменный переполох. Какой еще сын?! Его жена Валя была еще на шестом месяце. Особенно удивился тесть, который перед свадьбой делал запрос, на который ему ответили, что Иван Давыдов холост. Поняв, что сейчас от него ничего не добьешься, расспросы отложили на утро. Тогда-то все и выяснилось.

Ребенок был спокойный – ел хорошо, ночью спал, не капризничал. Имя ему – Валентин – дал отец. У нас с Тимой был уговор – если родится сын, то имя ему дает он, а если

дочь, то я. Пустышку Валик брать не хотел, а сосал свои два пальца. Чтобы отучить его от этого, я сшила и надела на него рукавичку. Несколько дней он скандалил, протестуя, а затем успокоился.

Условия для жизни детей были плохими.

Молоко у меня было, но мало. Не хватало. Поэтому нашли большой бидон, кажется, десятилитровый, скооперировались и по очереди ездили в Балтийск за молоком. В поезде из Калининграда приезжали молочницы, как наши, так и немки. Выходить из вагонов им не разрешали пограничники, поэтому бидон отдавался им в поезд, где они и наливали молоко. Я обычно брала у одной и той же по десять рублей за литр. Тогда считалось, что это очень дорого. Позже к одному из техников на Косу приехала теща, которая завела корову. Тима договорился с ней, чтобы она выделяла нам один литр из вечерней дойки, сам и ходил за молоком. Потом его перевели в Храброво, а мы еще оставались на Косе. Тогда за молоком стал ходить Вася. Он был нашим соседом и жил в одной комнате с Витькой Никулиным.

Вася был в дивизии казначеем, ходил не в морской, а в армейской форме. Красивый, чернявенький, но маленького роста. Приходил к нам и спрашивал:

– Можно я у вас на диванчике посижу?

– Ну, посиди.

Сидел молча, если что-то спросишь – ответит и снова молчит. Когда надоедал, я стучала по трубе Ирке Елиферовой.

Она приходила и говорила ему:

– Ну, что тут расселся? Нам надо посеCRETничать.

Вася вставал и молча уходил. А еще его вышибала Ася Тургенева.

– Так, это место мое, прошу освободить.

Как-то раз Вася порывался вынести помойное ведро, которое тащили мы с Ирккой, но та не хотела, чтобы он узнал его содержимое, и отрезала:

– Сами справимся.

Как-то узнали, что в Балтийск завезли яйца. Собрались с Аней Горячевой, у той была подходящая корзинка. У катера она угостила пограничника папирсой, тот документов у нас не спросил. В Балтийске затарились яйцами, в корзинку вошло 100 штук. На Косе опять тот же пограничник:

– Документы.

У Анны паспорт был, а я, как на грех, забыла.

Анька вскинулась:

– Какие документы? Совсем только недавно вместе курили. Забыл уже?

– Документы.

– Да ты что, совсем ох...л, азиатская рожа.

– А это уже оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей.

– Да я сейчас тебя как тресну по башке этой корзинкой!

Тут всунулась я:

– Корзинкой не надо – яйца побьешь.

Пограничник обиделся и пошел на принцип. Заявляет Аньке:

– Я вас задерживаю и отведу на заставу.

На меня, забывшую паспорт, ноль внимания. Взял ружье наперевес и скомандовал:

– Пошли.

Я за ними.

– А вы куда?

– А ты чего раскомандовался, куда надо, туда и иду.

По пути Анька костерила пограничника и матерно. Пришли на заставу, я поднялась к жене начальника Кате, с которой вместе рожала. Но ее Николая дома не оказалось. Я пошла домой, отнесла корзинку с яйцами, зашла к Ивану Горячеву и все рассказала ему.

– Иди, выручай жену.

– И не подумаю. Ругала, материла пограничника? Вот пусть за свое поведение посидит.

Я опять на заставу. Николай уже был дома, разобрался, сделал Аньке выговор и отпустил.

Николай Елиферов был большим затейником. Помимо истории с пирогом, он еще придумал и следующее. У нас в подвалах хранилось топливо для печек – дрова, уголь, торф. И вот мы с его женой Ирой собрались в подвал за дровами. Света на лестнице в подвал не было, а спичек мы с собой не взяли. Ира первой начала спускаться и вдруг отпрянула назад.

– Там на ступеньке что-то мягкое, я не пойду!

Я попробовала – действительно, что-то мягкое. Стоим возле подвала и раздумываем, что же делать. Мимо идет Володя Иванов.

– Вы чего здесь стоите?

– Да вот на ступеньках что-то мягкое, мы боимся.

– Сейчас спичку чиркну и посмотрю, что там.

Чиркнул и говорит со смехом:

– Там дохлая кошка лежит. То-то смотрю в окно, а Елиферов кошку дохлую зачем-то тащит. Теперь ясно зачем.

Николай знал, что мы должны идти в подвал, вот и подшутил.

Кстати, Елиферов много позднее, уже после демобилизации, прислал из Таллина мне деньги с просьбой купить надувной матрац. А чтобы я помучилась, искажил мое отчество, указав – Галина Ермолаевна. Но у меня проблем не было, поскольку на почте работала Клавдия – наша соседка по лестничной площадке. А вот когда я отослала Елиферову купленный матрац на имя Николай Митрофанович, вместо Васильевич, дотошные эстонцы его изрядно помуржили, прежде чем он получил посылку.

В клубе по выходным и праздникам устраивали танцы. Сам Тима не танцевал, а меня отпускал в клуб только с Борькой Типашкиным. Тот заходил за мной и спрашивал Тиму:

– Иду на танцы. Отпустишь Галину со мной?

– Ну, ладно.

Тима оставался с Валиком. А как-то раз мы с Борькой смотрелись на танцы в Балтийск в Дом офицеров.

Если в клубе шло кино, а Тима оставался дома, то ему подкидывали и других детей. Он управлялся с ними лихо. Галька Баулина любила забираться на спинку кровати Валика и оттуда нырять к нему. Поэтому на спинку кровати вешался ремень. Посреди комнаты выставлялись унты для успокоения Алки Горячевой. Чтобы Танька Тургеневская не ушла, на ручку двери вешался противогаз. Танька от матери сбегала в темный коридор, и та сбивалась с ног, разыскивая ее. А Танька сядет где-нибудь в уголке, и в темноте ее не видно. А тут противогаз был надежнее всякого замка. Только Вовик Иванов смиренно сидел с книжкой на диване, не требуя спецсредств для психологического воздействия. А сам «укротитель», лежа на кровати, в который раз перечитывал своего любимого «Швейка».

Вроде и праздника никакого не было, а команда рейсового катера никакая. А волны расходились приличные, заваливали катер сильно на бок. Когда судно особенно сильно накренилось на борт, народ с него в панике кинулся на другой, тем самым помогая волне заваливать катер. Я встревожилась, что от таких шараханий с борта на борт мы точно перевернемся. А команда на это ноль внимания. Тогда я схватила лежавший рупор и в него громко сказала:

– Внимание! Прошу прекратить панику и беготню с борта на борт всем вместе. Распределитесь поровну по бортам и

оставайтесь там. А то ведь, раскачивая катер, перевернемся и отправимся рыб кормить!

Пассажиры вняли моим здравым предложениям и прекратили беготню. А из команды так никто на эту ситуацию не отреагировал. К счастью, наше плавание закончилось благополучно.

Тима на Косе купил ружье и стал, по моему мнению, слишком часто мотаться на охоту. Я сказала ему, что было бы лучше вместо охоты почаще бывать дома и не оставлять меня одну. Тогда он решил взять с собой и меня. Охота на уток закончилась неудачей. Сам их спугнул, а свалил на меня:

– Зачем ты выпялилась?!

В общем, мое недовольство привело его к выводу, что жена и ружье – вещи несовместные. И он продал кому-то ружье.

Мы с Тимой с Косы в первый раз привезли маленького Валика в Ленинград. И как-то в разговоре с тещей Тима сказал:

– Сейчас для меня жена и сынишка – самые близкие и дорогие люди на свете.

– Ну, это я сразу поняла, – тут же отреагировала Елена Илларионовна. – По тем ласковым прозвищам, что ты для них придумал, – Клопишка и Чертенюк.

Ее очень раздражали такие «ласковые слова», ведь она у мужа была Лапочкой. А тут подходящий случай это высказать. Тима уловил злую иронию тещи и перестал нас так называть. А вот на другие ласковые имена у него фантазии не

ХВАТИЛО.

6.2. Храброво, 1950–1951

Тиму перевели в Храброво (при немцах – Павунден), назначив командиром штабного звена. Для жилья выделили репетиционную комнату в Доме офицеров. Как раз шла подготовка к праздникам, кажется, ноябрьским. Народу много, суется, репетируют, а мне приходилось мимо них ходить в туалет с горшком Валика.

Допоздна были громкая музыка, хоровое пение и другой шум – предпраздничная суета. Ребенку для сна условий не было. Готовила я в своей комнате на электрической плитке. Так мы прожили около месяца.

А потом ко мне зашел командир полка.

– Галина, у нас беда.

Я даже испугалась – что случилось?

– Из школы ушел учитель математики, а заменить его некем.

– Я же училась на географическом.

– Я просмотрел твое дело, а там Ленинградский университет, значит, ты специалист универсальный. Можешь и математику преподавать. Кстати, при школе есть квартира, туда и переедете.

Командир был прав, я действительно могла. Еще со школы математика у меня шла отлично. И я согласилась.

Школа стояла через дорогу, напротив Дома офицеров.

Так что переезд занял немного сил и времени. У Дома офицеров была длинная пристройка барачного типа, в которой жили Диковы. Во время войны Диков был техником у Тимы. Часть вещей до этого нам пришлось оставить у них. Теперь же в новую квартиру мы могли спокойно их забрать. В пристройке была бильярдная для офицеров, а также жила Шурка Калюка. Так ее звал Валик за то, что по утрам она кричала ему в окно «ку-ка-реку».

Рядом со школой находилась полуразрушенная церковь – кирха. Когда она была действующей, здание школы относилось к ней. За церковью было немецкое кладбище, но встречались и могилы наших летчиков. Посреди кладбища стояло огромное засохшее дерево без коры. И в сумерках с определенного ракурса казалось, что на дереве кто-то повесился. Жуткое зрелище!

Наши дома стояли рядом с дальним концом аэродрома. Тиме, чтобы попасть на службу, надо было пройти весь аэродром. Гарнизонные же дома находились у другого конца летного поля. Поэтому мои ученики, идя в школу, проделывали такой же путь, что и Тима, но в обратном направлении. Учителя с семьями жили при школе, как и Матрена Ивановна с дочкой и внуком. В школе она служила техничкой, держала корову. Мы у нее покупали два литра молока. Ее брат жил в гарнизоне и держал пасеку, так что снабжал свою сестру медом, а она выделяла его и нам.

Молоко было очень хорошее, и мы, можно сказать, дорва-

лись до него. Валику, если он просил пить, давали молоко. Сами тоже пили его весьма усердно. Ребенка довели до того, что он, думая, что никто не видит, тайком пил воду. В связи с молоком запомнился следующий физический казус. Валик стянул кастрюльку с молоком, и она упала в ведро с водой. Так вот, кастрюлька лежала на дне ведра под водой, и ни одной капли молока из нее не вылилось. Вода оставалась прозрачной и незамутненной. И только когда я принялась вынимать кастрюлю, молоко стало выливаться в воду.

Готовила я на электрической плитке или же на плите в школьном коридоре. Воду черпали ведром из открытого колодца во дворе. Тима боялся, что Валик в него свалится, поэтому раздобыл колонку и закрыл ею колодец.

Учительница по русскому языку и литературе Галина Васильевна предупредила меня, что в нашей квартире на окне остался пузырек с красными чернилами. Я сказала, что приберу его, но опоздала.

Из чемоданов у нас был составлен импровизированный комод, накрытый салфеткой, на которую поставили зеркало. Захожу в комнату и вижу, что Валик, в белой рубашечке, придвинул к зеркалу плетеное кресло и льет себе на голову эти красные чернила. Вот так номер! Я позвала Галину Васильевну:

– Посмотри на свои чернила.

Та прыснула, а мне не до смеха. Пришлось ребенка остричь наголо, но и после этого красное пятно на голове у

него долго было заметно. Белая рубашка, конечно, пропала, а салфетку я спасла.

Университет дал мне солидный объем знаний, так что я не только справилась с математикой, но и помогала учительнице по русскому и молоденькой географичке. Младшие классы вела Мария Васильевна, грубоватая баба деревенского вида. У нее было целое хозяйство: куры и коза. Молодые училки подобным не занимались.

Когда я проводила занятия, а Тима был на службе, за Валиком присматривала Матрена Ивановна. Раз я вела математику в пятом или шестом классе, как Матрена Ивановна просунула голову в дверь класса и спросила:

– Галиночка Андреевна, разрешите войтить?

– Пожалуйста, Матрена Ивановна.

Она вошла и сказала:

– Валик куда-то пропал.

Класс тут же дружно вскочил:

– Все на поиски Валика!

Искали по всей школе и во дворе. Нигде нет. Наконец, один мальчик увидел, как из курятника в лаз для кур выкатилось яйцо. Наверное, это пропавший там орудует. Я подошла и окликнула:

– Валик!

Он отозвался. Уф, нашли! Я стала его звать:

– Валик, иди ко мне.

Но он на зов не шел и вылезать не хотел. Курятник при-

надлежал Марии Васильевне, а ее, как назло, черти куда-то унесли. Хорошо, что один из моих учеников сумел протиснуться через лаз и вытолкнуть Валика наружу.

В этом классе у меня учился Ремезов, сын начальника штаба, мальчишка хулиганистый и недисциплинированный. Отец знал об этом и заходил в школу периодически, чтобы справиться о его поведении. Как-то после случая с Валиком Ремезов опоздал. Повязав голову платком, он просунулся в дверь класса и спросил:

– Галиночка Андреевна, разрешите войти?

– Входите, Матрена Ивановна.

Класс грохнул от смеха. Его и позднее поддразнивали Матреной Ивановной. Пошутил на свою голову!

Кто-то сказал, что в Зеленограде, в двадцати километрах от Храброво, можно купить крупу. Мы с Тимошей взяли чемодан и отправились в Зеленоград. Шли напрямик, Тима с самолета высмотрел дорогу. На пути встретилось какое-то селение, перед ним щит с предупреждением: «Сап, подходить близко запрещено». Пришлось сделать крюк в пять километров. Дошли, купили полный чемодан всякой разной крупы. На обратном пути лежали на какой-то лужайке без сил, отдыхали. Чемодан несли то на палке вдвоем, то по очереди в одиночку, кто на плече, кто на спине. В общем, измяли все плечи, надорвали все руки, устали как черти. Вернулись на закате усталые, но довольные. Как-то я пошла за водой, а Валик остался в кухне. Возвращаюсь, а он сидит на

полу и в щелочку из пакета высыпает крупу. Мне от увиденного даже худо стало. Спрашиваю:

– Ты что делаешь?

А он спокойно отвечает:

– Ляле (так он себя звал) каши не надо, мышке надо.

Отобрала пакет и убрала подальше. К счастью, ущерб был незначительный. Сама виновата – закармила кашей ребенка.

В Храброво леса поблизости не было, так что за грибами мы не ходили. Речки не имелось, поэтому не купались. А ходили к аэродрому, по его краю росли земляника и ежевика. Валик охотно их собирал, пока его не испугал рябчик. После этого он ни за что туда идти не хотел. Кстати, рябчики напугали и мою маму, подпустив ее к себе совсем близко и с шумом выпорхнув у нее почти из-под ног. Мама чуть не упала от страха и неожиданности.

Мама приехала к нам летом и привезла с собой мою маленькую сестренку Люську. От кого-то Люська услышала название Павунден, и это ей запало в голову, а что она была в Храброво – она и не догадывалась.

Тиме нужно было встать рано, чтобы отвезти на какое-то мероприятие начальника штаба. Моя мама сказала ему:

– Не переживай, я тебя разбуджу, когда надо.

Этой ночью мне принилось, будто разбился Рязанов. Тот обычно вел себя высокомерно, Борьке Типашкину говорил:

– Летать нужно уметь.

Этот тревожный сон прервал посыльный из штаба. Мы

проспали. Начальнику штаба пора лететь, а пилота нет. Вот и послали за Тимой матроса на мотоцикле. Тима укатил с матросом, а я к маме:

– Ты же обещала разбудить!

– Первый раз со мной такое.

К счастью, все обошлось, Тима успел доставить начальника штаба на это мероприятие. Вот и понадейся на тещу!

А сон, к несчастью, оказался в руку. Только разбился не Рязанов, а Типашкин. Об этом нам сообщил Николай, который до Тимы был командиром штабного звена. А потом его перевели в Калининград. По секрету он нам поведал:

– Не знаю, какую выведут причину авиакатастрофы, но только бронеспинка у Типашкина была пробита.

И взял с нас слово, что мы никому не расскажем об этом.

В Храброво мы были недолго, примерно около года, а потом Тиму перевели в Чкаловск.

Приехавший за мной из Чкаловска Тима застал следующую сцену – мы с командиром полка сидим в обнимку на диване и плачем оттого, что я уезжаю. Его печалило то, что так прекрасно задуманное им предприятие рушится, и теперь столь важный школьный предмет, как математика, вновь становится сиротой. Мне же жалко было терять работу, которую в гарнизоне найти очень трудно, налаженный быт, а еще я уже успела привыкнуть к своим ученикам.

6.3. Чкаловск, 1951–1954

В Чкаловске нам дали маленькую комнату, приблизительно девять квадратных метров, на первом этаже в двухэтажном немецком доме. Рядом, в комнате побольше, жили летчик с женой. Кухня была у нас общей. Наверху на втором этаже жили Пашинины. Когда нашего соседа перевели в другое место, Тиме удалось добиться, чтобы их жилье отошло нам. Он пробил между комнатами дверь и сделал их смежными.

Но в полк прибыли молодые пилоты, которым негде было жить, и замполиту пришла в голову идея поселить их к нам. Я, конечно, была против и пошла к командиру полка. Вместе с ним в комнате сидел и начальник штаба, мой земляк. Только мы начали разговаривать, как вошел замполит и вмешался в разговор.

– Чего вы так переживаете? С вами будут жить хорошие молодые ребята.

Тут я не выдержала:

– Вот вы бы и порадовали свою супругу этими хорошими молодыми парнями. А вообще-то, я пришла не к вам.

В этот момент заговорил дотолле молчавший начальник штаба.

– Никого не надо радовать. А мы, пожалуй, уплотним Брикера. У него и в Ленинграде квартира, и здесь. Семья к нему

приезжает лишь на лето, а целый год он живет один. Хватит ему и комнаты.

Жена Брикера Тася жила в Ленинграде, сохраняя там квартиру, а начальник штаба забрал семью с собой, лишившись тем самым жилплощади в Северной столице. Я думаю, что в его решении сыграла роль и зависть, но в результате спорная комната осталась нам.

К Брикеру подселили Шмагина. Над ними на втором этаже жили Магоновы. Генка Магонова и предложила Шмагину организовать застолье для хорошего знакомства. Тот сквалыжничать не стал.

– Хорошо, тем более что у меня выиграли две облигации.

И он повез всю компанию в Калининград в ресторан. Однако не все прошло гладко, Тася Брикер начала хулиганить, заявив:

– Раз мой Гришка здесь почти ежедневно обедал, то я у себя дома и могу себя вести, как мне заблагорассудится.

И, найдя бифштекс жестким и несъедобным, она начала стучать им по столу. Бедный Шмагин отсел за другой стол и делал вид, что он не с ними. Ехали назад они уже сами на такси.

Гена Магонова была литовкой, и она тогда еще не понимала, что матерные слова неприличны и их не надо произносить вслух при посторонних. Она была привлекательна, и матерные выражения весьма контрастировали с ее внешностью. Ее сын Толик был ровесником нашего Валентина.

Однажды я засекала, что Валик мочит голову в бочке с дождевой водой. Она ему строго сказала:

– Нельзя мочить голову, а то вши заведутся.

Через какое-то время я повела Валика и Толика Магонова в парикмахерскую. Мастер подстригла Валика и спросила его:

– Спрыснуть голову одеколоном?

На что тот мрачно заявил:

– Не надо, а то вши заведутся.

Толик хлопнул себя по бокам, громко расхохотался и во всеуслышание заявил:

– Ну, Валька, засранец, насмешил.

Все офицеры в очереди дружно рассмеялись, а я от смущения покраснела, вот опозорили.

Когда мама маленького Толика Магонова взялась за ремень, он попросил ее:

– А ты не могла бы меня, как Валика его мама, полотенцем?

Но его мама на эту дипломатию не поддавалась.

Пилотам выдавали шоколад, который они скармливали детям за стишок или песенку. Тима принес шоколад и первым поставил на стул Толика Магонова, и тот продекламировал:

Матрос на скором катере
Поплыл к ебене матери.

Услышав это, Тима объявил:

– Все, концерт окончен.

А выступавшие конкурсанты остались без поощрительно-го приза. Сидоровский любил, как Валик декламировал «Елку». Тот букву «р» не выговаривал, и получалось приблизительно так:

– Елку вы...еблю в лесу...

Заканчивалось выступление словами:

– ...В крепких сиськах смоляных.

Далее Сидоровскому уже было совершенно не интересно, и номер на этом заканчивался, а Валик получал шоколад. Наверное, из-за того, что в детстве ел много шоколада, он и вырос таким умным.

Еще была история с петухом. Только Тима вступал на мостки, ведущие к дому, как петух мчался к нему навстречу, готовый к бою. Но Тима удачно отбивал крагами его наскоки, чем злил петуха еще сильнее. В результате петух стал опасным для людей. Когда сосед увидел, что его курочка отправилась к петуху, желая, чтобы тот ее хорошенько потоптал, он просунул голову в лаз курятника. Однако петуху такое поведение не понравилось, и он сильно клюнул соседа в лысину. Но так ему и надо – не суй свой нос, куда не просят. Гораздо хуже, что петух стал нападать на детей, выходивших на улицу с куском хлеба в руках, и отбирать его. А мог при этом и клюнуть в глаз.

Поэтому решили петуха зарубить. Я попросила:

– Только так, чтобы я этого не видела.

Так Тима вместо того, чтобы заманить петуха в курятник, гонялся за ним по всему участку, а когда петух совсем выдохся, пришел в дом за топором и принес птицу со связанными лапами. Я в слезы:

– Ты что, это все нарочно? Я же просила тебя!

В итоге петух попал в суп.

Тима сделал для сына воздушного змея, отправились в поле его запускать. Предвкушая необычную для него забаву, Валик вприпрыжку радостно поспешил за отцом. Поймав необходимый ветер, Тима запустил змея. Но что-то пошло не так, вместо того, чтобы подняться ввысь, змей спикировал и ударил Валика в лоб. И все! После этого никакого воздушного змея Валику стало не надо, он даже смотреть на него не хотел и от повторной попытки наотрез отказался. И тогда этого злосчастливого змея кому-то подарили.

А еще ходили в рощицу за орехами. Тима брал с собой приставную лесенку, а Валик корзинку для орехов. Приходили, Тима ставил к дереву лесенку, взбирался на нее, срывал орехи и бросал их вниз. Валик орехи поднимал и собирал в корзинку. Обычно все проходило гладко, лишь однажды лесенка из-под Тимы выскользнула и упала, но ему удалось ухватиться за ветку, которая его выдержала, не обломилась, а потом удачно спрыгнуть на землю. Так что он остался не травмированным и с орехами, но это происшествие воспри-

нял как знак, что на сегодня хватит.

В Чкаловске муж нередко ходил пострелять уток и обычно возвращался с добычей. Как-то раз пошли на кабана, который выбежал на Тиму, и он зверя застрелил, так что при дележке мяса по охотничьей традиции ему дополнительно досталась и голова, из которой мама сварила студень.

6.4. Нивенск, 1954–1960

6.4.1. Андрюша

Моему младшему сыну Андрюшке было всего несколько месяцев, когда мужа перевели в Нивенск. «Тяжевское ЧП» – так называли Андрюшу из-за всяких происшествий с ним.

Во-первых, он тяжело болел свинкой и ветрянкой. Причем ветрянкой он заболел вскоре после того, как ему привили оспу, у него были остановки дыхания, и он синел. Другие болезни протекали полегче.

Во-вторых, он глотал глаз от игрушечного котика и рыбку. Тима наловил для рыбалки мальков и поставил ведро с ними на кухне. А Андрейка скакал рядом с ведром и упал в него прямо вниз головой. Его сразу же выдернули из ведра, но он уверял, что проглотил рыбку. Так ли это было, неизвестно, но температура у него поднималась.

В-третьих, он упал в колодец. Пришла Танька Пянькина и сказала:

- А ваш Андрей сидит и плачет.
- А что произошло?
- Ему жалко новенький галош.
- А что с ним случилось?
- Он остался в колодце. Андрей сам выбрался, а галош

там остался.

Выяснилось, что, упав вниз, Андрей сам по скобам поднялся наверх, а девчонки подавали ему руку, помогая выбраться. И как он не утянул их вниз?! Тима потом лазил за галошей в колодезь и удивлялся, как сын не разбил себе голову о торчащие железные скобы.

В-четвертых, старший брат Валик вез его на велосипеде на раме, и у Андрея нога попала в спицы колеса. Вроде бы их догоняла лошадь с телегой, он обернулся посмотреть, вот нога и попала. И довольно долгое время потом была в гипсе.

В-пятых, он скатился вниз по лестнице, оступившись в темноте. Мы жили на втором этаже, куда вела довольно крутая лестница с деревянными ступенями. Так Андрей кувыр-кался по ней почти до самого низа. От испуга он начал заикаться, и это продолжалось вплоть до поступления в школу.

Были и другие происшествия, помельче. А еще Андрей плохо ел, был худеньким. И старший брат Валентин звал его «доходягой» или «скелетером». А по цвету волос еще – «сип белоголовый».

Жили мы в немецком каменном доме. Квартира состояла из двух смежных комнат и кухни. Внизу жили две семьи – Пянькины и Шадрины, которых вскоре сменили Кричаки. Дом имел две парадные, во второй тоже жили три семьи.

Так вот, Андрей плохо ел. Я ставила условие:

– Пока не съешь, гулять не пойдешь.

И он сидел, сидел над тарелкой. И вдруг стал довольно

быстро опустошать ее. Тайна этого чуда раскрылась, когда мне пожаловалась соседская Танька Пянькина:

– Тетя Галя, я больше не могу доедать за Андрея. Я и дома поем, и еще за него.

Выяснилось, что, когда она приходила звать Андрея гулять, он уговаривал ее доесть за ним, чтобы получить право встать из-за стола.

6.4.2. Валюша

Старшего нашего сына звали Валентином. Когда мы приехали в Нивенск, ему исполнилось пять лет. Там он пошел в школу.

Он уродился умненьким, успевал прекрасно, и его преподаватель Евгений Яковлевич (Гуннякыч, по версии Андрюши), считал его своим лучшим учеником. Когда пришла разрядка на пионерлагерь «Артек», туда должен был поехать лучший ученик. Но директриса решила иначе и послала свою дочь.

Я пошла к ней искать справедливости, но директриса меня отшила:

– Я решаю, кого послать, кто более достоин, и не вам меня учить!

– Но ваше решение несправедливое!

– Все, разговор окончен!

Так из-за невысокого социального статуса своих родите-

лей Валик остался без «Артека». Позднее он говорил, что ехать туда не хотел и совсем не расстроился. А из всех гарнизонов, в которых побывала его семья, Нивенск был, пожалуй, самым лучшим.

При школе имелся приусадебный участок, на котором школьники выращивали разные овощи и кукурузу, и та уродилась у них, как у американцев, с замечательными крупными початками. Этим они опровергли утверждение колхозников, что для выращивания кукурузы наш климат не подходит. Еще как подходит, если ухаживать за кукурузой как следует. А еще по весне школьники ломали тонкие ветки деревьев на корм совхозному скоту.

Для многих учеников выводить буквы в прописях было сущим мучением, а Валику это нравилось. И вот, высунув от усердия кончик языка, он вывел красивые буквы, как вдруг его младший братишка махнул ногой, и с той слетела войлочная тапка, шлепнувшись на только что написанное. Валя взревел от обиды, и только присутствие мамы спасло младшего от расправы.

– Ведь он это сделал не нарочно.

Как будто от этого легче!

Но воспитанием младшего брата Валентин занимался: когда ему надо было приглядывать за Андрюшей, он пристегивал его прищепками к чехлу кресла, чтобы сидел смирно и не путался под ногами.

Ближе к аэродрому росли дубы, в одном из них было дуп-

ло, в которое Валик залезал сам и затаскивал туда своего братишку. Тот потом доложил родителям:

– А мы были в дуплете.

Андрюша сидел у Валика на раме велосипеда, когда его нога попала в колесо, и они грохнулись. Потом Валик привел кошку Багиру, вернее, при разливе пересадил ее с островка на Большую землю, а она увязалась за ним. Коридор на втором этаже, ведущий к окну, она посчитала своим жизненным пространством, которое обороняла, оцарапав меня.

Валентин всегда был склонен к шуткам; когда в гости приехал дед Кока, он повел его на речку. По пути нужно было пересечь полноводную канаву, дойдя до которой Валик заявил:

– Это и есть наша речка.

Деда Кока привез с собой из Ленинграда целый пук рыболовных снастей. От неожиданности дед чуть было не выронил свою ношу, но Валик его успокоил, сказав, что пошутит. А вот настоящая речка просто заморозила Андрея Мартыновича, который днями пропадал на ней. В речке помимо всего прочего водились и угри, и лещи.

Баба Аня приболела, а деда Коки и Тимофея все нет и нет, и она заявила:

– Была бы я здоровой, набрала бы побольше камней и такую рыбалку им показала бы!

Баба Аня потрогала штанишки Андрюши, чтобы проверить, а сухие ли они? Тот насупил и с обидой промолвил:

– Андрика своего щупайте.

Валику речка тоже очень нравилась, он ловил не только рыбу, но и раков, за которыми из Калининграда приезжал экспедитор. За больших он платил десять копеек, за маленьких – пять, а перепродавал в ресторан гораздо дороже, получая приличный навар.

Однажды Валентин где-то гулял, а когда вернулся, отец его спросил:

– Ты где был?

Валик ответил, как ему показалось, остроумно:

– Там меня больше нет.

Однако отцу такой ответ показался нахальным, и он взялся за ремень. Но мама заступилась:

– Подумаешь, мальчик неудачно пошутил.

И ремень был отложен.

Валик подружился с Женькой Кричак, супругой Юрки Кричака, на предмет книг. В гарнизоне была прекрасная библиотека, куда поступали все вышедшие подписные издания и другие новинки, но никто, кроме них, пожалуй, ею не пользовался. Женька, как жена летчика, имела доступ в библиотеку и брала с собой Валентина. Предпочтение они отдавали приключенческой литературе. Так они прочитали всего Жюль Верна.

А еще Валик обожал гонять на своем велосипеде «Орленок». Он ездил обычно в сторону Багратионовска и назад. В сезон он останавливался, чтобы полакомиться клубникой,

растущей на обочине.

В Нивенске жили наши однофамильцы, которых почта-льонша признавать не желала и всю корреспонденцию отдавала нам. Поэтому Валентину приходилось передавать им адресованное.

6.4.3. Шпионы

Через границу с Польшей в районе Багратионовска шпионы шли довольно регулярно. Их целью был военный аэродром в Нивенске, а чаще транзит в глубь страны. Поляки беспрепятственно пропускали их к нам.

– Почему вы это делаете?

Поляки отвечали:

– Они идут не к нам, а к вам. Вот вы их ловите и с ними разбирайтесь.

Наши пограничники их и ловили, обычным делом была проверка документов пограничниками в рейсовом автобусе.

Баба Лена рыбачила на речке. Вдруг смотрю, а баба Лена бежит как нахлестанная, удочки не смотанные, развеваются на бегу.

– Что приключилось?

– Шпион!

– Что еще за шпион?

– На речке подошел ко мне мужчина и попросил прикурить.

– И ты дала?

– Да, а минут через пятнадцать нагрянули пограничники и интересуются этим прохожим, оказался шпионом!

– Это пограничники тебе сказали?

– Сама догадалась.

– Ну-ну.

А еще по гарнизону болталась повсюду Танька-дурочка, всегда прижимая к себе потрепанную куклу. Однажды матросы растрепали Таньку, ее кукла при этом выпала у нее из рук, упала на бетонку и раскололась, а в ней оказался спрятанный передатчик. Так волею случая была раскрыта весьма талантливая шпионка. Она настолько правдоподобно выдавала себя за дурочку, что никто и подумать не мог, что она нормальная.

Разоблечь-то ее разоблечили, но неизвестно, какие сведения она успела узнать и передать, ведь местоположение военного аэродрома не составляло большого секрета. А что было ценно для разведки?

6.4.4. Пянкин

Иван обиделся на Юрку Кричака за то, что тот притащил замполита, чтобы продемонстрировать ему, как надо делать боевой листок, тогда, когда был разрисован трудный путь пьяного Пянкина из Нивенска домой. Он шел, поскользнулся и падал, отбив себе при этом всю задницу.

Чудаковатым Иван был не только в пьяном виде, но и трезвым. Он отличался своеобразным смехом – какая-то помесь ржания с петушиным криком. Баба Лена, услышав его хохот, тоже не могла удержаться от смеха.

Как-то он заставил свою жену Еву гладить мокрую рубашку прямо на нем, не снимая. Ева возразила:

– Вань, так не делают, сними ее.

– Гладь, растака-мать, тебе говорят.

Она послушно погладила и, конечно, его ошпарила так, что ожог еще потом долго держался и чувствовался.

А еще он, простудившись, попросил жену поставить ему банки. Маленьких медицинских не оказалось, и тогда он велел использовать двухлитровую банку, которая втянула в себя всю кожу с его спины. От боли он орал, и, чтобы спасти его, банку пришлось разбить.

Однажды нетрезвый Иван явился домой весь в слезах.

– Лучшего друга переводят очень далеко, теперь не увидимся.

Он сорвал со стены плащ и в сердцах бросил его на пол, за ним последовала детская ванночка. Далее висел огнетушитель, который оказался тяжелым. Стукнувшись о бетонный пол, он сработал, заливая все пеной. Кричаки выглянули посмотреть, что за шум. Иван развернулся в сторону шелкнувшей двери и окатил их пеной, Кричаки дверь захлопнули. В итоге весь пол был залит огнетушительной пеной, а также пострадала шинель. Утром на следующий день на построе-

нии пятна от пены отчетливо на ней проявились. Командир:

– Пянкин, выйди из строя и приведи себя в порядок.

Вышел, пописал на шинель, покатал ее по снегу – вроде пятна исчезли. Как подсохло, пятна проявились опять. Пришлось ему в военторге покупать новую шинель.

Во время разлива пошли Иван с Кричаком на рыбную ловлю и на булку на удочки наловили бесхозных уток. Закрывшись в кухне, они стали готовить добычу к жарке, а к ним прорывалась Танька Пянкина:

– Хочу посмотреть, какую рыбу вы поймали.

– Потом увидишь.

Также на островке узрели барана.

– Может, прихватить на шашлыки?

Однако Тимофей Васильевич их остудил:

– Вы что, рехнулись?! Советские офицеры! Скандал будет.

Они послушались, и баран остался цел и на свободе. Зато жареная утятина под бутылку пошла за милую душу.

6.4.5. Летняя страда

Вскоре мама в отпуск приехала, пошли на речку гулять. А в поле травы выше пояса уже выросли, и никто их не косит и сено не заготавливает. Тут мама, как опытный партийный работник, решила в правление колхоза пойти и председателю взбучку устроить. И права, главное, были, так как область

Калининградская на первых порах в ведении Ленинграда находилась. Вот мама взяла паспорт и партбилет и, решительно встав на тропу войны, пошла.

Председатель, выслушав ее, начал оправдываться, что, дескать, с завтрашнего дня начнет сенокос. Стали мы в окно наблюдать: утро раннее немного осушило росу, и какой-то мужик, молодой, здоровенный, взялся за косу. Смотрели, как у него дело спорится, а потом что-то неладное творится – всю мокрую траву загружают в машину и только несколько валков оставляют на лугу. Пошли с мамой выяснять.

Подошли, мама строгим голосом просит предъявить документы и наряд на покос. Выясняется, что председатель заключил сделку с литовцами, исполу косить будут: одну половину оставлять, а другую себе забирать.

Мужика взяли в переplet, заставили все выгрузить назад и пошли к председателю. А он решил дать отдохнуть своим совхозникам, то есть время для пьянки выделил. Я тут рассказала, что по весне, когда корма не хватало, ученики ветки голые ломали, чтобы скотина их глодала и не голодала. А такие травы пропадали. И к кукурузе плохо отнеслись, поэтому она у них такая паршивая выросла, а мы с детьми на пришкольном участке получили шикарный урожай и сдали его совхозу, чтобы там силос заложили и коров накормили. За это потом благодарность из Ленинграда получили. Вот такие сельскохозяйственные дела были. А потом бабки из этого совхоза на рынке говорили, что к ним инспектор из Ле-

нинграда приезжал и мужикам на время страды рты завязал.

6.4.6. Кабачок

Как-то Юра Кричак поведал, что, развлекаясь, ходили они и пугали народ с помощью тыквы. В пустой тыкве прорезали глаза, нос и рот, а затем вставляли зажженную свечку, и такую горящую морду показывали кому-нибудь в окошко.

Вот это идея! Тыквы нет, зато нашелся большой кабачок. Изготовление пугала поручили Кричаку, как опытному и знающему. Он соответствующим образом подготовил кабачок и насадил его на палку.

Испытание решили не откладывать в долгий ящик и провести его тем же вечером. Жертвой выбрали Терещенко.

Тихо подкрались и пристроили пугало к их окну. Ида Терещенко проснулась и увидела жуткий кошмар.

– Гриша, посмотри, только посмотри, что это там в окне?

– Ну, что ты там увидела? Черт возьми!

– Гриша, я боюсь, не ходи.

– Я сейчас выйду, и кому-то не поздоровится.

В немецких домах окна были лишь на фасадах, в боковых стенах их не имелось, поэтому шутники свернули за угол и спрятались. Хлопнула дверь, и Гришка выскочил на крыльцо – никого! Громко пробормотав проклятия, он, немного постояв на крыльце, удалился к себе в дом.

Посоветовавшись, шутники решили, что хватит, немного

попугали – и достаточно. А то неизвестно, что бешеный Гришка может отчебучить, если обидится.

В общем, забава оказалась небезопасной, и шутники решили в других местах судьбу не испытывать. Овчинка выделки не стоила. Гришка Терещенко свой, а за чужих говорить трудно. Да и не наша это забава, чужеродная. Вот кому-нибудь снежком залепить – это самое милое дело. И, главное, всем понятно, хотя и бывает обидно.

Снег тает под воротником —
Я простужусь, пожалуй!
Швырнул мне в спину снежный ком
Какой-то глупый малый!
Он просто трус и озорник,
И человек нечуткий!
Бросать снежки за воротник —
Какие ж это шутки!¹

6.4.7. Обливание

В день Ивана Купалы тоже все настороже были, устраивали засады с ведром воды и поджидали жертву. Вся округа это знала и старалась в этот день обходить наш дом стороной. Костю из соседнего подъезда мы с Евой как-то хорошо прихватили, и много времени он выжидал, чтобы нам отомстить.

¹ А. Барто. Два снежка.

Приехала к нам на отдых мама из Ленинграда, и я ее устроила во саду ли в огороде в гамаке подремать. Вот она, почитав газетку, ею прикрылась от солнышка и задремала. Я случайно подошла к окну и вижу, что в соседнем садике что-то происходит. Позвала Еву, соседку снизу, и мы с ней стали вести наблюдение. Смотрим, Костя лихорадочно разматывает шланг и что-то затевает. Мы быстро сообразили, что он увидел – в гамаке кто-то лежит, и думал, что это я, а за мной должок числился.

И вот он торжественно включает воду и направляет из-за кустов струю на гамак. И что тут было!!! Вода холодная и льется неожиданно. Такой был вопль! Газета отлетела в сторону, и незнакомая Косте женщина заорала диким голосом: – Галька! Прекрати сейчас же!

А из гамака и молодым сразу выбраться не удастся, а тут человек в годах... Увидев это, Костя, от испуга бросив шланг и не выключив воду, вынырнул из кустов и побежал опрометью куда глаза глядят. Мы ему сверху успели прокричать счет:

– Один ноль в нашу пользу!

В результате весь сад-огород своего подъезда он залил водой, за что от всех оценку получил ту, что заслужил. И весь период пребывания мамы у нас он, как шалун-проказник, по зарослям пробирался домой, чтобы ей на глаза не попасться. И обязательно кто-то это засекал и улюлюкал ему вслед.

Другой эпизод. От нашего дома к болоту был спуск по

склону, покрытому мягкой душистой травкой, и там мы иногда загорали, пока наши хлопцы летали. А болотце образовалось так – еще у немцев была там сточная канава, потом она подсохла немного и превратилась в болото, если кто-то туда из живности забегал – пропадал навсегда.

Ну и вот, там расположились Ева с Верой загорать до пояса голяком – сейчас это называется топлес. А летуны на полеты собирались. На обочине машина стояла, летунов ждала, возле нее начальник ПДС метался – должников по прыжкам собирал. Время у них в запасе еще было, так что не спеша, нога за ногу, брели к машине. Выходит наш Юра Кричак на крыльцо и видит далеко: картина маслом в стиле ню – загоральщицы.

Хватает ведро с водой, сзывает зрителей на крыльцо и с подветренной стороны крадется к девчатам. Подобрался незаметно и – бух ведро воды на них. Они испуганно вскочили, наполовину голые стоят, от неожиданности рты разинули, зрителей не видят. А с них купальные трусы постепенно сползают. Девчата еще за Юркой кинулись бежать, но того не догнать – в машину скок, и все. Довольны были все, кроме потерпевших.

6.4.8. Замполит

С замполитом у меня сложились сложные отношения. Началось с того, что он приказал мне купить пакет государ-

ственного займа. Я возразила:

– Мой муж уже купил.

– Это он, а ты?

– А у меня своих денег нет, только мужние.

– А другие жены покупают.

Я пожала плечами:

– Предлагаете мне обезьянничать?

– Не обезьянничать, а проявить патриотизм.

– Наша семья его уже проявила, – отрезала я.

Но замполит этот разговор запомнил.

Как-то раз он заявляется, меня вызывает и приказным тоном объявляет:

– Надо бригаду собрать и совхозу идти помогать, а то они урожай собрать не успевают, рук не хватает.

– Хорошо! Будет сделано!

Собрала женщин из трех домов, и пошли на горушку в совхоз помогать. Пока шагали по полям и огородам, все смотрели, усталых работников узреть хотели. Кому помощь нужна – непонятно, всюду ни души. Все на завалинке у магазина сидят, уже никакие. Напились и, нас увидев, удивились:

– Ну, посмотрим, как офицерши будут работать!

Я говорю:

– Мы пришли не за вас работать, а вам помогать. А в поле никого не видать, и нам там делать нечего.

Председатель стал меня увещевать, что, дескать, у них выходной, а вы за них поработайте. Я ему кукиш показала,

мы развернулись и восвояси удалились. Замполиту они свою версию рассказали, и он пришел нам нотацию читать. Я сказала:

– Помощь оказать – всегда пожалуйста, а пьяни зрелище устраивать – не выйдет!

Тихо-мирно сидим, кто на скамеечке, кто на крылечке. Вдруг едет на велосипеде замполит. Кричит:

– Девочки, здравствуйте!

И мы хором:

– И вы не хворайте!

– Что-то у вас затишье какое-то, никто никого не поливает.

Отвечаем:

– Некого, все персонажи на аэродром на полеты поехали.

И вы туда же?

– Да.

– Вот узнайте, будут ли полеты. Если нет, то подготовим им встречу.

Уехал. Собрались мы в кружок и обсудили, какую ему встречу на обратном пути организуем. Самая молодая и проворная, гибкая, как пантера, Женя Кричак должна с ведром воды в придорожных зарослях трын-травы укрыться, затаиться. Мы же речами сладкими его снимем с велосипеда и окрестим по высшему разряду. Выставили дозор в окошке на крыше, все в готовности номер один. Вдруг из кустов Ангелка смущенно сказала:

– Как бы не рассердился, ведь все же замполит.

– Сам напросился.

Настал момент – дозор дает сигнал, партизаны по местам! Едет, его окликаем, словесами с велосипеда снимаем, разговорами всякими занимаем. Про цирк заговорили, а там каждый номер восклицанием начинают – алле гоп! Это сигнал, и Женька на него ведро воды выливает. Съежился, испугался, «как кур в ощи́п попался». Я ему на подносе рюмочку вынесла и хлеб с солью, как положено уважаемых людей встречаем. Укоризненно на нас взглянул, лишнюю воду изо рта выплюнул, сел на своего коня и подальше от греха покатился, а мокрый след за ним тащился.

Ему вслед прокричали:

– До скорого свиданьица!

А что ответил, не слышали. Наверное, не хотели, или неприличные слова в сторону улетели. Можно сказать, проявили полное неуважение к его высокой должности.

6.4.9. Первое апреля

Я была большим мастером по первоапрельским розыгрышам. И первым, кто попался мне под руку, был муж.

– Тима, соседка Ксения жаловалась, что у нее на кухне лампочка искрит, и просила тебя прийти и посмотреть.

Он прихватил инструменты и направился к выходу, и вдруг возвращается. Ну все, видно, почувствовал подвох.

– Ты чего?

– Надо на всякий случай галоши надеть.

– Вот это правильно.

Ушел, а через некоторое время послышался хохот Ксении, которая сразу поняла, что это был первоапрельский розыгрыш.

Отправилась я в соседний подъезд – Володю поздравить с апрелем. Еще не знаю как, но по ходу придумаю. Спускаюсь по лестнице, а ребята из нижних комнат спрашивают:

– Галя, ты куда?

– Пойду Володьку с праздничком поздравлю!

– Не ходи, ничего не выйдет – он только что тут был и думал, как бы тебя поздравить, так что он настороже.

– Ничего, – говорю, – выходите на крылечко, я его традиционно поздравлю.

Так и сделали, зрители гурьбой стоят, ждут. Я поднялась на несколько ступенек к ним и кричу его жене:

– Вера, Вера! Выйди скорей!

Выскочил Володька вперед нее:

– Что случилось?

Я говорю:

– Кто-то вашу курицу подбил, и она падает на крыло, наверное, концы отдает.

Знаю, Володька – запорожский хохол, и жаль ему животину будет, и точно, кубарем скатывается с лестницы. А я ему говорю:

– Пока жива еще, ее зарубить надо.

– Да, обязательно! Чтобы не пропала!

Вернулся, схватил топор и бежит. Выскакивает на крыльцо, уже от жадности и зрителей не видит, бежит к курятнику.

– Где? Где?

– А вот там, с Первым апреля!

Он как вкопанный встал, ничего не понимая, но дружный хохот с нашего крыльца привел его в себя. И он с досады и печали так хватил топор оземь, что только щепки деревянные брызнули в разные стороны. И топор в сторону улетел, а сам прыгал, как шаман, и орал:

– Вот дурак, вот дурак! Ведь знал и расслабился!

Я ему пожала руку и удалилась. Зрители были очень довольны, и до самого вечера не умолкал хохот.

6.4.10. Маски

Баба Лена из Ленинграда прислала маски: Бабы-яги, черта, кота и лисы. И, конечно, самой забойной оказалась маска Бабы-яги. Маски есть, значит, их следует надеть и навестить соседей.

Первым опробовал маску Бабы-яги мой старший сын. Есть фотография, где он дома у елки что-то протягивает младшему, а тому хочется взять и очень боязно.

А потом он захватил маску Бабы-яги в школу. Одноклассник брата Ванька Марков на школьной елке был весь погло-

щен разворачивающимся действием и даже радостно приплясывал на месте. И вдруг внезапно на его плечо легла тяжелая рука. Обернувшись, он увидел Бабу-ягу и сперва замер в испуге, а потом закричал:

– Отойди, уходи и не трогай меня!

И хотя сын Ваньку отпустил, праздник для того закончился, теперь он только следил за Бабой-ягой, и ничто больше его не интересовало. А вдруг она снова окажется за его спиной, а это так страшно.

Но, конечно, взрослые посчитали, что маски присланы для них. Маску Бабы-яги захватила я, как главарь, инициатор и вдохновитель проказ. Поверх одежды я напялила на себя мужнее светлое исподнее белье, мои подельники также вырядились соответствующе.

И пошли мы по знакомым. Первыми навестили соседей через дом. Конечно, нас никто не узнал, а когда я начала тискать и щупать женщин, те, смеясь, запротестовали:

– Левка, перестань!

Так вот чем занимается Левка в свободное от службы время! Потом направились к сослуживцам Володьки Сбарского, которому досталась маска черта. И только ему открыли дверь, как он сделал выпад игрушечной шпажкой. Но там народ оказался непугливый, его схватили за маску, расцарапав лицо.

В результате маска была сорвана, и началось братание. Мужчины за Новый год пропустили по рюмке, а я от выпив-

ки отказалась, молча сделав отрицательный жест рукой. Я не стала расшифровываться, своей маски не сняла и голос для опознания не представила.

Конечно, в таком тесном обществе полностью сохранить анонимность невозможно, но это потом, а пока я осталась неузнанной. Это было полезно для новых возможных визитов, а так пошли неясные глухие слухи, что шалит нечистая сила. И даже мужичков наших я сумела завербовать себе в помощники.

А их и вовсе заколдовывать не надо, они и сами рады пошалить и подурачиться, кого-нибудь разыграть. А тут им такая прекрасная возможность представилась.

6.4.11. Кто первый

Казалось бы, самая простая детская игра: кто удачнее бросит кубик, тот и выигрывает. Беги себе без забот и затей. Никакой тебе игры ума.

Однако разработчики этой игры установили правило, сделавшее ее остросюжетной и занимательной, – чужую фишку можно съесть. Если вы выкинули кубик, а на поле, куда вы должны поставить свою фишку, находится чужая, то вы ее снимаете и отправляете на исходную позицию, то есть владельцу съеденной фишки все придется начинать сначала – выкидывать шестерку для выхода на круг, а затем вести ее дальше, в общем, снова-здорово.

Когда кто-нибудь вел последнюю фишку, за ней начиналась настоящая охота, и, если ее удавалось съесть, это событие отмечалось радостными возгласами. Дело доходило до семейных ссор. Иван Пянкин, предвкушая свою победу, вел последнюю фишку, когда ее съела его жена Ева.

– Ты зачем меня съела, растака-мать?

– А ты бы тогда выиграл.

– Вот и хорошо.

– Но, Вань, я тоже хочу выиграть.

– Могла это сделать и в следующий раз.

– А хочу сейчас.

Пянкин смерил жену недобрым взглядом. В эту партию игры никто из Пянкиных не выиграл.

Партия обычно продолжалась более часа, и за вечер удавалось сыграть несколько партий, поскольку на игру уже была очередь. Потерпевшие неудачу выбывали, а на их место включались новые игроки, нетерпеливо ожидавшие своего часа. Я всегда была в этих играх заводилой, а вот муж Тима в них не участвовал.

Игра была настолько захватывающая, что о картах, очень популярных в офицерских кругах, никто и не вспоминал. Игра была куплена для подростка, но он смог сыграть в нее уже значительно повзрослевшим, поскольку в Нивенске она была оккупирована исключительно взрослыми.

От частого использования игральная доска поистерлась, а попытка купить новую потерпела неудачу, поскольку в Ле-

нинграде игра «Кто первый» очень быстро разошлась. Поэтому подновлять игральное поле приходилось кустарным способом.

Традицию игры в «Кто первый» продолжили техникумовские соученики Валика. Запомнилось, что Бабуля – приятель Валика по техникуму Боб Ледянкин – на удачу тряс кубик в тапке. Играли также с азартом.

6.4.12. Операция «Дрова»

Соседке из дома рядом Зойке Борисенко привезли дрова и свалили кучей во двореке. Там они и лежали, привлекая к себе чужие взгляды. За домом был немаленький огород, доходивший до бетонки шоссе.

Итак, идея забавы родилась и под покровом ночи нашла свое воплощение – орава шутников перенесла дрова за бетонку и сложила их в аккуратную поленницу.

Утром Зойка проснулась, а дрова бабай унес. Она в крик, а соседи ей и говорят:

– Видели за бетонкой поленницу дров. Не твои ли?

– Наверное, мои. Но как они туда попали?

– Как, как? Ветром унесло.

– Пойду посмотрю.

Сбегала, посмотрела.

– Ну и как?

– Без сомненья, мои. И как их туда черт унес?!

– Прямо уж черт, кто-то поближе.

– А мне не легче.

– Без чертовщины легче.

Тут, конечно, вмешались шутники.

– Поможем по-соседски перенести назад, готовь бутылку.

Перетаскивали умышленно медленно, показывая всем своим видом, какое это тяжелое занятие – таскать поленья, хотя ночью все это проделали весело и увлеченно.

Когда процесс перетаскивания был завершен, это отметили бутылкой. На закуску были тоненькие ломтики черной редьки, посыпанные солью и политые растительным маслом. Моя мама водку на дух не переносила, но редьки вместе со всеми отведала.

Тима в этих забавах не участвовал, считая, что это не к лицу офицеру и коммунисту, да и по возрасту он был старше. Заводилой была, как всегда, я.

6.5. Балтийск, 1960–1961

6.5.1. События

Навсегда запомнился пожар: горел дом Момпории, который находился на другой стороне нашей улицы, стреляла черепица, лопавшаяся от жара.

Валик и Андрей заболели желтухой, Валик попал в госпиталь, а Андрей в городскую больницу. Валика пользовал врач, писавший диссертацию на тему лечения облепихой, он был фанатом этого способа лечения и заставлял пациента ежедневно пить компот или кисель из облепихи, считая, что это путь к выздоровлению. Андрюша в больнице услышал первый в своей жизни анекдот, удивительно пошлый, который рассказал ему второклассник. Но самым мерзким в лечении было взятие желчи, для чего надо было глотать кишку.

Перед отплытием в Америку в Балтийске останавливался огромный теплоход Никиты Сергеевича Хрущева. Учителя приготовили своим ученикам приветственные речи, но Хрущев помахал всем рукой и тут же скрылся в своих корабельных апартаментах, к великому разочарованию провожающих.

Такой же огромной была база китобойной флотилии «Юрий Долгорукий». Китобои с вертолета разбрасывали

приветственные листовки, а потом они и их встречающие пили бутылочное пиво и лимонад. Предприимчивые мальчишки, среди которых был и Валик, собирали пустые бутылки и сдавали их в приемный пункт по 12 копеек за штуку.

6.5.2. Рутина

Переехав в Балтийск из Нивенска, мы поселились в поселке Камсигал, кажется, улица Полевая, дом 1. С нами была Татьяна Сидоровская, поскольку ее мать Елена Сергеевна очень тяжело болела и сам Сидоровский неотлучно находился при ней в больнице. В Балтийске Татьяна пошла в первый класс. Валик учился в пятом и занимался плаванием в бассейне, а Андрюша был дошкольником. Между Валиком и Татьяной возникла своеобразная конфронтация. Таня собирала всех местных кошек, «облизывала» их. Валентин же, выходя, подцеплял ногой под брюхо какую-нибудь кошку и подкидывал ее вверх. Кошке это вреда не причиняло, даже развлекало ее, но Танька возмущенно кричала:

– Живодер!

А Валик был доволен.

Жизнь в Камсигале была весьма своеобразной, например, хозяйки растапливали печи с помощью артиллерийского пороха, который находили на поле за садами. Мальчишки играли настоящими ржавыми негодными винтовками, а на коляске катали пулемет.

Валик нашел где-то ржавый пистолет вальтер, который его отец отмочил в керосине, забил в то место, где должна была находиться обойма, деревяшку и покрасил ее под цвет дула, так что вальтер выглядел как настоящий.

Под печкой обнаружилась настоящая боцманская дудка. Тима вставил в нее шарик, и она зазвучала как следует, залиvisto.

Мы приехали в конце лета, когда весь урожай был собран, и мы с Танькой довольствовались случайно уцелевшими вишнями и огурцами. Тима же нашел в конце сада и накопал свежий хрен, и когда он молот его на мясорубке, то соседи наверху падали от ядерного жгучего аромата.

Баба Лена ходила к Корепановым играть в карты на деньги, и баба Лена проигралась. Ее сын Олег нарисовал на эту тема карикатуру.

Вы думаете - я
на пенсии или
на зубах остано-
влюсь, не! Играю
на портки!

„Доигралась“

Балтийск – это настоящий рыбный рай. Постоянно ловилась крупная камбала, один рыбак вытащил такую – размером с велосипедное колесо. Свежевыловленная жареная камбала очень вкусная! На пирсе морзавода Тима с Валиком ловили крупную плотву, которую Тима вялил. А то проходил клич – треска пошла! И все рыбаки кидались ее ловить. Рыбу мы ели чуть ли не каждый день. Олег отметил рисунком и эту тему.

„Тимина уха“

До кормили до

Электромонтер подошел как-то, чтобы спросить дорогу. Момпория узрела это и сразу ко мне:

– Что он вам предлагал?

– Леца, но я отказалась.

Муж Момпории хорошо ловил, но ей все было мало. Она догнала электромонтера и, понизив голос, предложила:

– Давай открывай.

– Что открывать?

– Да чемоданчик, не бойся, я возьму.

Тот в изумлении спросил:

– Что возьмете?

– Да то, что у вас в чемоданчике, давай открывай.

Монтер открыл. Момпория удивилась:

– А где рыба?

– У меня ее нет и не было.

Тут до Момпории дошло, что я пошутила.

Валик имел большую свободу, во время обеда он приходил на морзавод и получал от моряков макароны по-флотски и кружку чая.

Флот ушел на маневры, а у мужа при штабе дежурил флотский офицер. Тима спросил своего сослуживца:

– Как ходил на рыбалку?

Тот перехватил взгляд моряка, дескать, мы заняты по горло, а они на рыбалку шастают, и ответил задиристо:

– Какая там рыбалка, вся рыба ушла в Палангу, где флот

травит.

Это была для мужа последняя весна на военной службе, по хрущевскому указу он демобилизовался и увез семью в Ленинград, где и остался. В том же году к ноябрьским праздникам получил там отдельную двухкомнатную квартиру.

А на Первوماй неожиданно выпал снег.

7. Карташевская, 1962–1967

7.1. Поросенок

Июнь, мы на даче в Карташевской. Молодые хозяева на работе. Бабка Ксения оставлена с детьми и горюет, что в Троицу не может сходить в церковь и на кладбище, так как поросенка надо накормить и выпустить погулять. Коза и кролики в порядке. Баба Лена говорит:

– Собирайся и иди, что я, не справлюсь с поросенком твоим, что ли.

– Да он может к соседям пролезть и огород изрыть, это раз, детей может укусить, это два, если калитка открыта – убежит на улицу, и ищи тогда ветра в поле, это три.

– Собирайся и иди, справлюсь.

Ушла баба Ксения, и до вечера ее не было. И мы были свидетелями, вернее, зрителями, комедийного представления, любой режиссер позавидовал бы такому сценарию.

Внуку Леше приказано было с крылечка во двор не выходить. Он сидит на крылечке, а поросенка выпускают на прогулку, и тот сразу пытается подлезть под ограду и проникнуть в огород к соседям. Баба Лена успевает его схватить за задние ноги. И вот передняя половина поросенка у соседей в огороде, а задняя – у нас во дворе. Поросенок, недовольный

таким обращением, пронзительно визжит. Баба Лена громко его ругает, и Лешку тоже, поскольку он слез с крыльца и поспешил на помощь бабушке, он же мужчина и ему уже пять лет.

Бабе Лене удается вытащить поросенка назад, и тот устремляется к Лешке. Он с криком – к крыльцу, поросенок, визжа, следом, а баба Лена с руганью за ними. Лешка успевает заскочить на крыльцо, баба Лена читает ему нотацию, а поросенок тем временем устремляется опять к огороду. Бегут теперь в обратном порядке: впереди поросенок, за ним баба Лена, а за ней Лешка, с тем же криком, шумом, гамом. Картина маслом!

И такое повторялось трижды. На этот гам вышел на крыльцо Тима, и баба Соня, открыв калитку, опешила от изумления.

– Что встала, разинув рот?! Закрой калитку! – резко крикнула ей баба Лена.

С испугу баба Соня забыла, в какую сторону закрывается калитка, и некоторое время не могла с ней справиться. Поэтому несколько нелестных слов услышала в свой адрес. Тогда Тима, увидев такой накал страстей, взял еловую лапу, хлестнул ею по заднице поросенка, и тот мигом очутился в сарае на своем месте.

Лешка получил по тому же месту от бабы Лены. И все! Воцарилась тишина. Зрители разошлись. Смех прекратился. Баба Лена с испариной на лбу чертыхнулась и пошла кор-

валолчику хлебнуть и потом поросенка кормить. Вот тебе и Троица, и Бог в трех ипостасях – Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь! Надолго запоминаются такие зрелищные праздники!

7.2. Сказ о рыси

Давным-давно, в прошлом веке, в 1960-х жили мы в Карташевской на даче, в Новых Маргусах на Лесной улице, дом 7. Посреди улицы дорожная колея вся в рытвинах и ухабах, по одну сторону – дома, а по другую – опушка большого лесного массива. Вдоль кромки леса тянулась тропа для пешеходов, а у домов только канава была. Сойдя с поезда, ступаешь на тропу – и сразу погружаешься в звенящую тишину, которую будто можно было слышать, что удивляло и очаровывало.

Напротив нашей дачи на этой лесной опушке была детская площадка, и взрослые тоже ею не гнушались. Там была натянута сетка для волейбола и бадминтона, дети тут же могли в футбол играть. А немного подальше пересекались лесные тропинки, туда ходили отдыхать, на травке поваляться, в карты поиграть. Пикничок устраивали небольшой – тогда шашлыки и коньяки были не в моде, все поскромнее было. Обходились лимонадом и газировкой, обед готовили на костре, и было весело. Патефон брали, танцевали, в бадминтон играли, ягоды собирали. В общем, жили – не тужили, отдыхали после трудовой недели.

Это все в выходные и отпускные дни происходило, а в будни бабушки с внуками жили. От нас баба Лена с пятью внуками была, еще моложавая, на ногу быстрая. Успевала все:

и в лесок сбегать, и грибков и ягодок набрать, еду сварить и всех накормить. И вот на этой лесной опушке баба Лена полянку нашла – и там всегда несколько белых находила, поэтому только туда ходила. Эта полянка была ограждена частоколом из молодых елочек, тесно прижавшихся друг к другу. Чтобы этот частокол миновать, надо было очень рисковать – приходилось исцарапаться до крови. А я придумала и ей показала, как можно безболезненно туда проникать. Вот так: встаешь задом к частоколу, закрываешь руками голову и лицо и, как танк, продираешься. Ветки тебя как бы обтекают, и на полусогнутых ты на полянку проникаешь, а там выпрямляешься и спокойно обходишь пеньки по краям полянки, где грибочки притаились. А посередине был огромный пень, как стол, ровный и гладкий, на нем баба Лена отдыхала и потом таким же макаром оттуда вылезала. Голову вниз наклоняла, а потом соображала – куда она попала, и всегда там в трех соснах терялась и уверяла, что она глубоко в лес заходила.

И вот однажды, когда вся скамейка бабками занята была, хозяин дачи пришел и между прочим сказал, что ему егеря поведаль, будто в нашем лесу рысь появилась. Но потом об этом забыли до поры до времени.

Как-то после обеда мы с маменькой моей – бабой Леной в лес по грибочки пошли, она в свой закуток, а я дальше в лесок. Долго ли ходила, не знаю, полное лукошко набрала, прихожу домой. И вот картина маслом: маменька лежит, го-

лова обвязана, голос дрожит, лепечет что-то, я еле разобрала. И вот спрашивает меня:

– Галя, а что, у рыси хвост куцый, а на ушах кисточки?

– Да, – отвечаю, а к чему не пойму.

И вот что она мне поведала:

– Пролезла задом наперед к моей полянке, выпрямляюсь, и, к моему изумлению, на пне рысь сидит и во все глаза на меня глядит. Хищно облизнулась, немного пригнулась – видимо, к прыжку приготовилась. У меня молнией мелькнула мысль – кто первый нападет, тот и победит. Сразу скорчила зверскую гримасу, согнула пальцы, сделав как бы когтистую лапу на руке, и со страшным криком – ха! – бросилась на дикого кота. Рысь, высоко подпрыгнув, сделала кульбит и мигом скрылась в лесных зарослях. А я, вся в волнении, дрожа, бросилась бежать к ельнику, забыв про все, напролом пробилась. Все лицо и руки исцарапала, клочки волос на ветках оставила. Ничего – спаслась! Отлегло. Во все стороны гляжу, где я, никак не соображу. Как добралась домой – никак не пойму. И вот, теперь лежу и не помню – были ли кисточки на ушах и куцый ли хвост, не знаю.

Вот такие дела лесные... Напоила я ее корвалолом, а вечером пошли за молоком к Марусе. И, не доходя до ее дома, увидели: на заборе сидит большой кот. И мама восклицает:

– Так это та рысь, которую я там видела!

Кот же, увидев бабу Лену, незамедлительно удрал и потом старательно обходил ее стороной на значительном расстоя-

нии. Но самое забавное в этой истории то, что, как я обнаружила позднее, на мамину поляну необязательно было продира́ться через ельник, имелась возможность его спокойно обойти.

8. Рощино

Жили мы в Рощино на даче 15 лет – с 1975 по 1989 год.

Как хорошо жилось нам там на даче,
Какой нашли мы в Рощино уют,
Как рады были мы такой удаче,
Покой и радость обрели мы тут.

Участок дачи был на кромке леса,
В три яруса лесная благодать,
Кругом душистой зелени завеса,
И даже ягоду лесную можно брать.

Чертополох разросся на полянке,
Его с приветом от соседа принесло,
По-детски радостно он парашютики-семянки
Пускал по ветру, выйдя на крыльцо.

Какое было разнотравие вокруг,
Лекарства можно засушить, набрать
И все свои душевные недуги
Настоем этих травок снять.

Какие птицы – красота лесная —
К нам на кормушку собирались в сад
И о прилете песней возвещали,

И угощению был пернатый рад.

Семья ежей селилась возле дома,
Их угощали теплым молоком.
Кормушка рыжим белочкам знакома,
Бегут, нарядные, с пушистеньким хвостом.

Какое счастье быть с природой вместе
И этим прелестям ее внимать,
И слушать птичий гомон-песни,
И азбуку природы понимать.

Какие сосны были украшеньем,
Одетые в смолистые шелка,
И в непогоду нам давали утешенье,
Приветливо кивая свысока.

И лес и сад – все здесь перемешалось,
В единое содружество сплелось.
Как хорошо на воздухе дышалось
И в гамаке под соснами спалось.

И если ты устанешь очень-очень,
Уляжешься для отдыха в гамак:
Увидишь синь небесную средь сосен
И глаз от этого не отведешь никак.

Березки в ситцевых нарядных сарафанах,
Зеленые сережки распустив,

Служили ветхому забору как охрана,
Своими ветками его прикрыв.

Хозяин дачи был Иван Иванович,
(Мы звали за глаза его – Мудрон),
Ходили «крепость» запирали на ночь
Или шутили – «в дырах бастион».

Ван Ваныч был хозяином хорошим,
Своих он дачников ничем не ущемлял
И все свои владенья, между прочим,
Он, как себе, вполне нам доверял.

Работал много он, умело и красиво,
Приятно было на него смотреть,
И даже туалет построил всем на диво,
Додуматься до этого не всем дано суметь.

Годами был он на восьмом десятке,
Но этих лет никто б ему не дал,
Бежит с портфельчиком – сверкают только пятки,
Он все дела исполнить успевал.

Работал на заводе до упора,
По магазинам бегал, высунув язык,
А дома жаждет тунеядцев свора,
Он их избаловал – обслуживать привык.

Зато жена на двадцать лет моложе —

Артистка по натуре и в делах.
Считал, занятия ей грубые негожи,
Таких, как Таня, носят на руках.

Татьяну голосом природа одарила,
Уменьем очаровывать мужчин,
Своими песнями она весьма пленила,
И не любить ее ну не было причин.

У жизни так кружилась в водовороте,
Поклонников имея целый рой,
И заносило часто в повороте,
И жизнь казалась просто неземной.

Но в жизни все приходит и уходит,
Всему имеется какой-то свой предел,
И люди есть, которые находят
На дне стакана жизненный удел.

Растили вместе Танину дочурку,
Один – в заботах, суете, делах.
Другая – без хлопот, пригубив чарку,
Жила себе в «лямурах» и мечтах.

Так год за годом быстро пробежали,
Очнулись вдруг – а дочь уж подросла,
И спохватились: как же мы не знали,
Как та однажды в табор забрела.

Цыгане цепко в дурочку вцепились,
Околдовали, обманули, увели,
И каждый год все новые на ней женились,
И всю семью в паучьи сети заплели.

Весь дом в цыганский табор превратился,
Обманом все украли, унесли,
И целый выводок цыганский расплодился,
И ничего поделать с этим не могли.

Цыгане быстро все к рукам прибрали,
Хозяйке что-то всыпали к винцу,
Домишко в Рощино продали
И все свели к печальному концу.

Остались лишь одни воспоминания
О бешено промчавшихся годах,
Но в памяти, как будто в заклинанье,
Осталось сердце в рощинских садах.

И прошлое, нахлынув вереницей,
Проходит строем в памяти моей,
И освещает будто бы зарницей
Соседей лица – милых нам людей.

Соседи слева – цитадель науки,
Семья большая, много там людей,
Там все ученые – и бабушки, и внуки,
Со званиями и без степеней.

Там жизнь течет по заданному руслу,
С подходами науки ко всему,
Все по характеру различны и по вкусу,
Ведь монотонность в жизни вовсе ни к чему.

Нам импонирует различие людское,
И к ним мы прикипели всей душой.
Там все по-доброму, там все мирское,
Как будто бы в республике другой.

Мы все их любим, очень уважаем,
Приятно было с ними время проводить,
На посиделки собираться вечерами,
В Карелию с экскурсией ходить.

Поклон вам, добрые, хорошие соседи,
Пусть Бог вам души ваши сохранит,
А память в этой письменной беседе
Меня к вам в Рощино на время возвратит.

Соседи прямо – там свои устои,
Там три сестрицы были во главе,
Семья большая, все размеренно, в покое,
Обед и карты на большом столе.

Ходили к ним мы мудрости учиться,
Там патриарший русский дух.
Три мудреца... а ведь могли ужиться,

Родная кровь, родная речь не режет слух.

Года прошли, и все переменялось,
На смену молодость старейшинам пришла,
И в южном вихре быстро закружилось,
И жизнь уже по-новому пошла.

Все русское пропало, растворилось,
И в доме все поднялось кверху дном,
И энергичное дитя родилось,
И все уже зациклилось на нем.

Руслаша – парень с карими глазами,
По скорости за ним никто не успевал,
Не лазал с детства по карманам за словами
И матом всех за пояс затыкал.

Все перемелется и встанет все на место,
И будет снова в жизни хорошо,
А что грядет – нам это неизвестно,
И возраст тоже к мудрости ведет.

Сейчас мы с Тимой часто вспоминаем,
Что пережили за пятнадцать лет.
Мы в мыслях часто в Рощино бываем,
А съездить снова – силы уже нет.

И как-то сразу все болезни навалились,
Скрутили нас в бараний рог,

А раньше по лесам носились
За ягодами, за грибами, не жалея ног.

Леса на перешейке – природы чудеса,
Цветущий вереск, белый мох,
Душистая еловая, сосновая краса,
Здоровьем наполняла каждый вздох.

Мы много времени в лесах перебивали,
Казалось, что здоровьем запаслись,
Но есть еще судьба – о ней мы забывали
И что года со скоростью неслись.

Так хочется, чтоб все вернулось снова,
Надежду будем сохранять,
Ну а пока лишь остается дома
Что сердцу мило вспоминать.

Фотографии

11. На даче. Стоят слева направо – тетья Аня, мама Лена, крестная Редькина

Сидят слева направо – Андрей Скакунов (Кока), муж тети Ани, дочь Редькиных Ольга, папа Андрей, Редькин. 1926

1. Гале годик. С любимым Мишкой. 1927

2. Гале два годика. 1928

3. Галя два годика. 1928

4. Галя с мамой Леной и папой Андреем. 1928

5. Галя с бабушкой Фаней. 1930

6. Галя с корзинкой. 1933

14. Галя с братом Олегом (Аликом). 1933

7. Галя с братом Олегом (Аликом). 1934

8. *Галя в нарядной шляпке. 1938*

9. Галя с подружками и собакой Ллойд. 1938

16. Галя и папа Андрей. 1938

15. На Петергофских фонтанах с Редькиными.

Слева направо стоят: Галя, Ольга Редькина, крестная Редькина, мама Лена

Слева направо сидят: Редькин, его сын, брат Алик, папа Андрей. 1939

10. Галя с подругой Валентиной Гнездовой. 1944

12. Выпускная фотография. 1945

13. Выпускная фотография. 1945